

АННА УАЙТЛОК
В ПОСТЕЛИ
с Елизаветой

ИНТИМНАЯ ИСТОРИЯ АНГЛИЙСКОГО
КОРОЛЕВСКОГО ДВОРА

Анна Уайтлок
В постели с Елизаветой. Интимная
история английского королевского двора

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11635724

Анна Уайтлок. В постели с Елизаветой. Интимная история английского королевского двора:

Центрполиграф; Москва; 2015

ISBN 978-5-227-06119-5

Аннотация

Анна Уайтлок занимает почетное место среди ведущих и самых читаемых историков династии Тюдоров. Личность Елизаветы I Английской и эпоху ее правления автор рассматривает под неожиданным углом, позволяя читателю заглянуть в святая святых королевы – ее личные покои, где действуют не только и не столько ее фавориты, но самые близкие к ней люди – камер-фрейлины. Эти дамы обладали значительной властью и влиянием, способны были что-то подсказать королеве. Они видели Елизавету без прикрас, одевали ее, готовили для нее косметические средства, ухаживали во время болезни и часто спали с ней в одной постели. Перед нами увлекательная, со многими подробностями, основанная на документах, дневниках очевидцев, письмах и памфлетах, биография одной из самых великих правительниц мира.

Содержание

От автора	5
Пролог	6
Глава 1	11
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	34
Глава 7	41
Глава 8	48
Глава 9	54
Глава 10	58
Глава 11	64
Глава 12	70
Глава 13	73
Глава 14	77
Глава 15	81
Глава 16	85
Глава 17	90
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Анна Уайтлок

В постели с Елизаветой.

Интимная история английского королевского двора

Посвящается Кейт

Уверяю вас, мы, государи, стоим словно на подмостках, и весь мир пристально наблюдает за нами... самые маленькие пятнышки на нашей одежде бросаются в глаза, любой изъян в наших поступках тут же замечают.

Елизавета I¹

Он добровольно, искренне и с пылкой убежденностью поклялся, что никогда не знал ее в плотском смысле, и таково же было мнение моей матери, которая на протяжении 20 лет служила камер-фрейлиной ее величества и часто делила с королевой постель.

Джон Харингтон, крестник королевы, о ее отношениях с сэром Кристофером Хаттоном²

Положение нашей страны зависит от существования только одного человека, нашей повелительницы.

Уильям Сесил, лорд Бёрли³

ANNA WHITELOCK
THE QUEEN'S BED

Copyright © 2013 by Anna Whitelock

© Перевод, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

От автора

Во всех случаях, кроме особо оговоренных, даты приводятся по старому стилю – то есть по юлианскому календарю, введенному в 45 г. до н. э. В феврале 1582 г. папа Григорий XIII ввел новое летоисчисление; согласно папской булле, после 4 октября 1582 г. следовало 15 октября, а новый год должен был начинаться 1 января, а не 25 марта, в день Благовещения, как раньше. Англия, не признававшая папской власти, не приняла новый григорианский календарь, и до 1751 г. английское летоисчисление на 10 дней отставало от летоисчисления католических стран Европы.

Все цитаты приводятся в современном варианте написания.

Пролог

Злонамеренная клевета

Тринадцатилетняя Елизавета отличалась серьезностью и поразительной красотой. Современники восхищались ее белой кожей, золотисто-рыжими волосами, тонким лицом и пронизательными угольно-черными глазами. На портрете того времени художник изобразил ее в алом парчовом платье с длинными, широкими рукавами и пышной юбкой, богато украшенной золотым шитьем.⁴ Тесный лиф едва заметно подчеркивает грудь расцветающей девушки. На голове у Елизаветы так называемый арселе, или «французский чепец». На шее – жемчужное ожерелье. Головной убор, платье и нижняя рубашка также расшиты жемчугом – символом девственности. Ее длинные тонкие пальцы, унизанные кольцами, сжимают молитвенник с лентой вместо закладки. Она стоит перед кроватью; ее фигура выделяется резким контрастом на фоне задернутых темных штор.

Именно здесь, в спальне Елизаветы, произошло одно из самых важных для формирования ее личности событий. Именно в спальне впервые в жизни девушки ее непорочность подверглась сомнению, ее тело стало предметом слухов и домыслов, а постель – тем местом, где она, как считалось, утратила свое доброе имя.

В январе 1547 г., после смерти Генриха VIII, юная Елизавета поселилась со своей мачехой Катериной Парр в поместье Олд-Манор в Челси, на берегу Темзы. В предшествующие годы Катерина и Елизавета очень подружились; их объединяли общие духовные и религиозные интересы.⁵ Однако вскоре дружба мачехи и падчерицы подверглась суровому испытанию. В апреле, всего через четыре месяца после кончины Генриха, Катерина Парр вышла замуж за Томаса Сеймура, дядю юного Эдуарда VI и брата Эдварда Сеймура, герцога Сомерсета, лорда-протектора при молодом короле.⁶ Томас Сеймур был моложавым и привлекательным холостяком. Высокий, хорошо сложенный, с золотисто-каштановыми волосами и бородой, Сеймур славился пылкостью натуры и неумным тщеславием. Первоначально он рассчитывал жениться либо на принцессе Марии, либо на принцессе Елизавете, чтобы с их помощью подняться к вершинам власти, но, поняв, что Тайный совет не даст своего согласия на такой брак, Сеймур решил обратить свой взор на следующее по важности лицо – вдовствующую королеву Катерину Парр. Ходили слухи, что еще до того, как Катерина вышла за Генриха VIII, она была влюблена в Сеймура. С ее стороны Сеймур сопротивления не встретил. Они тайно обвенчались в середине апреля 1547 г., и Сеймур стал отчимом Елизаветы. Он поселился в Челси вместе с принцессой и Катериной. Весь следующий год по утрам отчим регулярно заходил в спальню Елизаветы. Он отпирал дверь и тихо проникал в комнату падчерицы. Если принцесса не спала, он «желал ей доброго утра», спрашивал, как она себя чувствует, и «фамильярно хлопал ее по заду». Если Елизавета еще лежала в постели, он отдергивал полог и «притворялся, будто вот-вот набросится на нее», а она забивалась в самый дальний угол. Однажды утром, когда он попытался поцеловать лежавшую в постели Елизавету, Кэт Эшли,⁷ наставница, растившая принцессу с детства, «пристыдила его и прогнала».⁸ Однако встречи продолжались. Однажды, когда все домочадцы находи-

⁴ Janet Arnold, 'The Picture of Elizabeth I When Princess', см.: *The Burlington Magazine*, 113, № 938 (1981), 303–304.

⁵ Maria Perry, *Elizabeth I, The Word of a Prince: A Life from Contemporary Documents* (London, 1990), 31–35. См.: David Starkey, *Elizabeth: Apprenticeship* (London, 2001), 41–49.

⁶ *A Chronicle during the Reigns of the Tudors from 1485–1559 by Charles Wriothesley, Windsor Herald*, ed. W. D. Hamilton, in 2 vol., Camden Society № 11, 20, in 2 vol. (London, 1875–77), т. I, 182.

⁷ В других источниках ее фамилия передается как Астли. (Примеч. пер.)

⁸ Samuel Haynes, *A Collection of State Papers.... Left by William Cecil Lord Burghley and Now Remaining at Hatfield House*

лись в его лондонском поместье, Сеймур нанес Елизавете очередной утренний визит в ее спальне. Он пришел «с голыми ногами», облаченный лишь в ночную рубаху и халат. Кэт Эшли сделала ему выговор за «такой неприличный вид в девичьих покоях», и он в гневе выбежал прочь.⁹ В мидлсекском поместье Хенуорт, также принадлежавшем Катерине Парр, вдовствующая королева навещала Елизавету по утрам вместе с Сеймуром. Однажды они оба щекотали лежавшую в постели принцессу. В тот же день в саду Сеймур разрезал платье Елизаветы на мелкие кусочки, а Катерина держала ее.¹⁰

Соучастие Катерины в делах мужа озадачивает больше, чем что-либо другое. Вскоре после свадьбы она забеременела; возможно, в силу своего положения она стала более ревнивой, и ревность толкала ее на отчаянные шаги. Возможно, принимая участие в сомнительных играх Сеймура, она пыталась сохранить его любовь к себе. Может быть, она боялась, что у Елизаветы развилось нечто вроде девичьего влечения к отчиму. Как бы там ни было, забавы мужа вскоре надоели Катерине, и в мае 1548 г. Елизавету послали жить к сэру Энтони Денни и его жене Джоан в замок Чезент в графстве Хартфордшир. Денни был видным членом правительства при Эдуарде, а Джоан приходилась родной сестрой Кэт Эшли. Перед тем как Елизавета покинула дом мачехи, Катерина, которая тогда была на шестом месяце беременности, многозначительно предупредила падчерицу о том, сколь пагубными могут оказаться сплетни для ее доброго имени.¹¹ В Чезенте Елизавету держали в уединении; поползли слухи о том, что она ждет ребенка от Томаса Сеймура. Кэт Эшли сообщала, что принцессе всего лишь нездоровится, однако сплетни продолжались. По словам местной повитухи, как-то вечером ее увели из дома с завязанными глазами, чтобы помочь какой-то даме «в богатом доме». Она вошла в комнату, освещенную свечами, и увидела на постели «очень красивую молодую леди», у которой начались роды. Повитуха утверждала, что родившегося ребенка убили, ей же велели хранить все произошедшее в тайне. Она заподозрила, что молодая дама занимала очень высокое положение. Зная, что Елизавета живет совсем недалеко, в Чезенте, повитуха решила, что принимала роды у принцессы.¹²

5 сентября Катерина Парр родила дочь, которую назвали Мэри. Через неделю после родов мать умерла от родильной горячки.¹³ Томас Сеймур быстро забыл жену и вспомнил о своих политических амбициях. Он снова вознамерился жениться на принцессе Елизавете. Кэт Эшли, ранее не одобрявшая поведения Сеймура, так как он был женат, стала пылкой сторонницей брака между Сеймуром и своей юной подопечной. Но когда лорд-протектор герцог Сомерсет узнал об изменнических намерениях родного брата, Сеймура арестовали и обвинили в заговоре с целью свержения правительства протектора и женитьбы на наследнице престола.¹⁴ Через несколько дней Кэт Эшли и сэра Томаса Парри, государственного казначея, доставили в Тауэр, где их допросил сэр Роберт Тируит, служивший главным конюшим при дворе Катерины Парр. Тируит желал знать, что им известно о злоумышлениях Сеймура и его желании жениться на Елизавете. Когда принцессе рассказали о том, что близкие ей люди арестованы, она «невероятно смутилась и очень долго рыдала». Допросы продолжались; в то же время усилились слухи о том, что Елизавета беременна от своего отчима. В пылком письме к лорду-протектору Сомерсету от 28 января принцесса отрицала все обвинения и требовала, чтобы Тайный совет немедленно предпринял шаги по предотвращению

(London, 1740), 99.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Haynes, *Burghley State Papers*, 96; *Elizabeth I: Collected Works*, 17–18.

¹² J. Stevenson (comp.), *The Life of Jane Dormer, Duchess of Feria by Henry Clifford* (London, 1887), 86–87.

¹³ Мэри Сеймур исчезает из исторических хроник после 1550 г.; скорее всего, она умерла в двухлетнем возрасте.

¹⁴ APC (1547–1550), 236–238. См.: G. W. Bernard, ‘The Downfall of Sir Thomas Seymour’ в сборнике под его ред. *The Tudor Nobility* (Manchester, 1992), 212–240.

распространения таких злостных слухов: «Мастер Тируит и другие сообщили мне о слухах, которые ходят за границей... Они подвергают сомнению и мою честь, и мою искренность... будто бы я в Тауэре и жду ребенка от лорд-адмирала». Подобные слухи Елизавета назвала «злонамеренной клеветой», которую Тайный совет должен публично осудить. Елизавета обратилась к лорду-протектору с петицией: она просит дозволения явиться ко двору, где она покончит с ложными обвинениями и докажет, что не ждет ребенка.¹⁵

Кэт Эшли посадили в одну из самых мрачных и неудобных камер Тауэра в попытке сломить ее дух и вынудить к признанию. Она умоляла, чтобы ее перевели в другую тюрьму: «Сжальтесь надо мной... и позвольте переменить тюрьму, ибо здесь так холодно, что я не могу спать, и так темно, что я ничего не вижу даже днем, а окно затыкаю соломой, так как в нем нет стекла». Впрочем, Кэт Эшли сохранила верность Елизавете и не рассказала ничего о том, что творилось в доме, и об отношениях принцессы с ее отчимом. «Память меня подводит, – сказала Кэт своим следователям, – что могут подтвердить моя госпожа, родные и муж, а от пережитых страданий она стала еще хуже».¹⁶ И так, Елизавета и ее гувернантка хранили молчание и верность друг другу. Однако сэр Томас Парри под нажимом сломался и через месяц после ареста поведал Тируиту, что происходило между Сеймуром и Елизаветой: «Помню также, как она (Эшли. – А. У.) говорила мне, что адмирал очень любит ее, причем уже давно; а королева ревновала его к ней. Ревность была столь сильной, что однажды королева, заподозрив, что адмирал пользуется благосклонностью леди Елизаветы, внезапно ворвалась в ее комнату и застала их, когда они находились наедине (он сжимал ее в объятиях). После того королева лишила их обоих, и ее, и лорд-адмирала, своей благосклонности».¹⁷

Похоже, именно после этого происшествия Елизавету услали из дома Катерины Парр.

У Кэт Эшли не оставалось другого выхода; она поведала подробности, которые до того надеялась утаить. Сеймур «набрасывался» на Елизавету в ее спальню, щекотал, целовал ее... да, под конец Кэт «желала и открыто, и в глубине души», чтобы Елизавета и Сеймур «поженились».¹⁸ Она признала, что ее помыслы об их свадьбе были «огромной глупостью», и обещала, что, если вернется к Елизавете, больше такого не повторится.

Посыльного сейчас же отправили в Хатфилд, дворец из красного кирпича, расположенный примерно в 30 милях к северу от Лондона, где тогда жила принцесса. Елизавете показали признание ее воспитательницы.¹⁹ Она пришла в ужас оттого, что стали известны подробности ее отношений с Сеймуром, однако ни в чем не обвиняла ни Кэт Эшли, ни Парри. «Никоим образом не признается она, что мистрис Эшли или Парри принуждали ее к каким-либо занятиям с милордом адмиралом, ни устно, ни письменно», – сообщал Тируит.²⁰

Елизавета отказалась как подтвердить, так и опровергнуть слухи о своей якобы физической близости с Сеймуром. Она настаивала, что ни за что не вышла бы замуж без согласия Тайного совета. Тируита ее слова не убедили: «Я вижу по ее лицу, что она виновна».²¹

Совет постановил, что Эшли «не годится» для того, чтобы дать Елизавете «надлежащее образование и воспитание». Вместо нее наставницей Елизаветы назначили леди Тируит, жену того самого человека, который допрашивал Елизавету.²² Елизавета очень горевала из-за

¹⁵ Haynes, *Burghley State Papers*, 89–90.

¹⁶ TNA SP 10/6, l. 57.

¹⁷ Haynes, *Burghley State Papers*, 96.

¹⁸ Ibid., 99–101.

¹⁹ Ibid., 102.

²⁰ *CSP Dom*, 1547–1553, 82; *APC* (1547–1550), 240.

²¹ Haynes, *Burghley State Papers*, 70.

²² Ibid., 107.

отставки Кэт Эшли; она «приняла случившееся так близко к сердцу, что проплакала всю ночь и хмурилась весь следующий день». Сэр Роберт Тируит добавил в своем докладе совету: «Любовь, которую она питает к ней [Кэт Эшли], достойна удивления».²³ В начале марта, когда Елизавета узнала, что Сеймура признали виновным в государственной измене и приговорили к смерти, она написала лорду-протектору и умоляла освободить Кэт, боясь, что ее бывшую воспитательницу постигнет та же участь. Она просила лорда-протектора учесть верную службу Кэт: «Она пробыла со мной долгое время, много лет, и предприняла много усилий и мук, чтобы дать мне образование и сделать правдивой». Елизавета напоминала: как бы Кэт ни уговаривала ее выйти замуж за Сеймура, она ничего бы не предприняла без одобрения Тайного совета. В конце письма она добавляла: продолжительное тюремное заключение Эшли «непреренно наводит на мысль, что я и сама не без греха, но меня простили в силу моей юности, а особа, которую я так любила, находится в таком месте».²⁴ Тактика Елизаветы оказалась верной; из Тауэра освободили и Эшли, и Парри, хотя Кэт и ее мужу Джону еще два года не позволяли вернуться на службу к Елизавете.²⁵

Отсутствие Кэт ощущалось всегда очень остро. Эшли растила Елизавету, лишившуюся матери в раннем детстве. Анну Болейн казнили, когда Елизавете было всего два года. Кэт Эшли относилась к Елизавете с поистине материнской заботой. И, став старше, Елизавета полагалась на поддержку и утешение своей воспитательницы. Несмотря на временную разлуку, их близость выдержала проверку временем. Кэт Эшли останется постоянной и верной спутницей Елизаветы. Она умрет лишь через восемнадцать лет, когда королева Елизавета окажется на вершине славы.

Повышенная чувствительность Елизаветы по отношению к слухам и скандалам начиная с очень раннего возраста лишь усиливала подозрения о ее интимной близости с отчимом; серьезность обвинений подтверждают продолжительные допросы самой принцессы и ее домочадцев.²⁶ Главной добродетелью незамужней женщины считалась целомудренность. Хуан Луис Вивес, автор «Руководства христианки», выпущенного Екатериной Арагонской для своей дочери Марии в 1523 г., подробно распространяется об опасных подозрениях, возникавших вследствие запятнанной репутации. «Стоит девушке лишиться невинности, — пишет он, — и все начнут злословить о ней, а мужчина, который, возможно, в ином случае захотел бы на ней жениться, будет совершенно ее избегать». Целомудрие считалось эквивалентом добродетели вообще. Родителям Вивес советует обращать особое внимание на дочерей в начале переходного возраста и оберегать их от всяческого общения с мужчинами, ибо в тот период «они особенно склонны к похоти». Трактат Вивеса касался даже таких вопросов, как постель молодой женщины. Постельное белье должно быть «скорее чистым, чем роскошным, дабы сон девицы был безмятежным, а не чувственным».²⁷ Целью женского образования, по Вивесу, также следует считать сохранение целомудрия, приучение молодых женщин к добродетельному поведению и отвлечение от искушений плоти.²⁸ Поэтому в программу образования девиц следует включать изучение «той части философии, которая считает своей задачей складывание и укрепление нравственных принципов». Вивес реко-

²³ Ibid., 108–109.

²⁴ BL Lansdowne MS 1236, l. 35; Henry Ellis (comp.), *Original Letters Illustrative of English History*, in 11 vol. (London, 1824–1846), is. 3, II, 153–155.

²⁵ См.: Sheila Cavanagh, 'The Bad Seed: Princess Elizabeth and the Seymour Incident' // Julia M. Walker (comp.), *Dissing Elizabeth: Negative Representations of Gloriana* (London, 1998), 9–29. См. также: Janel Mueller, 'Elizabeth Tudor. Maidenhood in Crisis' // *Elizabeth I and the 'Sovereign Arts'*, *Essays in Literature, History and Culture*, Donald Stump, Linda Shenk (comp.) (Arizona, 2011), 15–28.

²⁶ Marc Shell, *Elizabeth's Glass* (Lincoln, Nebraska, 1993). См.: J. Dewhurst, 'The Alleged Miscarriages of Catherine of Aragon and Anne Boleyn', *Medical History*, 28 (1984), 49–56.

²⁷ J. L. Vives, *De Institutione Feminae Christianae*, C. Fantazzi and C. Matheussen (comp.), in 2 vol. (Leiden, 1996), 63, 65, 71.

²⁸ Ibid., 40–41.

мендует молодым женщинам читать Евангелие, Деяния апостолов, «а также послания апостолов, исторические и нравственные книги Ветхого Завета», произведения Отцов Церкви; также раннехристианских писателей, таких как Платон, Сенека и Цицерон, и христианских поэтов вроде Пруденция. Женщинам следует также выписывать и учить наизусть «мудрые и святые мысли из Священного Писания или... философов».²⁹

Хотя Роджер Эшам, который в 1548 г. стал наставником Елизаветы, превозносил целомудрие и женскую добродетель своей ученицы, его радовали и не такие «женственные» ее достижения: эрудиция, тяга к знаниям, «свободным от женской слабости», ее не по годам развитой ум, «с мужской силой применяемый». Елизавета была искусной переводчицей и лингвистом, бегло говорила по-французски и по-итальянски, интересовалась естественными науками, философией и историей. Короче говоря, Елизавета обладала «мужской мудростью» и умом, заключенными в теле, которое считалось низшим с физической точки зрения, слабым с точки зрения нравственности, нуждавшимся в мужском руководстве. Какими бы ни были ее интеллектуальные достижения, ее репутация всегда ставилась в зависимость от того, целомудренна она или нет.³⁰ Помимо уроков в классе, отношения с отчимом в 1547–1548 гг. научили Елизавету, что ее доброе имя – это политический капитал. И главными хранительницами ее чести становились ее приближенные, фрейлины, которые ей служили.

²⁹ Ibid., 41, 51–53.

³⁰ См.: Frank A. Mumby, *The Girlhood of Queen Elizabeth: A Narrative in Contemporary Letters* (London, 1909), 69–72.

Глава 1

Королева: едина в двух лицах

Постель королевы находилась в самом сердце двора. Здесь королева могла наконец отдохнуть, сюда она могла уйти после напряженных событий дня. И все же королевская опочивальня была не просто местом для сна и отдыха. Постель королевы была сценой, на которой королева возлежала каждую ночь. То была не обычная, а государственная постель, и ночью, как и днем, королеву окружали все внешние атрибуты королевской власти.

У королевы Елизаветы, конечно, была не одна постель. Все ее кровати пышно украшались, расписывались яркими цветами, для них заказывали роскошные ткани. Все ложа были достойны своей хозяйки. Во дворце Ричмонд Елизавета спала на изысканной кровати в форме лодки с пологом «цвета морской волны» и укрывалась светло-коричневым покрывалом, расшитым блестками. Каркас кровати, стоявшей во дворце Уайтхолл, сделали из нескольких пород разноцветного дерева; полог сшили из индийского шелка, расписанного вручную. Любимая кровать, которую Елизавета брала с собой, когда двор переезжал с места на место, была изготовлена на резном деревянном каркасе, искусно раскрашенном и позолоченном, с подзором из серебра и бархата, занавесями, отделанными пуговицами из драгоценных камней и золотым и серебряным кружевом, и изголовьем из алого атласа, украшенного страусовыми перьями.

В своей опочивальне Елизавета могла разоблачиться, снять макияж и отдохнуть от придворной суеты. Здесь ей прислуживали дамы, знавшие королеву лучше всех. Они находились при королеве, когда та одевалась, ела, принимала ванну, ходила в туалет и спала. Елизавета никогда не оставалась одна; в одной с ней постели или в специальной постели, которую ставили рядом, всегда спал кто-то из особо приближенных женщин. С ними Елизавета беседовала, рассказывала свои сны, хорошие или страшные, просила у них совета. Известно, что Елизавета часто страдала бессонницей и боялась темноты. Все ее тревоги усиливались в темноте, когда она оставалась в опочивальне. Именно здесь она, боясь многочисленных врагов и преследуемая ночными кошмарами, часто брала назад решения, принятые при свете дня. В те дни довольно обычным делом было делить постель с компаньоном одного с тобой пола; совместный сон сулил тепло, утешение и безопасность. Женщины, спавшие в одной постели с Елизаветой, пользовались ее величайшим доверием, так как с ними она общалась наиболее тесно и близко.³¹

Спальня королевы Елизаветы одновременно являлась местом личным и публичным. Тело королевы считалось не просто плотью; королева была едина в двух лицах, являясь лицом физическим и одновременно юридическим, так как олицетворяла все государство. Здоровье и добродетельность Елизаветы как физического лица знаменовали собой силу и стабильность государства. Болезнь, сексуальная распущенность и бесплодие считались политическими проблемами, и именно камер-фрейлины охраняли правду, тесно связанную с благополучием королевы и, следовательно, государства.

Незамужняя королева внушала опасения. Женщины обязаны были выходить замуж, и решение Елизаветы оставаться незамужней вступало в противоречие с ожиданиями общества. Женщины считались существами низшими по сравнению с мужчинами и потому обя-

³¹ См.: Vincent Joseph Nardizzi, Stephen Guy-Bray, Will Stockton (comp.), *Queer Renaissance Historiography. Backward Gaze* (Farnham, 2009). Алан Брей в своем плодотворном труде, посвященном мужской дружбе, показал, что мужчины часто прикасались друг к другу, вместе ели и спали в одной постели без какого-либо сексуального контекста. См.: А. Bray, *The Friend* (Chicago, 2003). Труднее утверждать то же самое о женщинах, поскольку женская дружба с политической точки зрения считалась «маловажной».

заны были по Божьей воле подчиняться им. Женщины, которые игнорировали религиозные заповеди и не подчинялись мужской власти, потенциально являлись источниками беспорядка и сексуальной распущенности. Медики того времени полагали, что тело женщины постоянно находится в неустойчивом состоянии и потому изначально обладает опасными качествами.³² На подобную точку зрения влияло богословие: раз нравственная и умственная неустойчивость Евы заложила основу для грехопадения, все женщины обладают теми же изъянами, что и их прародительница. В то время как мужская сила предшественников Елизаветы символизировала политическую власть, «развращенность» или «слабость» Елизаветы как физического лица подрывали общее положение страны. Женщины обязаны были хранить свою честь, не только храня целомудрие, но и поддерживая свою репутацию соответствующим скромным и строгим поведением. Испорченная репутация, даже павшая жертвой клеветы и наветов, ставила под удар общественное положение женщины. Более того, Елизавета была дочерью Анны Болейн, «королевской шлюхи», и потому служила живым символом разрыва с Римом.³³ Для Филиппа II Испанского, семейства Гиз во Франции и папы римского Елизавета была незаконной по рождению и по вере. Более достойной претенденткой для них была Мария Стюарт, королева Шотландии.³⁴ Мария была внучкой Маргариты, сестры Генриха VIII, которая вышла за короля Шотландии Якова V, и дочерью Марии де Гиз. Гизы считались одной из наиболее влиятельных, тщеславных и ревностных католических семей во Франции. В апреле 1558 г., всего за полгода до вступления Елизаветы на престол, этот франко-шотландский альянс был скреплен браком шестнадцатилетней Марии Стюарт и Франсуа де Валуа, французского дофина. С того дня, как Елизавета стала королевой, Мария Стюарт не переставала заявлять о своих правах на английский трон.³⁵ Ставки не могли быть выше; королева как физическое лицо оказалась в эпицентре драмы, охватившей всю Европу. В религиозной войне, разделившей Европу, в центре конфликта очутились Елизавета как физическое лицо и ее постель.³⁶ За все время ее правления ходило немало слухов о ее любовниках и незаконнорожденных детях. Католики выражали сомнения в добродетельности Елизаветы и обвиняли ее в «грязной похоти», которая «марает и ее саму, и всю страну».³⁷ Они объявляли, что Елизавета не замужем из-за своих непомерных сексуальных appetитов – ей трудно ограничиться одним мужчиной. Одни утверждали, что у нее есть внебрачная дочь; другие – что у нее был сын, а третьи – что она физически не способна иметь детей. Подвергая

³² См.: Judith M. Richards, 'To Promote a Woman to Beare Rule: Talking of Queens in Mid-Tudor England', *The Sixteenth-Century Journal*, 28. 1 (1997), 101–121; Constance Jordan, 'Women's Rule in Sixteenth-Century British Political Thought', *Renaissance Quarterly*, 40 (1987), 421–451; Paula Louise Scalingi, 'The Scepter or the Distaff: The Question of Female Sovereignty, 1515–1607', *The Historian*, 42 (November, 1978), 59–75. См. также: Margaret R. Somerville, *Sex and Subjection: Attitudes to Women in Early Modern Society* (London, 1995); Jacqueline Eales, *Women in Early Modern England: 1500–1700* (London, 1998); P. Crawford, 'Sexual Knowledge in England, 1500–1700' // R. Porter and M. Teich (comp.), *Sexual Knowledge, Sexual Science: The History of Attitudes to Sexuality* (Cambridge, 1994), 92–106. См. также: Lawrence Stone, *The Family, Sex and Marriage in England, 1500–1800* (New York, 1977).

³³ См., напр.: LP, 1536, 47–54. Шапню, посол императора Карла V, открыто называет Елизавету «маленьким бастардом», см. 51.

³⁴ Елизавета считалась третьей в очереди престолонаследия (1544). Два года спустя Генрих VIII включил ее в свое завещание, однако не аннулировал Акт о престолонаследии 1536 г., по которому она провозглашалась незаконнорожденной. Последнее послужило основой для притязаний Марии Стюарт, чему сам Генрих VIII всячески противился. Генрих считал, что своим завещанием он устанавливает четкий порядок престолонаследия и устраняет претензии Стюартов. Его документ положил конец строгим правилам передачи престола по наследству. В том случае, если его дети умрут, не произведя на свет наследников, корона должна была перейти к потомкам герцогини Суффолк. Подробности см.: Mortimer Levine, *Tudor Dynastic Problems, 1460–1571* (London, 1973) и его же *The Early Elizabethan Succession Question, 1558–1568* (Stamford, 1996).

³⁵ A. N. McLaren, 'The Quest for a King: Gender, Marriage and Succession in Elizabethan England', *Journal of British Studies*, 41 (July, 2002), 259–290.

³⁶ Susan Dunn-Hensley, 'Whore Queens: The Sexualised Female Body and the State' // Carole Levin, Jo Eldridge Carney and Debra Barrett-Graves (comp.), *High and Mighty Queens of Early Modern England: Realities and Representations* (Basingstoke, 2003), 101–116.

³⁷ William Allen, *An Admonition to the Nobility and People of England and Ireland...* (Antwerp, 1558), xviii.

сомнению здоровье, целомудрие и плодовитость королевы как физического лица, противники Елизаветы как в самой Англии, так и в Европе бросали вызов всему протестантскому государству. На протяжении полувека европейские дворы полнились слухами о поведении Елизаветы. Король Франции шутил: один из самых великих вопросов столетия состоял в том, «девица королева Елизавета или нет».³⁸

За более чем полвека своего правления Елизавета сильно изменилась. Из молодой, энергичной королевы с красивым бледным лицом, золотистыми волосами и стройной фигурой она постепенно превратилась в морщинистую старую женщину с гнилыми зубами, которая увешивала себя драгоценностями и не жалела белил и румян, стараясь отвлечь внимание от своего изрытого оспой лица; она носила рыжий парик, чтобы скрыть лысеющую голову. После того как королева разменяла четвертый десяток, так и не выйдя замуж и не произведя на свет наследника, после того как она начала стареть и слабеть, в стране усилились страхи. Поскольку порядок престолонаследия не был установлен, для Елизаветы было все важнее скрывать признаки возраста. Королева как физическое лицо «правила себя» с помощью своего образа как лица юридического. Лишь в спальне она могла оставаться собой.

«Доступ к телу» королевы тщательно контролировался, как и его изображения на портретах. Образ королевы должен был сохранять молодость, что непременно скрывало факт ее физического угасания. На картинах она должна была выглядеть такой же, какой представляла перед подданными, выйдя из спальни: в мантии, драгоценностях, парике, накрашенная. В обязанность камер-фрейлин входило создание сложного произведения – вечно молодой королевы. Елизавета так желала сохранить видимость молодости, что даже субсидировала поиски философского камня, эликсира жизни, который обеспечивает вечное здоровье и бессмертие.

Помимо слухов и клеветы, королева как физическое лицо и ее спальня служили центром притяжения для наемных убийц. Настроенные против Елизаветы религиозные фанатики плели заговоры, продумывая покушения на нее. Сохранение протестантского государства зависело от жизни королевы, и королевская опочивальня превращалась в последний рубеж обороны от будущих наемных убийц, которые мечтали свергнуть режим. Одни заговорщики планировали пронести в королевскую опочивальню порох и взорвать королеву во сне; другие собирались отравить ее во время верховой прогулки, охоты или за ужином. Камер-фрейлины Елизаветы, делившие с ней постель и охранявшие ее сон, оберегали не только ее целомудрие; они также защищали королеву как физическое лицо от покушений. Они дегустировали все блюда, которые подавались к королевскому столу, пробовали духи, которые привозили ее величеству, и ежевечерне обыскивали спальню.³⁹ Их присутствие было необходимо не только из соображений приличия, но и из соображений безопасности.

Поскольку Елизавета допускала к себе лишь самых верных и преданных дам, родственники некоторых из них пытались воспользоваться их привилегиями и близостью к королеве в собственных корыстных или даже изменнических интересах. Королева как физическое лицо считалась средоточием всей страны, поэтому забота о королеве и «доступ к телу» считались важной политической привилегией. Проводя с Елизаветой дни и ночи, одевая ее и готовя «к выходу», ее приближенные замечали все телесные перемены, заботились о ней в случае нездоровья, разделяли ее ночные страхи, смеялись и плакали с ней вместе и оберегали ее от враждебных сплетен. Иностранные послы заискивали перед камер-фрейлинами, пытаясь через них узнать о жизни королевы. В депешах передавались самые интимные подробности, например сведения о непродолжительных и нерегулярных месячных Елизаветы, а

³⁸ Francis Osborne, *Historical Memoires on the Reigns of Queen Elizabeth and King James* (London, 1658), 61.

³⁹ BL Cotton MS Galba C IX, l. 128.

также истории о ее предположительных любовниках, таких, например, как Роберт Дадли, сэр Кристофер Хаттон и герцог Анжуйский, которые «домогались ее в постели».⁴⁰

⁴⁰ Edmund Bohun, *The Character of Queen Elizabeth; or a full and clear account of her policies* (London, 1693), 73. В их число входили также Эдвард Куртене, Филипп Испанский, Эрик Шведский и два французских герцога, герцог Норфолк, граф Арундел, сэр Уильям Пикеринг, Роберт Дадли.

Глава 2

Королева умерла, да здравствует королева!

Ранним утром 17 ноября 1558 года, в четверг, при слабом пламени свечей в своей спальне в лондонском Сент-Джеймском дворце умирала королева Мария I. За три месяца до того, приехав из Хэмптон-Корт, она заболела инфлюэнцей и с тех пор не вставала с постели. С каждым днем она все больше слабела.⁴¹ В том же году Мария написала завещание, но, решив, что беременна, она распорядилась, чтобы ей наследовал ребенок, которого она произведет на свет. В конце октября Мария, уже серьезно больная, вынуждена была добавить к завещанию дополнительный пункт, в котором говорилось, что она «больна и слаба телом», не произведет на свет ребенка и ей наследует «ближайшая родственница и преемница по законам и актам данного государства».⁴² Однако тогда она еще не могла заставить себя признать наследницей единокровную сестру Елизавету. Две недели спустя, под давлением своих советников, Мария все же вынуждена была подчиниться неизбежному и назвать Елизавету своей наследницей.⁴³ Джейн Дормер, ярая католичка и одна из самых доверенных фрейлин королевы, которая «много раз спала в опочивальне Марии вместе с ней», поехала к Елизавете в Хатфилд и, в знак верности, передала ей некоторое количество драгоценностей Марии из королевской опочивальни. Мария попросила у Елизаветы заверения в том, что та будет милостива к ее приближенным, выплатит долги Марии и сохранит в Англии католическую веру.⁴⁴ Передавая Елизавете ее слова, Джейн Дормер, верная наперсница Марии, выполнила ее последнюю волю. Вся страна затаив дыхание ждала новостей из королевской опочивальни.

16 ноября около полуночи Марию соборовали. Через несколько часов она прослушала мессу; вокруг ее постели собрались самые близкие ей придворные дамы. Во время службы все рыдали. В начале седьмого утра Мария умерла. С ее пальца сняли кольцо, которое сэр Николас Трокмортон отвез в Хатфилд, где сообщил Елизавете, что теперь она – королева Англии. К обеду сделали объявление в парламенте; в середине дня во всех лондонских церквах звонили колокола. На улицах жгли костры, а подданные «проявляли великую радость».⁴⁵

Новая двадцатипятилетняя королева была энергичной, стройной, зрелой – и чрезвычайно привлекательной. От отца она унаследовала «тюдоровские» золотисто-рыжие волосы, длинное, овальное лицо, тонкие губы и очень белую кожу. От матери ей достались черные пронизательные глаза и тонкие пальцы.⁴⁶ Ростом она была около 5 футов 4 дюймов (164 сантиметра). После того как ее единокровная сестра Мария умерла, не оставив потомства, вступление на престол Елизаветы внушало надежды на молодость, здоровье и плодовитость.

Через три дня Елизавета произнесла первую публичную речь в большом зале Хатфилда. Речь получилась трогательной; Елизавете удалось сохранить равновесие между самоуничижением и властью. Она выразила горе в связи со смертью сестры и изумление оттого, какая огромная ноша ей досталась. Но она была «Божьим созданием», и на то была Его воля, чтобы ее теперь призвали на престол. Елизавета отныне «едина в двух лицах»:

⁴¹ Stevenson (comp.), *Life of Jane Dormer*, 69.

⁴² BL Harleian MS 6949 – расшифровка завещания.

⁴³ *CSP Span*, 1554–1558, 438.

⁴⁴ Stevenson (comp.), *Life of Jane Dormer*, 72; *CSP Span*, 1554–1558, 438.

⁴⁵ J. G. Nichols (comp.), *The Diary of Henry Machyn, Citizen, and Merchant Taylor of London, 1550–1563*, Camden Society, 43 (London, 1848), 178.

⁴⁶ R. Naunton, *Fragmenta Regalia, or Observations on the Late Queen Elizabeth, her Times and Favourites*, 1641, ed. E. Arber (London, 1879), 15.

она будет и «лицом физическим», то есть женщиной, подверженной ошибкам, слабости и старению, но помимо того она признавала, что должна стать и «лицом юридическим, дабы управлять».⁴⁷ После миропомазания на церемонии коронации ее «физическое лицо» будет сплавлено с непогрешимым, бессмертным юридическим лицом.⁴⁸

Среди тех, кто слушал речь молодой королевы, был Уильям Сесил, которого Елизавета чуть раньше в тот же день назначила Государственным секретарем. Сесил был хитроумен, верен и трудолюбив, и, хотя он как-то приспособился к правлению католички Марии I, он был стойким протестантом. Сесил станет одним из тех, на кого Елизавета будет полагаться почти весь срок своего правления. Сесил, как и все тайные советники Елизаветы, присягнул «давать такие советы ее величеству... которые будут наилучшим образом способствовать... безопасности ее величества лично и благу государства».⁴⁹ Присяге своей Уильям Сесил останется верен до конца дней.

Кроме того, Елизавета благоволила тем, кто противостоял католичеству в эпоху Марии и демонстрировал свою личную преданность ей самой. Она не забывала родственников и бывших союзников ее матери, Анны Болейн. Лорда Уильяма Говарда Эффингема, двоюродного брата ее матери, она назначила лорд-камергером, а сэр Эдвард Роджерс, известный протестант, которого при Марии посадили в тюрьму, стал вице-камергером. Сэр Фрэнсис Ноллис, женившийся на троюродной сестре Елизаветы и также видный протестант, который в годы правления Марии вынужден был уехать в изгнание, был назначен в Тайный совет и позже заменил Роджерса на посту вице-камергера. Николас Бэкон, еще один видный протестант и зять Уильяма Сесила, стал лордом – хранителем Большой печати. Николас Трокмортон, кузен Катерины Парр, который познакомился с Елизаветой, когда та жила в доме мачехи, стал управляющим казначейством. Вскоре его назначили послом во Францию. Томас Парри, советник Елизаветы в те времена, когда она была принцессой, стал главным казначеем; королева вернула ему свою милость, несмотря на его откровения в «деле Сеймура». Как сообщал граф Фериа, посланник Филиппа II Испанского, «королевство всецело в руках молодых людей, еретиков и предателей; королева не благоволит никому из тех, кто был в фаворе у ее величества, которая теперь на небесах».⁵⁰

Хотя многие в Англии радовались вступлению на престол Елизаветы, ожидая решительного разрыва с католическим прошлым, не все мыслили одинаково. В завещании Генриха VIII Елизавета называлась наследницей Марии, однако католики считали ее незаконнорожденной, а брак Генриха с ее матерью Анной Болейн после того, как он отверг Екатерину Арагонскую, – недействительным. Законной наследницей английского престола католики считали не Елизавету, а Марию Стюарт, внучку Маргариты Тюдор, сестры Генриха VIII. Французы, с которыми Мария Стюарт состояла в кровном родстве через мать, Марию де Гиз, и брак с французским дофином Франсуа, немедленно оспорили право Елизаветы на престолонаследие. Как писал в декабре лорд Кобэм, тогдашний посол Елизаветы во Франции, они «не позволяют... называть ее светлостью законной королевой Англии, и они уже послали в Рим, дабы опротестовать ее право». Как только французский король Генрих II узнал о смерти Марии I, он провозгласил свою невестку-католичку Марию Шотландскую «короле-

⁴⁷ TNA SP 12/1/1, l. 12.

⁴⁸ Marie Axton, *The Queen's Two Bodies: Drama and the Elizabethan Succession* (London, 1977), 12; см. также: Ernst Kantorowicz, *The King's Two Bodies* (Princeton, 1957) и Albert Rolls, *The theory of the King's Two Bodies in the Age of Shakespeare, Studies in Renaissance Literature*, 19 (Lewiston, Queenston and Lampeter, 2000). «К 1561 г. решено было с целью законной наделить королеву двумя лицами: лицом физическим и лицом юридическим». См.: Edmund Plowden, 'The Treatise of the Two Bodies of the King', BL Cotton MS Caligula B IV, l. 1–94. См. также: Marie Axton, 'The Influence of Edmund Plowden's Succession Treatise', *Huntington Library Quarterly* 37 (3) (1974), 209–226.

⁴⁹ TNA SP 12/1, l. 3 v.

⁵⁰ CSP Span, 1558–1567, 7.

вой Англии, Шотландии и Ирландии». На королевском гербе Англии, который украшал столовое серебро и мебель Марии Стюарт, появились гербы Шотландии и Франции.⁵¹ Одновременно кардинал Лотарингский, дядя Марии, уговаривал папу отлучить Елизавету от церкви, а Филиппа II Испанского подстрекал к совместному вторжению в Англию.⁵² Однако позиция Филиппа оказалась не такой определенной. Франция и Испания в то время по-прежнему находились в состоянии войны. Хотя Филипп инстинктивно поддерживал Марию Шотландскую, так как считал, что английской королевой должна стать католичка, он не предпринимал никаких действий в ее поддержку, потому что Мария Стюарт была невесткой его великого соперника, Генриха II. Однако, когда Елизавета решила положить конец участию Англии в войне с Францией, Филипп испугался, что она в конце концов заключит с Францией союз, который будет угрожать интересам Испании. Поэтому, хотя король Испании не предпринимал явных действий против Елизаветы, он тайно плел интриги, поддерживая соперницу Елизаветы.

В случае, если Елизавета умрет, не оставив наследников, Генрих VIII, исключивший из завещания всю линию Стюартов, потомков своей старшей сестры Маргариты Тюдор, вышедшей за короля Шотландии Якова IV, распорядился передать корону потомкам своей младшей сестры, Мэри Брэндон, герцогини Суффолк: леди Джейн, Кэтрин и Мэри Грей. В 1553 г., после того как Джейн Грей казнили за попытку узурпировать власть, Кэтрин Грей стала протестантской наследницей Елизаветы; иностранные принцы и представители английской знати наперебой домогались ее руки, надеясь на политически выгодную партию. Именно к ней обратился Филипп, поскольку Испания искала противовеса Марии Стюарт и ее французским родственникам.

Неудивительно, что Елизавета терпеть не могла Кэтрин Грей. Она ясно дала понять, что не желает видеть Кэтрин своей наследницей, даже если она умрет, не оставив прямых потомков.⁵³ После коронации она понизила Кэтрин Грей и ее сестру Мэри из камер-фрейлин, кем они были при Марии I, до «просто фрейлин», чья служба в основном проходила в приемном зале. Кэтрин с горечью жаловалась на это испанскому послу Ферриа. Она испытывала «недовольство и обиду», так как ее не удостоили высокой чести, которая соответствовала бы ее положению.⁵⁴ Летом 1559 г. и весной 1560 г. стало известно, что Филипп II собирается тайно вывезти Кэтрин Грей из Англии, выдать ее за своего сына и из Испании объявить о ее правах на английский престол.

30 июня король Франции Генрих II, великий соперник Филиппа, был смертельно ранен на турнире. Франциск (Франсуа) и Мария стали королем и королевой Франции; власть при французском дворе перешла к Гизам, дядям королевы. В попытке противостоять угрозе, которую отныне представляла Мария Стюарт, Елизавета решила вернуть свою благосклонность Кэтрин Грей. С 1560 г. она восстановила их с сестрой на прежних местах в королевской опочивальне – святой святых. Там они попадали под надзор верных, испытанных наперсниц королевы вроде Кэт Эшли.⁵⁵ По крайней мере, здесь сестры Грей находились у Елизаветы на глазах. Один из осведомителей Уильяма Сесила сообщал, что за сестрами Грей «неуклонно» следят и все их передвижения находятся под пристальным наблюдением.⁵⁶

В дни сразу после восхождения Елизаветы на престол в Лондоне арестовали многих католиков. Шестерых мужчин обвинили в «сговоре» с целью подчета «лет жизни королевы

⁵¹ TNA SP 70/5, l. 31r – v; William Murdin, *A Collection of State Papers Relating to Affairs in the Reign of Queen Elizabeth left by Lord Burghley, from the year 1571 to 1596* (London, 1759), 748–749.

⁵² *CSP Span*, 1558–1567, 45.

⁵³ *Ibid.*

⁵⁴ *Ibid.*, 122.

⁵⁵ *HMC Salisbury*, I, 158.

⁵⁶ TNA PC 2/8, l. 198; *APC*, 1558–1570, 6–7; John Strype, *Annals of the Reformation... in 4 vol.* (Oxford, 1820–1840), I, 7.

и длительности ее правления».⁵⁷ То был первый из нескольких заговоров против елизаветинского режима, в котором составлялись гороскопы или советовались с духами, чтобы предсказать неминуемую смерть королевы.⁵⁸ Французский предсказатель-католик Мишель Нострадамус также предвидел неминуемую катастрофу протестантской Англии; его пророчества были широко распространены по обе стороны Ла-Манша и усиливали брожение в массах. Как выразился один современник, «все государство было очень обеспокоено и задето откровенно непонятными и дьявольскими пророчествами этого звездочета Нострадамуса».⁵⁹

Чтобы нейтрализовать пророчества Нострадамуса, Елизавета обратилась к услугам математика, астролога и некроманта доктора Джона Ди, который еще до прихода Елизаветы к власти был ее ревностным сторонником.⁶⁰ Ди составил гороскоп на день, выбранный для коронации Елизаветы. Он объявил, что расположение светил в воскресенье 15 января, предвещает долгое и успешное царствование.⁶¹ Когда традиционная процессия накануне коронации проходила через лондонский Сити по пути к Вестминстеру, специально нанятые актеры, выстроившиеся на улицах, объявляли о новом царствовании как о решительном разрыве с католическим прошлым; «живые картины» изображали «чистую религию», которая подавляет «суеверие и невежество».⁶² У Литл-Кондюит в Чипсайде Елизавета взяла Библию на английском языке, которую протянула ей аллегорическая фигура Правды, поцеловала книгу, подняла ее над головой, а затем прижала к груди.

Сразу после коронации Елизавета решила положить конец неуверенности и подтвердить свои притязания на престол. В первом за годы ее правления парламенте, который созвали через десять дней после коронации, приняли закон, который объявил королеву «по праву родства и по закону прямым потомком королевского рода» и провозгласил «все приговоры и акты парламента, умаляющие данный закон, аннулированными».⁶³ Елизавета больше не считалась незаконнорожденной, королевским бастардом.

Само появление Елизаветы на свет стало возможным в результате разрыва Англии с Римом; поэтому, как королева, хотя и не признанная таковой во многих частях католической Европы, она склонна была восстановить верховенство королевской власти, от которого отказалась ее сестра Мария. Хотя в юности она для вида перешла в католичество, в своих молитвах Елизавета благодарила Бога за то, что Он с «младых дней» отвращал ее от «глубоких бездн природного невежества и заслуживающих порицания суеверий».⁶⁴ Позже она подтвердила свою давнюю преданность делу Реформации: «Когда я впервые взяла скипетр, мой титул побудил меня не забывать о Том, кто даровал мне его, и потому [я] начала свое правление в той вере, в какой я была рождена, воспитана и, наверное, умру».⁶⁵ Кроме того,

⁵⁷ *APC*, 1558–1570, 22; однако закона, направленного против тех, кто занимался магией, не было, поэтому виновных посылали для «сурового наказания» по церковным законам к Эдмунду Боннеру, лондонскому епископу. *APC*, 1558–1570, 22; *CSP Span*, 1558–1567, 17–18.

⁵⁸ Francis Coxe, *A Short Treatise Declaring the Detestable Wickednesse of Magicall Sciences as Necromancie, Coniurations of Spirites, Curious Astrologie and Such Lyke* (London, 1561, подп. A4v – A5v).

⁵⁹ *The Diary of Henry Machyn*, 185. «Английский ответ» Нострадамусу см., напр.: William Fulke, *Antiprogosticon, that is to saye, an invective against the vayne and unprofitable predictions of the astrologians as Nostradame etc* (London, december 1560), sig. A8r – v. См. также: V. Larkey, ‘Astrology and Politics in the First Years of Elizabeth’s Reign’, *Bulletin of the History of Medicine*, III (1935), 171–178.

⁶⁰ ‘The Compendious Rehearsal of John Dee’, см.: T. Hearne (comp.), *Joannis, confratis & monachi Glastoniensis, chronica sive historia de rebus Glastoniensibus*, in 2 vol. (Oxford, 1726), II, 509, 521.

⁶¹ По свидетельству Ричарда Мулкастера. См.: Richard Mulcaster, *The passage of our most drad Sovereaigne Lady Quene Elyzabeth through the citie of London to Westminster the daye before her coronacion* (London, 1558).

⁶² 1 Elis, 1 in *Statutes* IV, 358–359.

⁶³ См.: W. P. Haugaard, ‘Elizabeth Tudor’s Book of Devotions: A neglected clue to the Queen’s life and character’, *The Sixteenth-Century Journal* 12:2 (1981), 79–106, оsob. 93.

⁶⁴ J. E. Neale, *Elizabeth I and her Parliaments, 1584–1601*, in 3 vol. (London, 1957), I, 128.

⁶⁵ *CSP Ven*, 1558–1580, 22–23.

она отказалась слушать мессу при открытии парламента, а когда в Вестминстерском аббатстве ее встретили настоятель и монахи с зажженными факелами, она воскликнула: «Долой эти факелы, ибо мы очень хорошо видим».⁶⁶

Все религиозные законы предыдущей власти вскоре отменили и приняли Акт о единообразии, введивший «Книгу общих молитв». В основе ее лежала изданная в 1552 г., в годы правления Эдуарда, книга с несколькими важными изменениями, призванными примирить конфессиональные различия. Из наиболее важных следует отметить слова причастия. Их изменили, признавая католическую интерпретацию истинного присутствия Христа в хлебе и вине. Тем не менее католические мессы объявлялись вне закона. Все подданные обязаны были по воскресеньям и в дни церковных праздников посещать службы в протестантских храмах. Тех, кто не приходил в церковь, штрафовали на шиллинг. По Акту о супрематии 1559 г. Елизавета провозглашалась не верховным главой, но верховной правительницей англиканской церкви, так как считалось, что женщина главой церкви быть не может. Отныне всем должностным лицам – священникам, судьям, мировым судьям, мэрам и королевским чиновникам – необходимо было принести письменную присягу на верность королеве, в которой Елизавета признавалась верховной правительницей церкви. За отказ принести присягу лишали должности. У всех, кто писал, учил или проповедовал, что Елизавету следует подчинить власти иностранной силы (в том числе папы римского), конфисковали движимое и недвижимое имущество. Повторное оскорбление приравнивалось к государственной измене и влекло за собой смертный приговор.

⁶⁶ 1 Eliz, in1, 'The Act of Supremacy'; p. 2, 'The Act of Uniformity', см.: *Statutes IV*, 355–358.

Глава 3

Familia Reginae (семья королевы)

Коронация Елизаветы стала необычайно ярким событием. По словам очевидца, накануне выпал снег и казалось, будто «весь двор так ярко переливается драгоценными камнями и золотыми ожерельями, что они рассеивают мрак». ⁶⁷ Перед королевой, которую несли в открытом паланкине в окружении статс-дам и камер-фрейлин, следовали придворные, епископы, пэры и иностранные послы. Непосредственно за паланкином Елизаветы ехал верхом Роберт Дадли, которого она недавно назначила главным конюшим. Процессию охраняли тысяча всадников и королевские телохранители в алых камзолах, украшенных инициалами Елизаветы и тюдоровской розой. ⁶⁸

В целом королевский двор представлял собой обширное «ведомство», состоявшее из более чем тысячи слуг и помощников, от пивоваров, пекарей, кухарок, портных и конюхов до придворных и послов. Хотя двор был местом, где хранилась государственная казна, где распределялись богатства, должности и власть, в первую очередь двор считался домом Елизаветы, пусть и передвижным. Королева и ее двор регулярно переезжали из одного дворца в другой. Королевские дворцы строились на берегах Темзы – Уайтхолл, Хэмптон-Корт, Ричмонд, Виндзор. Перед прибытием двора в тот или иной дворец его тщательно прибирали, «освежали» и проветривали. Требовалась скрупулезная точность для перевозки около трехсот телег с мебелью, тканями, одеждой и украшениями. Обычно в своих переездах двор следовал установленным традициям. Зимой около шести недель проводили в Уайтхолле, затем переезжали в Ричмонд, Гринвич, Хэмптон-Корт и Нонсач в Суррее, а оттуда к Пасхе перемещались в Виндзор или Уайтхолл. Каждое лето, когда в Лондоне начиналась эпидемия чумы, королева и ее свита покидали столицу и навещали небольшие города и дома аристократии на юге Англии.

В какой бы резиденции ни оказывалась Елизавета, ей требовалась целая анфилада комнат – внутренние покои. Там она по большей части отдыхала от суеты и шума «двора» в широком смысле слова. Внутренние покои состояли из нескольких комнат: приемного зала, королевского кабинета и опочивальни, куда можно было попасть из большого зала. Допуск в каждую следующую комнату знаменовал собой большую близость с королевой как физическим лицом. Кабинет или внутренний зал служил как бы границей между личным и публичным миром королевы. В то время как внешние покои дворцов кишели придворными, внутренние покои тщательно охранялись; туда допускались лишь особо избранные. В приемный зал, просторное помещение с тронном и балдахинном, мог попасть любой приехавший ко двору. Там регулярно собиралась толпа просителей, иностранных послов, епископов и придворных; все они надеялись привлечь к себе внимание королевы, когда та проходит мимо. Большую часть дня королева проводила во внутренних покоях, в окружении приближенных дам. Во внутренних покоях она занималась государственными делами, слушала музыку, танцевала, играла в карты, шила и сплетничала. Внутренние покои охранялись 146 йоменами королевской стражи. ⁶⁹ Елизавете служили два или три камергера-мужчины и от пяти до десяти слуг, которые следили за порядком в приемном зале. Четыре телохранителя отвечали за безопасность приемного зала по ночам. В два помещения можно было попасть из

⁶⁷ *CSP Ven*, 1558–1580, 12.

⁶⁸ J. R. Planche, *Regal Records, or a Chronicle of the Coronations of the Queen Regnants of England* (London, 1838), 35.

⁶⁹ См.: Mary Hill Cole, *The Portable Queen: Elizabeth I and the Politics of Ceremony* (Amherst, 1999); Julian Munby, 'Queen Elizabeth's Coaches: The Wardrobe on Wheels', *Antiquaries Journal*, 83 (2003), 311–367.

королевского кабинета. Первым из них была часовня, а вторым – королевская опочивальня. Опочивальня объединяла в себе сердце двора и самое уединенное место в елизаветинской империи. Здесь Елизавета как физическое лицо обнажалась, а камер-фрейлины по очереди спали либо в одной постели с королевой, либо на приставной кровати, стоявшей рядом с королевской.

В годы правления отца Елизаветы, Генриха VIII, и ее брата, Эдуарда VI, внутренние покои были исключительно мужским заповедником. Впрочем, даже тогда во внутренние покои допускали небольшое число женщин – приближенных принцесс Елизаветы и Марии.⁷⁰ Первые женщины, которые служили Елизавете в ее внутренних покоях, перечислены в конторской коронационной книге. Здесь женщины подразделяются на группы в зависимости от их статуса. Каждой группе шилась особая одежда на коронацию: алые платья с блестками для статс-дам, платья из малинового бархата для остальных.⁷¹ Четыре женщины служили только в опочивальне, три названы «камер-фрейлинами», семь служили «во внутренних покоях без жалованья». Шесть молодых, незамужних девушек служили фрейлинами под руководством «старшей фрейлины», которая отвечала единственно за их попечение и поведение. В разделе «Статс-дамы и камер-фрейлины» названы фамилии восемнадцати женщин.⁷² Число фрейлин и камер-фрейлин в отдельные годы правления Елизаветы доходило до двадцати восьми. Избранных было немного, поэтому в придворных кругах велась жесткая борьба за место фрейлины или камер-фрейлины. В конечном счете все определялось личностью той или иной претендентки и ее отношениями с Елизаветой; самые испытанные и доверенные дамы даже ночевали с королевой в одной постели. Все годы правления Елизаветы отмечены дружбой и близостью королевы и ее дам.

До того как Елизавета стала королевой, ее окружал «старый хатфилдский курятник», сплоченная группа верных прислужниц, которые очутились в сердце нового двора.⁷³ Одни приближенные доводились королеве кузинами по линии рода Болейн; другие, назначенные Генрихом VIII, доказали Елизавете свою дружбу и преданность; они стали ее верными союзницами. После вступления Елизаветы на престол их верность вознаграждалась привилегированным положением при дворе молодой королевы. Кроме того, места в свите Елизаветы занимали представительницы видных протестантских семей, которые в годы правления Марии вынуждены были уехать за границу.

Кэтрин Кэри доводилась королеве двоюродной сестрой; она была дочерью сестры Анны Болейн, Мэри Болейн Кэри.⁷⁴ Она родилась около 1524 г. и служила фрейлиной у Анны Клевской, третьей жены Генриха, но затем, в 1540 г., вышла замуж за сэра Фрэнсиса Ноллиса. Приверженность Кэтрин и Фрэнсиса протестантизму вынудила их, вместе с пятью детьми, во время правления Марии Тюдор покинуть Англию и переехать во Франкфурт.⁷⁵ Письмо от Елизаветы к Кэтрин, датированное 1553 г., возможно, стало ответом на известие

⁷⁰ TNA SP 12/6/36, l. 78.

⁷¹ Pam Wright, 'A change in direction: the ramifications of a female household, 1558–1603', см.: Starkey et al. (comp.), *The English Court: from the Wars of the Roses to the Civil War* (London, 1987), 147–172; C. Merton, 'The Women Who Served Queen Mary and Queen Elizabeth: Ladies, Gentlewomen and Maids of the Privy Chamber, 1553–1603' (докторская диссертация, Cambridge, 1992). См. также: K. Bundesen, 'Circling the crown: political power and female agency in sixteenth-century England', см.: J. Jordan (comp.), *Desperate Housewives: Politics, Propriety and Pornography, Three Centuries of Women in England* (Cambridge, 2009), 3–28, William Tighe, 'Familia Reginae: The Privy Court', см.: Susan Doran and Norman Jones (comp.), *The Elizabethan World* (Oxford, 2011), 76–91.

⁷² TNA LC 2/4/3, l. 62r.

⁷³ TNA LC 2/4/3, l. 53v – 54r. В более поздних документах придворных дам не разделяют на группы; скорее всего, на практике границы между ними были достаточно размытыми.

⁷⁴ См.: A. Hoskins, 'Mary Boleyn's Carey Children and off spring of Henry VIII', *Genealogists Magazine*, 25 (1997), 345–352.

⁷⁵ См.: N. M. Sutherland, 'The Marian Exiles and the Establishment of the Elizabethan Regime', *Archive for Reformation History* 78 (1987), 253–284; G. Peck, 'John Hales and the Puritans during the Marian Exile', *Church History*, 10 (1941), 159–177, особ. 174.

о том, что Кэтрин покидает родину. Может быть, до своей вынужденной эмиграции Кэтрин уже провела какое-то время в свите принцессы Елизаветы, поскольку из письма ясно, что Елизавету и Кэтрин связывала близкая дружба, а в будущем Елизавета обещает кузине свою благосклонность. Елизавета подписала письмо *cor rotto*, то есть «разбитое сердце».

«Облегчите же боль дальней дороги радостью скорого возвращения и считайте свое паломничество скорее проверкой ваших друзей, чем отъездом из страны... продолжительность времени и расстояние не лишают вас любви друзей и проявлений их доброй воли... в дни наибольшей нужды вы познаете мою верную дружбу... Моя власть настолько мала, насколько велика моя любовь к тем, кто одарен дружбой...»

Ваша любящая кузина и настоящий друг *cor rotto*.⁷⁶

Как только Елизавета взошла на престол, леди Кэтрин Ноллис и ее муж вернулись в Англию. Они вместе с дочерьми Леттис, которой тогда было пятнадцать лет, и Элизабет, которой было всего девять, были назначены в свиту королевы.⁷⁷ Леди Кэтрин стала одной из камер-фрейлин; первые десять лет правления Елизаветы она сочетала придворные обязанности с воспитанием тринадцати детей. Меньше чем через год после коронации Елизаветы Кэтрин ненадолго удалилась от двора, поскольку ей предстояло произвести на свет тринадцатого ребенка, но уже через несколько недель после родов она вернулась к королеве, оставив ребенка на попечение кормилицы. Ее племянницы, Кэтрин и Филадельфия Кэри, также были назначены в свиту королевы вскоре после ее вступления на престол.⁷⁸

Помимо друзей, знакомых и родни по материнской линии, Елизавета приблизила к себе нескольких женщин, которых знала почти всю жизнь – с раннего детства. Бланш Парри, серьезная валлийка из Херефордшира, «качала колыбель» юной принцессы; она была на двадцать пять лет старше Елизаветы. Бланш, что необычно для того времени, так и не вышла замуж и всю свою долгую жизнь хранила преданность и неизменную верность Елизавете.⁷⁹

К числу самых давних и доверенных приближенных принадлежала и Кэт Эшли. Она растила Елизавету, воспитывала ее, защищала ее честь, когда поползли скандальные слухи о связи принцессы с отчимом; один или два раза она даже оказывалась в тюрьме за свою преданность принцессе. Теперь Эшли получила самую престижную должность: она стала первой камер-фрейлиной. Ее мужу Джону, кузену Анны Болейн, достался почетный пост хранителя сокровищницы британской короны, который он сохранял до своей смерти в 1596 г.⁸⁰

В жилах нескольких других придворных дам Елизаветы текла королевская кровь; некоторые из них также могли, при определенных условиях, претендовать на престол. Одной из таких приближенных была Элизабет Файнс де Клинтон, которую в юности называли Белокурой Джеральдиной. Она считалась одной из величайших красавиц своего времени. Ее мать, леди Элизабет Грей, была внучкой Элизабет Вудвилл, супруги короля Эдуарда IV, и двоюродной сестрой Генриха VIII. После того как ее отца, Джералда Фицджералда, 9-го графа Килдэра, посадили в тюрьму по многочисленным обвинениям и в 1534 г. он умер в Тауэре, Генрих пожалел свою кузину леди Элизабет Грей и пригласил ее младшую дочь Элизабет,

⁷⁶ BL Lansdowne MS 94, l. 21, см.: G. B. Harrison, *The Letters of Queen Elizabeth* (London, 1935), 19.

⁷⁷ BL Lansdowne MS 2, l. 193. Леттис Ноллис называется «дамой наших Личных покоев».

⁷⁸ См.: S. Varlow, 'Sir Francis Knolly's Latin dictionary: new evidence for Katherine Carey', *BHR*, 80 (2007), 315–323.

⁷⁹ Она упоминается в коронационной конторской книге, TNA LC 2/4/3, l. 53v; хотя в ней не написано «гофмейстерина», ее имя приводится в разделе «Опочивальня» и перечислено выше категории «камер-фрейлин». Однако в коронационной конторской книге она названа «статс-дамой», а не «гофмейстериной», ведь по общественному положению она была не аристократкой, а всего лишь дворянкой.

⁸⁰ Он служил хранителем сокровищницы до своей смерти в 1596 г. и также был одним из двоих мужчин, которые имели доступ во внутренние покои. Вторым был Кристофер Хаттон, который служил с 1572 по 1591 г. Муж Кэт Эшли, Джон, отвечал за «сохранение драгоценностей и посуды ее величества». Судя по надгробной надписи на его могиле в Мейдстоуне, он также был «главным джентльменом внутренних покоев». См.: A. F. Collins (comp.), *Jewels and Plate of Queen Elizabeth I: The Inventory of 1574* (London, 1955), 210.

которой тогда едва исполнилось восемь лет, в свиту принцесс Марии и Елизаветы в Хансдоне (Хартфордшир). Особенно привязалась к старшей кузине Елизавета, которой тогда было всего два или три года; их дружба продолжалась и в отрочестве. Через несколько недель после смерти Марии I Элизабет Фицджералд вышла замуж за Эдварда Файнса де Клинтон, 9-го лорда – первого адмирала, вернулась в свиту Елизаветы и стала одной из первых статс-дам при дворе молодой королевы.⁸¹

Вскоре после вступления Елизаветы на престол из ссылки по религиозным мотивам вернулась и Дороти Стаффорд, протестантка, дочь аристократа-католика Генри Стаффорда.⁸² Дороти вышла замуж за своего кузена, вдовца Уильяма Стаффорда, который ранее был женат на тетке Елизаветы, Мэри Болейн. В годы правления Марии, когда ширилось преследование протестантов, супруги бежали из Англии в Женеву.⁸³ Дороти вернулась в Англию вдовой с шестью детьми и поступила на службу к Елизавете в ее опочивальню, где и пробыла сорок с лишним лет, до самой смерти королевы.⁸⁴

Вот кто составлял так называемый «ближний круг» Елизаветы. Камер-фрейлины, разодетые в специально заказанные наряды, горделиво несли шлейф за Елизаветой на коронационной процессии и прислуживали ей на самой церемонии, в ходе которой полагалось несколько раз переменить платье.⁸⁵ В обычные дни камер-фрейлины умывали королеву, накладывали на нее макияж, делали прическу, подбирали для нее платья и украшения, одевали и раздевали ее. Кроме того, фрейлины и камер-фрейлины присутствовали при том, как королеве подавали еду и напитки и дегустировали их, проверяя, нет ли в блюдах яда и других вредных веществ. Камеристки и служанки исполняли более «приземленные» обязанности: прибирались в покоях королевы, меняли воду в умывальниках, стелили постели. Молодые незамужние фрейлины составляли королеве компанию и развлекали ее. Фрейлинами могли стать девушки из хороших семей; они, как правило, одевались в белое. Фрейлины прислуживали королеве на публике, несли ее шлейф, сидели и гуляли с ней во внутренних покоях и развлекали ее танцами.

За исполнение своих многочисленных обязанностей приближенные Елизаветы получали довольно скромное жалованье. Некоторым, например молодым фрейлинам, платили вообще редко. Камер-фрейлины и статс-дамы получали ежегодное жалованье, которое равнялось в среднем 33 фунтам 6 шиллингам (около 5600 фунтов в наши дни). Помимо небольшого жалованья, фрейлинам предоставляли стол и кров для них и для их слуг. Кроме того, им шили одежду «на каждый день» и для особых случаев; иногда им доставались даже старые платья королевы. Размеры и качество жилья зависели от дворца. Как правило, места везде не хватало, а о том, чтобы уединиться, нечего было и думать. Чаще всего те, кто служили во внутренних покоях, там же и спали, и, только когда они были не на дежурстве, могли они позволить себе роскошь отдельных апартаментов. Молодые фрейлины спали все вместе в гардеробной, которая часто была тесной и неудобной. В Виндзоре им выделили такое старое помещение, что пришлось просить, «чтобы их комнаты оштукатурили, а дощатую перегородку сделали выше, чтобы слуги не заглядывали через нее».⁸⁶

Елизавета требовала, чтобы все ее фрейлины постоянно присутствовали при дворе и ставили ее потребности выше личных забот. Достаточными предложениями для отсутствия не

⁸¹ См.: J. Graves, *A Brief Memoir of the Lady Elizabeth Fitzgerald, Known as the Fair Geraldine* (Dublin, 1874).

⁸² В годы правления Марии I Генри Стаффорд вернулся в католичество.

⁸³ См.: C. H. Garrett, *The Marian Exiles: a Study in the Origins of Elizabethan Puritanism* (Cambridge, 1938); G. Peck, 'John Hales and the Puritans during the Marian Exile', 159–177.

⁸⁴ BL Lansdowne MS 59, № 22, l. 43; TNA LC 2/4/4, l. 45v – 46.

⁸⁵ J. G. Nichols (comp.), *The Progresses and Public Processions of Queen Elizabeth*, in 3 vol. (London, 1823), I, 38; TNA LC 2/4/3 – коронационная конторская книга Елизаветы I.

⁸⁶ См.: *CSP Dom*, 1547–1580, 648.

считались ни болезни, кроме самых тяжелых, ни свадьбы, ни рождение детей. Елизавета требовала полной преданности и самоотверженности. Если какая-либо из ее замужних фрейлин оказывалась в положении, она должна была исполнять свои обязанности вплоть до последних недель беременности. Лишь перед самыми родами позволялось ей удалиться. После родов фрейлине надлежало как можно скорее вернуться ко двору. Детей принято было оставлять на попечение кормилиц и гувернанток. В эпоху, когда высшим достижением для женщины считалось замужество и материнство, придворные дамы служили незамужней королеве; таким образом они, не теряя своего высокого статуса, бросали вызов традициям.

Самые приближенные к Елизавете женщины круглосуточно находились в самом сердце королевского двора. Хотя они были высокоценными компаньонками, которые спали в королевской опочивальне в темноте или при свечах, они исполняли также роль телохранительниц, следя за королевой как за физическим лицом и защищая ее. Поскольку у Елизаветы не было ни мужа, ни наследника, ее жизнь постоянно подвергалась опасности. В годы ее правления покушений боялись больше, чем открытого бунта.

Естественно, камер-фрейлины лучше других были осведомлены о мыслях и настроениях королевы. Поэтому придворные и иностранные послы постоянно подольщались к дамам из этой элитарной группы, надеясь, что те будут отстаивать их интересы и представят королеве их прошения. Более того, Роберт Бил, тогдашний секретарь Тайного совета, подготовил меморандум о должности Государственного секретаря, в котором особенно подчеркивалась роль камер-фрейлин: «До того как входить во внутренние покои, узнайте о настроении ее величества у той или иной камер-фрейлины, на чье суждение вы можете всецело полагаться».⁸⁷ Настроение королевы часто оказывалось жизненно важным для ее министров.

⁸⁷ BL Additional [далее – Add.] MS 48161, Robert Beale, 'A Treatise of the Office of... Principall Secretarie', цит. по: С. Read, *Mr Secretary Walsingham and the Policy of Queen Elizabeth*, in 3 vol. (Cambridge, Mass, 1925), I, 423–443.

Глава 4 Не жаворонок

Когда Елизавета покинула Хатфилд и отправилась в Лондон, она распорядилась, чтобы ее любимую кровать площадью 6 квадратных ярдов с позолоченным остовом и «восемью резными зверями» доставили в Уайтхолл. Несомненно, такая кровать подходила для королевы. Полог из пурпурного бархата, расшитый золотом и «украшенный узкой бахромой из венецианского золота», окружали тридцать четыре шелковые кисти, свисающие с занавесей из пурпурной парчи, с изголовьем из пурпурного бархата в тон.⁸⁸ Кровать стала сердцевинной нового двора Елизаветы и сценой, на которой отныне предстояло разыгрываться ее жизни и правлению.

Дворец в Уайтхолле, главная лондонская резиденция королевы, занимал площадь 23 акра. Большой зал и часовня, королевские покои, галереи и закрытый сад находились на восточной стороне, оттуда по отдельной лестнице можно было спуститься к реке. С западной стороны размещались дома для придворных, сгруппированные вокруг площадки для петушиных боев, арены для турниров и теннисного корта. Сам дворец представлял собой настоящий лабиринт из узких, извилистых коридоров; в нем насчитывалось около двух тысяч комнат. Его построил кардинал Уолси; затем Генрих VIII распорядился перестроить и расширить его. В 1533 г. он принял в Уайтхолле Анну Болейн, ставшую королевой.

Находясь в Уайтхолле, Елизавета занимала бывшие апартаменты короля; комнаты, предназначенные для королевского супруга-консорта, оставались свободными.⁸⁹ Все комнаты были обставлены с большой пышностью, с обилием статуй и картин. Среди прочего там можно было увидеть бюст Аттилы, предводителя гуннов, генеалогическую таблицу английских королей, солнечные часы в форме обезьяны, астроблюбу, с помощью которой высчитывали восход и заход солнца, и много сложных инструментов.

Единственное окно в опочивальне Елизаветы выходило на Темзу. Комната была очень темной; при всего одном окне, в ней было мало свежего воздуха. Богатые гобелены на стенах служили не только для красоты и удобства, но и для тепла. Потолок был расписан золотом.⁹⁰

День королевы начинался с того, что камер-фрейлины отдергивали полог кровати. Елизавета признавалась в том, что она «не жаворонок».⁹¹ Иногда она вставала рано, если назначала кому-то аудиенцию на восемь утра, но чаще всего в ранние часы, когда ее приближенные приступали к делам, когда в ее апартаментах растапливали камин и начинали уборку, она еще лежала в постели. В спальне гуляли сквозняки, поэтому необходимо было поддерживать огонь в камине, чтобы выманить королеву из постели. Елизавета редко одевалась сразу же. Ей, облаченной в «ночное», подавали завтрак в опочивальню – белый хлеб, мясо, похлебку, эль или вино. Затем она отправлялась на прогулку и быстро ходила по аллеям

⁸⁸ BL Add. MS 35185, l. 23v.

⁸⁹ Simon Surley, *Whitehall Palace: an Architectural History of the Royal Apartments 1240–1698* (New Haven and London, 1999), 65–74. К Елизаветинской эпохе относится ряд воспоминаний иностранных путешественников, которые посещали Уайтхолл. Обычно им показывали не только внешние, но и внутренние покои – в то время, когда там не было королевы. «Путешествие через Англию и Шотландию, совершенное Лупольдом фон Веделем в годы 1584 и 1585», переведенное Готтфридом фон Бюловом ('Journey through England and Scotland made by Lupold von Wedel in the Years 1584 and 1585', *TRHS*, new series, т. 9 (London, 1895), 223–270, см. 234–237; *The Diary of Baron Waldstein: A Traveller in Elizabethan England*, transl. by ed. G. W. Groos (London, 1981), 43–59; 'Diary of the Journey of Philip Julius Duke of Stettin-Pomerania, through England in the year 1602', *TRHS*, n.s., т. 6 (London, 1892), 1–67, см. 23–25; *Thomas Platter's Travels in England, 1599*. Clare Williams (перевод, London, 1937), 163–166.

⁹⁰ 'Diary of the Journey of the Duke of Stettin-Pomerania', 25; 'Journey of von Wedel', 325.

⁹¹ *HMC Bath*, IV, 186.

в своем огороженном саду.⁹² Королева любила долго гулять в любую погоду. Обычно шла «величаво», если только не хотела «согреться холодным утром» или побродить по парку ради удовольствия и отдыха.⁹³ Иногда на прогулке ее сопровождали фрейлины, но очень часто она предпочитала одиночество; телохранители держались на почтительном расстоянии. Иногда Елизавета начинала день сидя в ночной рубашке у окна в своей опочивальне и читая.⁹⁴ Однажды утром один возчик сообщил, что видел полуодетую королеву у окна и «понял, что королева – женщина». Елизавета послала ему «ангела» (10 шиллингов), чтобы «заткнуть ему рот».⁹⁵

Когда королева была готова вставать, камер-фрейлины помогали ей умыться, подавали платья, причесывали, белили и румянили ее. Даже в молодые годы процесс умывания отнимал у королевы много времени. Чаще всего Елизавета умывалась из таза с водой, а затем вытирала лицо полотенцами. Она предпочитала кастильское мыло из оливкового масла, которое в больших количествах поставляли напрямую из Испании.⁹⁶ Много лет на ее лбу цвета слоновой кости не было практически ни одной морщинки, так как она очищала кожу створоженным молоком. Ее длинные золотистые волосы мыли щелоком, смесью древесной золы и воды, а затем, перед расчесыванием, растирали теплой грубой тканью, чтобы удалить жир и перхоть. Зубных щеток в то время не знали, но зубочистки применялись регулярно. Они упоминаются в списках подарков, которые Елизавета получала ежегодно. Кроме того, у нее имелись многочисленные голландские «зубные полотенца», которые применялись для чистки зубов: их пропитывали смесью белого вина и уксуса, прокипяченных с медом.⁹⁷ Несмотря на такие усилия, к среднему возрасту зубы у Елизаветы пожелтели, были поражены кариесом, изо рта у нее дурно пахло. Позже ее зубы почернели из-за ее любви к таким сладостям, как марципаны и засахаренные фрукты.⁹⁸ Дурной запах изо рта она пыталась нейтрализовать, полоща рот растворами розмарина, мирры, мастики и корицы.⁹⁹

Умывшись, Елизавета приступала к макияжу. Прославленная кожа цвета слоновой кости, которую можно видеть на всех парадных портретах, была результатом обильного применения косметики. На лицо королеве наносили похожую на меренгу смесь из яичного белка, измельченной яичной скорлупы, квасцов, буры и макового семени, смешанных с очищенной водой и взбитых до тех пор, пока пена не поднималась на три пальца.¹⁰⁰ Судя по всему, такую смесь применяли круглый год по три раза в неделю для отбеливания, гладкости и смягчения кожи. На самом деле получившийся крем лишь обесцвечивал ее. Существовали и другие отбеливатели: иногда, чтобы кожа казалась полупрозрачной, на нее наносили сулему, или «жидкий жемчуг». Кроме того, Елизавета пользовалась помадой и бальзамами

⁹² Белые хлебцы, или белый хлеб из муки тонкого помола, делали из пшеницы, которую выращивали в Гестоне, так как она считалась самой чистой. См.: John Norden, *Speculum Britannie: Description of Middlesex and Hertfordshire* (London, 1723).

⁹³ John Harington, *Nugae Antiquae*, ed. Henry Harington, in 3 vol. (London, 1779), II, 135.

⁹⁴ R. R. Tighe and J. C. Davis, *Annals of Windsor*, in 2 vol. (London, 1858), I, 641.

⁹⁵ См.: N. Williams, *Powder and Paint: a History of the Englishwoman's Toilet* (London, 1957), 14.

⁹⁶ См.: Sir Hugh Platt, *Delight for Ladies* (London, 1594).

⁹⁷ Напр., 'Миссис Твист – шесть кусков полотна, выделанных черным шелком и украшенных позолотой', New Years Gift Roll 1579, см.: Nichols (comp.), *Progresses of Queen Elizabeth*, II, 260.

⁹⁸ См.: Thomas Cogan, *The Haven of Health: Chiefly Made for the Comfort of Students and Consquently all Those That Have a Care of Their Health* (London, 1565). См. также: William Vaughan, *Fifteen Directions to Preserve Health* (London, 1602). «Вонская вода» для чистки зубов готовилась кипячением половины стакана уксуса и половины стакана мастики с добавлением по унции розмарина, мирры, аммония, драконовой травы и квасцов, половины унции корицы и трех стаканов воды. Затем в смесь добавляли полфунта меда, и смесь стояла на огне около четверти часа. Затем раствор разливали по чистым бутылкам. Кроме того, Вон перечислил «четыре правила содержания зубов в чистоте и здорovie»: полоскать рот после каждой трапезы, «спать с приоткрытым ртом», отхаркиваться каждое утро и растирать зубы и десны полотняной тканью, «чтобы ликвидировать мясные испарения и желтизну зубов».

⁹⁹ Platt, *Delight for Ladies*; G. Hartmann, *The True Preserver* (London, 1682).

¹⁰⁰ Williams, *Powder and Paint*, 27–28.

для губ, основным ингредиентом которых были свинцовые белила, белая плотная масса из карбоната и гидроксида свинца, которые получали, обрабатывая металлические пластины укусами испарениями. Мелки, или «карандаши» (словосочетание «губная помада» тогда не употреблялось), изготавливали, смалывая в порошок кальцинированный алебастр или гипс. Затем порошок окрашивали, замешивали в пасту, скатывали, формовали и сушили на солнце. Пудру сходным образом получали из молотого алебастра. В число повседневных обязанностей придворных дам входило дробление и измельчение ингредиентов для косметических средств, притираний для лица, зубных порошков и лекарств. Косметику для Елизаветы готовили лишь самые доверенные лица, ведь яд, скрытый в косметических средствах, мог самым роковым образом впитаться через кожу королевы.

Вскоре после того, как Елизавета стала королевой, она начала лысеть. Джон Хемингуэй, ее аптекарь, готовил для нее особые помады и бальзамы для кожи головы. Однако лекарства не помогли. Елизавете пришлось сменить прическу. Облысевшую макушку прикрывали локоны, каждый из которых приходилось каждый день искусно завивать.

В те дни регулярно принимать ванну было не принято, хотя, по свидетельствам, Елизавета принимала ванну каждый месяц, «нуждается она в ней или нет». Зато в ту эпоху, когда от всех довольно резко пахло, широко применялись духи. Они считались не просто предметом роскоши. Многие женщины носили на поясе резные металлические или самшитовые ароматические шарики, наполненные пастой из ароматических приправ: гвоздики, мускатного ореха, кумина. Ароматические шарики одновременно избавляли от неприятных запахов и защищали от инфекции. Врач Елизаветы, доктор Хьюик, регулярно подносил ей бутылку с ароматической водой, настоянной на апельсиновом цвете. Говорят, что следующий рецепт использовался для приготовления любимой туалетной воды Елизаветы, которую готовили из майорана, или душицы: «Взять восемь ложек воды, на два пенса сахарной пудры, вскипятить на горячих углях, прибавить пол-унции сладкой душицы, высушенной на солнце, и на два пенса порошка бензойной смолы». В результате, как говорили, туалетная вода получается «очень сладкой и действует долго».¹⁰¹

«Сладкие мешочки», наполненные духами, вшивали в платья или перчатки; чулки и туфли также душили веществами, полученными из животных источников: серой амброй, восковой субстанцией, выделяемой или извергаемой кашалотами, которая со временем приобретала сладкий, землистый аромат; цибеином, пахучим секретом, вырабатываемым железами виверры, и мускусом, секретом таких животных, как кабарга. Кроме того, использовались и цветочные масла, выделенные из апельсина, жасмина, лилии и других цветов, а также такие специи, как корица, мускатный орех и гвоздика. Перчатки душили смесью из серой амбры, мускуса или цибеина с жировой основой. Полученную пасту размазывали по внутренней поверхности перчаток для сохранения мягкости кожи. Такие перчатки были излюбленным подарком для тех, кто не слишком хорошо знал о том, что именно нравится королеве.¹⁰² Елизавета часто носила перчатки для тепла во дворцах в холодные дни, а также в поездках.

Накрасившись, Елизавета одевалась. Процедура одевания была сложной и занимала несколько часов; фрейлины Елизаветы старательно шнуровали и застегивали на ней одежду; каждый день требовались сотни булавок.¹⁰³ Королева носила тонкие полотняные сорочки, а также плюсовые воротники и манжеты. Воротники и манжеты защищали от пятен пота пла-

¹⁰¹ *The Queen's Closet Opened* (London, 1696), 239.

¹⁰² В 1578 г. леди Мэри Сидни подарила «пару надушенных перчаток с двадцатью четырьмя пуговками из золота на каждой с маленькими бриллиантами». New Year Gift roll, 1578. Society of Antiquaries MS 537 printed in Nichols, *Progresses of Queen Elizabeth*, II, 72.

¹⁰³ О ритуалах одевания у аристократок того времени см.: Thomas Tomkis, *Lingua, or The Combat of the Tongues* (London, 1607).

тья, которые нельзя было стирать. Считалось, что полотняное белье способствует очищению тела, так как впитывает излишки влаги и грязи. Как ни удивительно это может показаться, нет никаких доказательств того, что королева носила панталоны.¹⁰⁴ Во время менструаций она пользовалась льняными тряпками, которые применялись вместо прокладок, а затем стирались; в домашних конторских книгах Елизаветы указаны длинные и короткие «полотенца тонкого голландского полотна», которые закупались дюжинами наряду с другими простыми материями. Скорее всего, имелись в виду гигиенические полотенца. У королевы Елизаветы также было три «нижние рубахи из черного шелка, сделанного вручную и украшенного пряжками, крючками и петлями, обметанными шелком», которые могли заменять необходимые в «критические дни» панталоны, в которые можно было подкладывать «полотенца».¹⁰⁵

После того как королева облачалась в сорочку, на ней зашнуровывали корсет, усиленный китовым усом, затем нижнюю юбку, а затем чулки. В 1561 г. Элис Монтэгу, «главная шелковница» королевы, подарила Елизавете первую пару вязаных шелковых чулок. Елизавета обрадовалась и попросила миссис Монтэгу прислать ей еще: «Мне очень нравятся шелковые чулки; они приятные, тонкие и нежные. Поэтому я больше не буду носить полотняных чулок».¹⁰⁶ После чулок на Елизавету надевали тяжелые платья из бархата или атласа, которые закалывались булавками. Каждое платье было покрыто ярдами золотого плетения и мириадами крошечных драгоценных камней; платья расшивали рыбками, цветами, птицами и листьями. Процесс одевания был медленным и кропотливым; во время облачения у Елизаветы хватало времени для неспешной беседы со своими дамами. Цвет, покрой и стиль королевских платьев менялся в разные годы правления Елизаветы и отражал моды Франции, Испании или Италии. Часто Елизавета намеренно следовала тому или иному стилю, когда добивалась политического альянса с той или иной страной. По большим государственным праздникам она носила тяжелые мантии, подбитые горностаем, а зимой выходила в меховых шубах и муфтах на лебяжьем пуху.

Затем королева выбирала драгоценные камни и жемчуг, которые она очень любила. Камни прикалывали к платью булавками или надевали ей на шею. Многие драгоценности королевы доставали из запасов ее отца; раньше их носил сам Генрих VIII, его шесть жен или сводные брат и сестра Елизаветы. Драгоценности хранились в опочивальне, в сундуках, обитых бархатом и расшитых золотом.¹⁰⁷ Наконец, на ноги Елизавете надевали туфли с помощью стального рожка для обуви, специально изготовленного для нее кузнецом.¹⁰⁸ В начале ее правления туфли королевы были главным образом сшиты из бархата, но с возрастом она все больше ценила испанскую кожу.¹⁰⁹ Вначале Елизавета носила туфли на плоской подошве, но в 1595 г., в возрасте шестидесяти двух лет, королева заказала первую пару туфель «на высоком каблуке».¹¹⁰ Во внутренних покоях Елизавета часто носила комнатные туфли – их можно было надевать и снимать не застегивая. В них ноги королевы отдыхали с удобством. Обычно каждый год Елизавете шили около двенадцати пар туфель из простого бархата.

¹⁰⁴ Возможно, в поздние годы правления у Елизаветы появилось нечто вроде кальсон или трусов – есть ссылки на «шесть пар двойных панталон из тонкого голландского полотна», сшитых для нее в 1587 г., но неясно, что это – трусы или панталоны со швом сзади на лодыжке. См.: Ninya Mikhaila, Jane Malcolm-Davies, *The Tudor Tailor: Reconstructing 16th-century dress* (London, 2006), 24, а также С. Willett and Phillis Cunnington, *The History of Underclothes* (London, 1951), 48.

¹⁰⁵ BL Egerton MS 2806, l. 210.

¹⁰⁶ См.: Nichols (comp.), *Progresses of Queen Elizabeth*, II, xlii.

¹⁰⁷ TNA LC 5/33, l. 15; Janet Arnold, 'Sweet England's Jewels', см.: Anna Somers Cocks (comp.), *Princely Magnificence: Court Jewels of the Renaissance 1500–1630* (London, 1980), 31–40.

¹⁰⁸ TNA LC 5/33, l. 194. Заказ, датированный 10 февраля 1566/7 на три «натертых» рожка для обуви.

¹⁰⁹ TNA LC 5/33, l. 144; TNA LC 5/34, l. 81, 169, 308.

¹¹⁰ TNA LC 5/37, l. 73.

Облачившись в платье, надев драгоценности, причесавшись, уложив волосы, набелив и нарумянив лицо, королева готова была появиться перед «двором» в широком смысле слова.

Большую часть дня Елизавета проводила в своем кабинете во внутренних покоях, где занималась государственными делами с министрами двора, встречалась с советниками и принимала иностранных послов. По вечерам, покончив с делами, она отдыхала в обществе фрейлин и фаворитов, слушала музыку в исполнении придворных музыкантов, певцов королевской капеллы, танцевала, читала или играла в карты. И королева, и ее фрейлины любили азартные игры; за игрой подробно записывались долги. Елизавета была одаренной музыкантшей и иногда отдыхала, играя на спинете и клавикордах. Пока королева занималась государственными делами, фрейлины проводили нескончаемые часы за шитьем и вышиванием во внутренних покоях. Они украшали вышивкой рубахи и ночные сорочки ее величества, а также простыни и наволочки. Кроме того, дамы готовили прохладительные напитки, горячее питье с пряностями и сладости, которые Елизавета особенно любила, в отдельной королевской кухне, примыкающей к внутренним покоям. В основном, за исключением пиров и банкетов, устраиваемых по праздникам и по торжественным случаям, Елизавета принимала пищу во внутренних покоях, так как считала неприличным для своего достоинства, если ее видел за едой кто-либо, кроме ее приближенных. Обычно королева обедала около полудня, а ужинала в шесть вечера, хотя предпочитала питаться, «когда того требовал ее аппетит», и потому редко придерживалась установленных часов для трапез.¹¹¹ Еду доставляли из отдельной кухни специальные церемониймейстеры; об их приходе предупреждали барабанным боем и звуками труб. Затем одна из дежурных фрейлин протирала позолоченные блюда хлебом и солью и давала церемониймейстерам отведать кусочек каждого блюда – необходимая предосторожность против отравителей. После того как накрывали на стол, фрейлины несли блюда во внутренние покои, где ела королева.¹¹² Хотя повара готовили к каждой трапезе множество перемен блюд, Елизавета предпочитала курицу или дичь красному мясу, зато всегда ела сладости, особенно жирные кексы с коринкой, которую специально ввозили из Греции. Крепкое, «мартовское» пиво, сваренное на дворцовой пивоварне в марте и хранившееся перед подачей два года в погребах, королева не жаловала. «Мартовскому» пиву она предпочитала легкое вино, «смешанное с водой, которой было на три части больше, чем самого вина».¹¹³ Если королева принимала иностранных послов или других важных гостей, банкетный стол накрывали в большом зале. После еды со столов убирали, и начинались танцы, игры и другие развлечения.

В конце каждого дня камер-фрейлины, в том числе Кэт Эшли, Бланш Парри, Кэтрин Ноллис и Дороти Стаффорд, разоблачали королеву: снимали с нее платье, вуали, драгоценности и перчатки. Затем зажигали восковые свечи, которые давали ровное пламя и приятно пахли, и королева умывалась и мыла ноги. На ночь Елизавету облачали в «ночное платье» – свободное, удобное одеяние, сшитое из дорогих тканей: атласа, шелкового бархата и тафты. «Ночное платье» украшалось золотой и серебряной тесьмой, подбитое ворсом, плюшем или мехом.¹¹⁴ Иногда, если королева проводила день во внутренних покоях, в обществе камер-фрейлин, она носила «ночное платье» и днем. Ей часто дарили такие платья на Новый год.¹¹⁵

Наконец Елизавета забиралась в постель, под шелковые простыни, расшитые королевскими гербами и тюдоровскими розами. На ее кровати лежало множество тюфяков, набитых

¹¹¹ John Clapham, *Elizabeth of England*, ed. Evelyn Plummer Read и Conyers Read (Philadelphia, 1951), 89.

¹¹² *Paul Hentzner's Travels in England during the Reign of Queen Elizabeth*, transl. Richard Bentley, by ed. Horace Walpole (London, 1797), 36–37; *Thomas Platter's Travels in England, 1599*, 193–195.

¹¹³ John Clapham, *Elizabeth of England*, 89.

¹¹⁴ См.: Janet Arnold, *Queen Elizabeth's Wardrobe Unlock'd* (Leeds, 1988), 139–140.

¹¹⁵ См., напр.: BL Stowe inventory, l. 31/35 и Folger Inventory, l. 6 [21], см.: Arnold, *Queen Elizabeth's Wardrobe Unlock'd*, 263, 340.

соломой, пухом и пером – чем «ближе к телу», тем мягче. Перед тем как королева отходила ко сну, фрейлины грели для нее постель, кладя между простынями грелки с горячими углями. Кроме того, они внимательно осматривали постельное белье и матрасы, набитые соломой и перьями. Они искали не только блох или клопов, но и более опасные предметы. Известно было, что некоторые заговорщики собирались спрятать в королевской постели кинжалы или другие смертоносные орудия, способные причинить вред королеве. Кроме того, фрейлины каждый вечер обыскивали опочивальню на предмет незваных гостей. Ночью усиливались страхи и уязвимость; в то время считалось, что по ночам в помещения проникает вредоносный воздух, а лунный свет вызывает ревматические боли. Уолтер Бейли, врач Елизаветы, считал поэтому важным, чтобы королева избегала спать при лунном свете, и советовал, чтобы окна опочивальни по ночам были закрыты, дабы ее величество не вдыхала тлетворный воздух с Темзы.¹¹⁶

В девять часов королева желала всем доброй ночи. В каминах сгребали угли, внутренние покои запирали. Их охрана поручалась королевской гвардии, а особо приближенная фрейлина ложилась в постель Елизаветы или на приставную кровать. Елизавета часто страдала бессонницей; в ряде медицинских трактатов того времени даются советы, как добиться крепкого ночного сна.¹¹⁷ Врач и писатель Эндрю Борд считал: чтобы спать крепко, нужно смешать немного камфары с женским грудным молоком и натирать этой смесью виски или нюхать розовую воду, смешанную с уксусом, которая поможет уснуть. «Отправляясь спать, будьте веселы, – советует Борд, – или обзаведитесь веселым спутником, чтобы в постели ни гнев, ни тяжесть, ни горе, ни задумчивость не беспокоили и не тревожили вас».¹¹⁸ Создание «веселой» и радостной атмосферы, судя по всему, также входило в задачу фрейлин, служивших в опочивальне Елизаветы.

Когда гасили почти все свечи, Елизавета готовилась ко сну: произносила благодарственные молитвы, просила прощения за свои поступки, надеясь, что Всевышний защитит ее от ночного вреда. Задергивали полог, дабы оградить королеву от опасных сквозняков и пагубного ночного воздуха. Опочивальню запирали; снаружи ее охраняли гвардейцы. Елизавета требовала в спальне полной тишины, и в смежных покоях также нельзя было шуметь.¹¹⁹

¹¹⁶ W. Bailey, *A Briefe Treatise Touching the Preservation of the Eie-sight* (London, 1626), 9. См. также: L. G. H. Horton Smith, *Dr Walter Bailey 1529–1592: Physician to Queen Elizabeth* (St Albans, 1952); William Bullein, *Bulwarke of defence againste all Sicknes, Sornes and Woundes* (London, 1562). См. также: *A newe boke of phisicke* (London, 1599). Andrew Boorde, *A Compendious Regiment or a Dyetary of health made in Mounpyllier* (London, 1542) и сходные советы. См.: K. H. Dannenfeldt, 'Sleep: Theory and Practice in the Late Renaissance', *The Journal of the History of Medicine and Allied Sciences*, 41 (1986), 415–441.

¹¹⁷ См., напр.: Cogan, *The Haven of Health*, 231–239. См. также: A. R. Ekirch, 'Sleep We Have Lost: Pre-industrial Slumber in the British Isles', см.: *The American Historical Review* (2001), 343–386, особ. 352.

¹¹⁸ Andrew Boorde, *A Compendious Regiment*, l. ci, v.

¹¹⁹ BL Harleian MS 6850, l. 91.

Глава 5 Женское бессилие

Елизавета постоянно находилась в центре пристального внимания. Иностранцы писали своим государям депеши, посвященные всем сторонам жизни королевы, даже самым интимным. Все, что касалось королевы, вызывало огромный интерес как в стране, так и за ее пределами. После вступления Елизаветы на престол испанский посол граф Фериа утверждал, что Елизавета «едва ли проживет долго». Он докладывал Филиппу Испанскому, что молодая королева «не слишком крепкого сложения». ¹²⁰ Ему вторил французский посол де Ноай: «Все, кто ее видел, не сулят ей долгих лет жизни». ¹²¹

Начиная с переходного возраста Елизавета часто болела. Она страдала от несварения желудка, падала в обмороки, ее часто мучили сильные головные боли, которые иногда длились по нескольку недель подряд. Кроме того, она жаловалась на бессонницу и резь в глазах. ¹²² Она была очень близорука, отчего даже самые простые повседневные дела, не говоря уже о государственных, превращались для нее в сложные задачи. Из-за любви к сладостям королева часто страдала от сильной зубной боли.

В те времена считалось, что человеческий организм состоит из «гуморов», или «телесных соков», – крови, слизи, желтой и черной желчи. У здорового человека все четыре гумора находятся в равновесии, любое его нарушение вызывает ту или иную болезнь. Когда Елизавете было двадцать с небольшим лет, в годы правления ее сестры Марии, королевский врач доктор Уэнди писал, что в организме принцессы «много гуморов холодных и водянистых, которые можно убрать лишь очищениями, специально назначенными и удобными для такой цели». ¹²³ Одним из симптомов, характерных для дисбаланса гуморов, считалась «водянка», или, как бы сказали мы, отечность. Другим симптомом были нерегулярные менструации, на что также жаловалась Елизавета. Аменорея, в свою очередь, вызывала иные болезни – «истерические припадки» и «меланхолию». Королевские врачи регулярно «отворяли» Елизавете вену на лодыжке или руке, пускали кровь и таким образом нормализовали ее «телесные жидкости». ¹²⁴

Помимо физического здоровья Елизаветы, огромный интерес вызывали ее плодовитость и способность к деторождению. В то время считалось, что женщины более ненасытны в постели, чем мужчины. Современникам трудно было поверить, что женщина, преодолевшая переходный возраст, может добровольно хранить целомудрие, особенно если у нее не было мужа, который обеспечивал бы выход ее сексуальной энергии. ¹²⁵ Будущее протестантского государства всецело зависело от способности Елизаветы произвести на свет наследников. Ходили слухи о том, что у королевы «женское бессилие», то есть она не способна иметь детей и потому никогда не выйдет замуж. ¹²⁶ Когда, в самом начале Елизаветинской эпохи, шотландского посланника сэра Джеймса Мелвилла попросили передать Елизавете предложение руки и сердца от герцога Казимира, сына правителя курфюршества Пфальц, он отказался от поручения со словами: «У меня есть основания полагать, что она вообще не выйдет

¹²⁰ *CSP Span*, 1558–1567, 18, 38.

¹²¹ R. A. Vertot, C. Villaret, *Ambassades de Messieurs de Noailles en Angleterre*, in 5 vol. (Leyden, 1763), III, 86–87.

¹²² См.: BL Harleian MS 6986, 12, и F. Chamberlin, *The Private Character of Queen Elizabeth* (London, 1922), 41–49.

¹²³ 22 June 1554, Dr Owen to Bedingfeld papers cited in Chamberlin, *Private Character of Queen Elizabeth*, 47.

¹²⁴ См.: P. Crawford, 'Attitudes to Menstruation in Seventeenth-Century England', *Past and Present*, 91 (1981), 47–73.

¹²⁵ См.: Sara Mendleson, Patricia Crawford, *Women in Early Modern England 1550–1720* (Oxford, 1998), 20–25.

¹²⁶ William Camden, *Annales: The True and Royall History of the famous Empresse Elizabeth...* (London, 1625), 9.

замуж, из-за того, что рассказала мне одна из ее камер-фрейлин... зная, что она не способна иметь детей, она никогда не подчинится мужчине».¹²⁷ Откуда у шотландского посла такие сведения? От Кэт Эшли, Бланш Парри или Кэтрин Ноллис; а может быть, посланник просто передавал ходившие при дворе сплетни? В апреле следующего года граф Фериа также сообщил: «Если мои шпионы не лгут, в чем я почти уверен, по определенной причине, которую мне недавно сообщили, она, насколько я понимаю, не может иметь детей».¹²⁸

Кровопускание в июне 1559 г. также воспринималось окружающими как доказательство того, что с «природными функциями» королевы что-то не в порядке. «Ее величеству пустили кровь из ноги и из руки, но в чем заключается ее нездоровье, неизвестно, – сообщил венецианский посол. – Многие говорят такое, что я не решаюсь написать».¹²⁹ Даже у папского нунция во Франции имелась своя точка зрения на менструальный цикл Елизаветы: «Едва ли у нее проходит очищение, обычное для всех женщин».¹³⁰

С политической точки зрения подобные слухи были весьма вредны. Ради равновесия сил в Европе и ради собственной безопасности королеве необходимо было быть и казаться здоровой и плодovитой. Тюдоры и англиканская церковь могли считать себя в безопасности лишь в том случае, если бы Елизавета вышла замуж и произвела на свет наследника престола. Так считали и в Англии, и за рубежом. «Чем больше я думаю об этом деле, – писал Фериа через четыре дня после коронации Елизаветы, – тем больше убеждаюсь, что все зависит от того, какого мужа изберет себе эта женщина».¹³¹ Немецкий дипломат барон Поллвайлер в письме императору Фердинанду, написанному примерно в то же время, провозглашал: «Королева достигла такого возраста, что ей, как и любой здравомыслящей женщине, следует желать замужества, дабы о ней заботились... Ее желание оставаться девой и не выходить замуж совершенно необъяснимо».¹³²

На первой при Елизавете парламентской сессии в январе 1559 г. браку королевы уделялось много внимания. «Ничто не может быть отвратительнее для общего блага, чем видеть, как принцесса, которая своим браком может сохранить державу в мире, ведет холостую жизнь, подобно девственнице-весталке», – провозгласил Томас Гаргрейв, спикер палаты общин.¹³³ Елизавета ответила на петиции парламента осторожно и весьма уклончиво: «Когда же Богу угодно будет, чтобы я склонила душу свою к иному образу жизни, уверяю вас, я не сделаю и не решу ничего, что шло бы во вред стране».¹³⁴

Елизавета считалась одной из самых завидных невест в Европе, «лучшей партией среди своих единоверцев», и с самого начала правления у нее не было недостатка в поклонниках. Среди них были Филипп II Испанский и Эрик XIV Шведский; эрцгерцоги Фердинанд и Карл Австрийский; герцоги Савойский, Немурский, Феррарский, Голштинский и Саксонский, графы Арран и Арундел. Все они стремились заключить крайне важный союз с Англией, дабы сохранить равновесие сил. Габсбурги стремились поддерживать в Англии происпанские настроения, так как в то время особенно мощную угрозу представляла Франция: о своих правах на английскую корону заявила Мария Стюарт, невестка французского короля. Хотя Филипп Испанский сожалел о возвращении Елизаветы в протестантизм, стра-

¹²⁷ Цит. по: Elizabeth Jenkins, *Elizabeth the Great* (London, 1958), 77.

¹²⁸ *CSP Span*, 1558–1567, 63.

¹²⁹ *CSP Ven*, 1558–1580, 105; R. Bakan, 'Queen Elizabeth I: a case of testicular feminisation?', *Medical Hypotheses*, July 17.3 (1985), 277–284.

¹³⁰ Chamberlin, *Private Character of Queen Elizabeth*, 67.

¹³¹ J.M. B. C. Kervyn de Lettenhove, *Relations Politiques des Pays-Bas et de L'Angleterre sous le Regne de Philippe II* (Brussels, 1882–1890), I, 295, перевод см.: *CSP Span*, 1558–1567, 3.

¹³² Victor Von Klarwill, *Queen Elizabeth and Some Foreigners* (London, 1928), 94.

¹³³ William Camden, *Annales*, 26.

¹³⁴ T. E. Hartley (comp.), *Proceedings in the Parliaments of the Reign of Elizabeth I*, in 3 vol. (Leicester, 1981), I, 44–45.

тегические соображения диктовали необходимость сохранения союза с Англией. В первые дни правления Елизаветы Филипп, правда с большой неохотой, сделал предложение бывшей свояченице при том условии, что она вернется в лоно католичества и ему не придется жить в Англии.¹³⁵ Едва ли Елизавета могла согласиться на такой брак, но в предложении, переданном послом Фериа, Филипп называл себя «приговоренным в ожидании своей участи». Позже Фериа пояснял: «Не будь на то Божьей воли... я бы не принял участия в таком деле... Ничто не могло подвигнуть меня на такой шаг, кроме ясного сознания, что Королевство [Англии] много выиграет от его служения и веры».¹³⁶ Все стороны, скорее всего, вздохнули с облегчением после того, как Елизавета отказала Филиппу;¹³⁷ впрочем, ей быстро подыскали другого подходящего кандидата в мужья из династии Габсбургов.

В самой Англии многие хотели, чтобы Елизавета вышла замуж за соотечественника. Брак с иностранцем был чреват опасностями; брак покойной Марии с Филиппом Испанским оставил у многих привкус горечи. Как утверждалось в трактате «Диалог о свадьбе королевы», написанном молодым дипломатом сэром Томасом Смитом, если Елизавета изберет себе мужа-иностранца, она получит «кота в мешке», в то время как англичанин «здесь дома, не его картина или образ, но он сам. Его осанку, цвет кожи, цвет лица и поведение можно увидеть лицом к лицу». Более того, продолжал Смит, можно оценить «его образование и воспитание, ученость, стать и то, в чем находит он удовольствие, чего он лишен, всякий изъян, несовершенство, уродство и тому подобное, что служит ему препятствием, станет очевидно и ясно».¹³⁸ Среди подходящих женихов-англичан числились граф Арундел и герцог Норфолк, принадлежавшие к высшей аристократии, и сэр Уильям Пикеринг, красивый неженатый сороклетний придворный, занимавший незначительную дипломатическую должность.¹³⁹ Пикеринг и Елизавета были старыми друзьями; когда в мае 1559 г. он приехал в Лондон и пришел с визитом, королева тепло приветствовала его и поселила в Уайтхолле. Фериа сообщал, что королева виделась с Пикерингом тайно, а «вчера он приходил во дворец публично и пробыл с ней четыре или пять часов. В Лондоне ставят один к четырем, что он будет королем».¹⁴⁰ Однако дело так ничем и не кончилось.

Второй английский жених, Генри Фицалан, 12-й граф Арундел, не жалел сил для того, чтобы добиться руки Елизаветы, но, как сообщал Фериа, королева только шутила о слухах, ходивших при дворе относительно ее брака с графом. В своей депеше Фериа добавлял: «Она с ним не ладит».¹⁴¹ Арундел был стойким католиком, на двадцать лет старше Елизаветы и, по мнению Фериа, «взбалмошным человеком без особых способностей».¹⁴² Однако Арундел возлагал большие надежды на свое сватовство. В декабре поползли слухи о том, что он занимается деньгами и потратил 600 фунтов на украшения для одной из приближенных дам Елизаветы, которая замолвила за него слово.¹⁴³ Однако его усилия оказались тщетными. Елизавета давно уже обратила внимание на другого англичанина, Роберта Дадли.

¹³⁵ Lettenhove, *Relations Politiques*, I, 398–401, перевод см.: *CSP Span*, 1558–1567, 22–23.

¹³⁶ Цит. по: С. Martin and G. Parker, *The Spanish Armada* (London, 1988), 281.

¹³⁷ *CSP Span*, 1558–1567, 35, 40.

¹³⁸ BL Add. MS 48047, l. 97–135, см.: J. Strype, *The Life of the Learned Sir Thomas Smith*, Приложение (Oxford, 1820), 184–259.

¹³⁹ См.: Von Klarwill, *Queen Elizabeth*, 52, 53–54, 57, 88, 113.

¹⁴⁰ *CSP Span*, 1558–1567, 64–78.

¹⁴¹ S. Adams, M. J. Rodriguez-Salgado, 'The Count of Feria's Dispatch to Philip II of 14 November 1558', *Camden Miscellany*, 28, Camden Society, is. 4, т. 29 (London, 1984), 331. Arundel – см. BL Royal MS 17 A 19, изданное под заглавием 'The Life of Henrue Fitzallen', by ed. J. G. Nichols, *Gentleman's Magazine*, 103 (1833), 11, 118, 210, 490. Эта анонимная биография вышла в 1580 г., вскоре после смерти Арундела.

¹⁴² *CSP Span*, 1558–1567, 19.

¹⁴³ AGS E 8340/233, l. 20v. Lettenhove, *Relations Politiques*, I, 273, 279, 566.

Глава 6

Компрометирующие слухи

Через несколько дней после вступления на престол Елизавета назначила Роберта Дадли главным конюшим. Он занял один из самых важных постов при королевском дворе.¹⁴⁴ В силу своей должности он оставался единственным мужчиной в Англии, которому официально позволялось дотрагиваться до королевы, так как именно он должен был помогать Елизавете садиться в седло и спешиваться, когда она каталась верхом. На охоте, в поездках и на церемониях Дадли всегда сопровождал ее.

Он был высоким и чрезвычайно привлекательным: смуглый, голубоглазый. Позже Дадли рассказывал французскому послу, что «они подружились, когда ей не исполнилось и восьми лет».¹⁴⁵ Его приговорили к смерти после того, как его отец, герцог Нортумберлендский, летом 1553 г. возглавил заговор с целью посадить на престол леди Джейн Грей. После того как Дадли провел полтора года в Тауэре, его освободили и простили. Ему удалось полностью реабилитироваться на службе у мужа Марии I, Филиппа Испанского. Елизавета и Дадли находились в Тауэре в одно и то же время, в годы правления Марии; несомненно, пережитые страдания укрепили их дружбу. Однако Роберт Дадли был женат. 4 июня 1550 г., за четыре года до заключения в Тауэр, он женился на Эми Робсарт, дочери сэра Джона Робсарта, влиятельного норфолкского землевладельца.¹⁴⁶

Уильям Сесил, Государственный секретарь при Елизавете, еще в начале ее правления предложил отправить Дадли за границу посланником к Филиппу Испанскому, но Елизавета отказалась. Ей нужно было, чтобы Дадли оставался рядом.¹⁴⁷ Как только Дадли узнал, что Елизавета стала королевой, он прискакал в Хатфилд на белоснежной лошади и после того редко покидал королеву. По должности главному конюшему полагалось жалованье в размере 100 марок в год, четыре лошади и собственные апартаменты при дворе, где Дадли почти постоянно жил вдали от жены. С женой Дадли почти не виделся; так как Елизавета очень любила верховую езду и охоту, они с Дадли, которого она называла «милым Робинотом», редко разлучались. Как однажды заметил его знакомый, Дадли мог утверждать, что «лучше любого мужчины знает королеву и ее характер».¹⁴⁸

С самых первых месяцев правления Елизаветы придворные обменивались скандальными сплетнями об отношениях Дадли и королевы. Ходили слухи об их ночных свиданиях. Накануне своего отъезда из Англии в апреле 1559 г. граф Фериа писал королю Филиппу о степени близости Дадли и королевы: «За последние несколько дней лорд Роберт вошел в такую милость, что делает что хочет... говорят даже, что ее величество навещает его в его покоях днем и ночью. Некоторые так вольно это обсуждают, что доходят до утверждений, будто у его жены болезнь груди и что королева только и ждет ее смерти, чтобы выйти за лорда Роберта...»¹⁴⁹

Через несколько недель венецианский посол Иль Скифанойя сообщал, что Дадли «в большом фаворе и очень близок с ее величеством». Хотя Иль Скифанойя воздержался от

¹⁴⁴ Должность главного конюшего считалась третьей по значимости после главного камергера и гофмейстера. См.: М. Reese, *The Royal Office of the Master of the Horse* (London, 1976).

¹⁴⁵ Bibliotheque Nationale de France, Fonds Français MS 15970, l. 14.

¹⁴⁶ W. K. Jordan (comp.), *Chronicle of Edward VI* (London, 1966), 32–33.

¹⁴⁷ BL Cotton Caligula MS E V, l. 56r; TNA SP 12/1/5.

¹⁴⁸ John Bruce, *Correspondence of Robert Dudley, Earl of Leycester: during his Government of the Low Countries, in the years 1585 and 1586* (London, 1844), 176.

¹⁴⁹ CSP Span, 1558–1567, 57–58.

каких-либо обвинений в недостойном поведении, которые могли повредить дипломатическим отношениям, он все же сослался на шокирующие слухи, ходившие при дворе: «По этому вопросу у многих имеется свое мнение, но боюсь, что мое письмо окажется не в тех руках, поэтому лучше хранить молчание, чем говорить дурное». ¹⁵⁰ Посол понимал, что его письма могут перехватить, и потому не желал открыто утверждать то, о чем все шептались: что Елизавета и Дадли стали любовниками.

Несмотря на подозрения относительно характера отношений Елизаветы и ее главного конюшего, император Священной Римской империи Фердинанд I горел желанием заключить союз с Англией и в мае 1559 г. поручил своему посланнику Каспару Бройнеру, барону фон Рабенштайну, начать переговоры о браке Елизаветы с девятнадцатилетним сыном императора Карлом фон Габсбургом, эрцгерцогом Австрийским. ¹⁵¹ Отказ Елизаветы, которая объяснила, что намеревается в обозримом будущем остаться незамужней, не отпугнул Бройнера: «Среди других принцесс не найдется равных ей в мудрости, добродетели, красоте и пышности фигуры и форм... Более того, я видел несколько принадлежащих ей очень красивых летних резиденций, две из которых внимательно осмотрел, и могу засвидетельствовать, что на свете нет таких богато обставленных дворцов с дорогой мебелью, обтянутой шелком, украшенной золотом, жемчугом и драгоценными камнями. Кроме того, у нее еще около двадцати домов, и все их по праву можно считать королевскими летними резиденциями. Значит, она вполне стоит усилий». ¹⁵²

В интересах Габсбургов было сохранять дружеские отношения с Англией; поэтому император пропускал мимо ушей скандальные слухи о Елизавете и Дадли. В письме к старшему сыну, эрцгерцогу Максимилиану, он признавал опасность и распространенность слухов, но уверял, что они вполне обычное явление и окружают всех непорочных женщин: «Клевета исходит от многих и наносит большой ущерб, и, хотя следует признать, что очень часто злословят даже о женщинах с безупречной репутацией, я не желаю напрасно тратить слова на такое. Однако, – продолжал император, – поскольку поднялся такой шум и поскольку слухи доносятся с разных сторон... вопрос в самом деле щекотлив и очень опасен... Обо всем необходимо как следует поразмыслить». ¹⁵³

Считая, что Елизавету удастся склонить к брачному союзу, Сесил поручил своему доверенному лицу в Германии, Кристоферу Мундту, разузнать все, что можно, о внешности эрцгерцога, его характере, религии и отношении к протестантизму. ¹⁵⁴ Переговорив с фрейлинами королевы, новый испанский посол, дон Альваро де Квадра, епископ Аквильский, вскоре сообщил своему королю, что Елизавета поощряет ухаживания эрцгерцога Карла, во всяком случае, «все ее дамы так считают». ¹⁵⁵ Однако у императора Священной Римской империи зародились сомнения, учитывая вполне очевидное влечение королевы к Дадли, и вскоре он уже не был так уверен, что «хочет отдать ей... сына, если даже она попросит». ¹⁵⁶

В августе 1559 г. барон Бройнер решил провести собственное расследование и установить, девственница Елизавета или в самом деле вступила в супружеские отношения с Дадли, как подозревали многие. Как он докладывал, «с дня коронации он ни разу не покидал двор; более того, они живут под одной крышей, что лишь усиливает подозрения». ¹⁵⁷ Бройнер нанял

¹⁵⁰ *CSP Ven*, 1558–1580, 80.

¹⁵¹ Von Klarwill, *Queen Elizabeth*, 67–71; *CSP Span*, 1558–1567, 70–71. См.: S. Doran, 'Religion and Politics at the Court of Elizabeth I: The Habsburg Marriage Negotiations of 1559–1567', *The English Historical Review* 104 (1989), 908–926.

¹⁵² Von Klarwill, *Queen Elizabeth*, 78.

¹⁵³ *Ibid.*, 99.

¹⁵⁴ 'Inquiries to be made by Mundt', 2 June 1559 г., *CSP Foreign*, 1558–1559, 298, 299–300.

¹⁵⁵ *CSP Span*, 1558–1567, 95–96.

¹⁵⁶ *Coleccion de Documentos Ineditos para la Historia de Espana*, ed. M. F. Navarete (Madrid, 1842–1895), xcvi, 89.

¹⁵⁷ Von Klarwill, *Queen Elizabeth*, 115.

агента, Франсуа Борта, который находится «в дружеских отношениях со всеми камер-фрейлинами», чтобы тот выяснил, есть ли за слухами правда. Следствие Бройнера почти ничего не выявило. В зашифрованном послании императору он сообщал, что камер-фрейлины «клянутся всем, что им свято, что ее величество никогда не забывала о своей чести», хотя они и согласны, что королева «выказывает ему свою благосклонность более открыто, чем приличествует ее положению и репутации. Но во всем остальном они ничего не заметили».¹⁵⁸

Только фрейлины Елизаветы знали правду об отношениях королевы и Дадли. Только они могли поручиться за ее непорочность. Но, хотя публично они всегда первыми кидались на ее защиту и королева могла положиться на то, что они сохранят ее доброе имя, они вполне могли осуждать ее частным образом.

В августе Кэт Эшли упала перед королевой на колени в королевской опочивальне в Хэмптон-Корт и умоляла свою хозяйку выйти замуж и положить конец «компрометирующим слухам» о ее отношениях с Робертом Дадли. Наверняка вспомнив о скандале с Сеймуром десятилетней давности, Эшли считала, что Елизавета ведет себя неподобающим образом, что «марает ее честь и достоинство» и со временем «подорвет в своих подданных» верность, что станет «поводом для кровопролития». Эшли заявила: знай она, чему ей придется быть свидетельницей, она бы скорее «задушила ее величество в колыбели». Такими были слова женщины, которая искренне, по-матерински любила Елизавету. У королевы не было тайн от Кэт Эшли; однажды она заметила: «Я не знаю ничего, чего не знала бы она».¹⁵⁹ Елизавета милостиво отнеслась к откровенным словам своей камер-фрейлины, признав, что они идут «от чистого сердца и искренней преданности». Она заверила Кэт, что подумает о браке, дабы развеять слухи и успокоить подданных, но добавила, что «брак должно хорошо обдумать» и что в настоящее время у нее «нет желания изменять свое положение». Когда Эшли предложила Елизавете разорвать отношения с лордом Робертом, королева сердито парировала, что она «никому не давала повода связывать себя ни с ее конюшим, ни с другим мужчиной, и надеется, что так будет и впредь. Но она знала в жизни очень много горя и печали и очень мало радости. Если она и проявляет снисходительность к своему главному конюшему, то он вполне заслужил ее милость своим благородством и добрыми делами... Ее всегда окружают фрейлины и статс-дамы; в любое время дня и ночи они заботятся о том, чтобы между ней и главным конюшим не происходило ничего постыдного. Если бы она когда-либо и проявляла желание или находила удовольствие в такой постыдной жизни... ей не было бы прощения; но она Богом клянется, что никто из ныне живущих не увидит, как она скомпрометирует себя».¹⁶⁰

Тем не менее слова Кэт Эшли задела Елизавету; когда через несколько дней ее посетил Бройнер, он нашел ее «несколько удрученной» и «окруженной прошениями выйти замуж». Как королева сказала послу, она «скорее умрет, чем ее страна понесет ущерб или потерю» и потому готова выйти даже «за самого низкороджденного своего подданного, лишь бы не давать повода дурно думать о ней».¹⁶¹ Камер-фрейлины поведали Бройнеру, что королева пребывает «в меланхолии», спала ночью «не более получаса» и проснулась «бледная и слабая».¹⁶² Вскоре после того у Елизаветы начался сильный жар.¹⁶³ Французский посол назвал болезнь *fièvre quartre*, лихорадкой, которая появлялась раз в четыре дня, и сообщил, что у

¹⁵⁸ Ibid., 113–115.

¹⁵⁹ Haynes, *Burghley State Papers*, 95.

¹⁶⁰ Von Klarwill, *Queen Elizabeth*, 113–115.

¹⁶¹ Ibid., 120.

¹⁶² Ibid., 120–121.

¹⁶³ Там же.

врачей королевы «большие сомнения в ее выздоровлении». ¹⁶⁴ Сразу поползли тревожные слухи. «Я наказал нескольких, – писал в середине августа графу Бедфорду один крупный девонский землевладелец, – за толки о смерти ее королевского величества; так же, насколько мне известно, поступили и другие в других частях графства». ¹⁶⁵

Де Квадра, испанский посол, вскоре пришел к выводу, что Елизавета неискренна. Она, как писал де Квадра, «только что дала 12 тысяч фунтов лорду Роберту на расходы». Де Квадра считал, что Елизавета «коварно обращает общее мнение к своей выгоде, так как стремится успокоить католиков, которые желают этого союза, и удовлетворить всех, кому не терпится выдать ее замуж и кто смущен ее поступками». ¹⁶⁶ Однако через несколько дней, к удивлению посла, ему снова подали надежду. Де Квадре нанесла неожиданный визит сестра Роберта Дадли, леди Мэри Сидни. Мэри, рыжеволосая ровесница королевы, была образованной, хорошенькой и политически подкованной молодой женщиной. Они с Елизаветой были знакомы с детства, а после того, как ее брат стал фаворитом, особенно сблизились. ¹⁶⁷ В день коронации Елизавета назначила Мэри камер-фрейлиной «без жалованья»; впоследствии она служила королеве в перерывах между родами (у Мэри было пятеро детей). Помимо того, она управляла Пенсхерст-Плейс, фамильным имением в Кенте, и поддерживала своего мужа, сэра Генри Сидни, в Ирландии и на болотах Уэльса. ¹⁶⁸

Придя к испанскому послу, Мэри сказала, что Елизавета передумала: она все же решила выйти замуж и хочет, чтобы ее брак с эрцгерцогом Карлом «был устроен побыстрее». ¹⁶⁹ Говоря по-итальянски – Мэри бегло говорила на нем, – она заверила посла, что действует с ведома королевы; под страхом смерти она не сказала бы ничего подобного, если бы это не было правдой. Она просила де Квадру начать с королевой переговоры о браке и предупредила, чтобы он не сомневался, видя нежелание Елизаветы, потому что «у наших дам в обычае не давать своего согласия в таких делах, пока их не упроят». ¹⁷⁰

Слова Мэри Сидни подтвердил сэр Томас Парри, казначей двора; он сообщил де Квадре, что королева накануне вечером вызвала к себе его и леди Сидни и сказала, «что свадьба стала необходимой». ¹⁷¹ По их мнению, Елизавета решила вскоре после того, как был раскрыт заговор с целью отравить королеву и лорда Роберта на банкете, который устраивал граф Арундел. По словам де Квадры, «королева была сильно встревожена», и этот заговор «вместе с французскими приготовлениями к войне за Шотландию, похоже, вынудили королеву решиться на брак». ¹⁷²

Вновь воспрянув духом, посол поплыл на барке в Хэмптон-Корт, но испытал жестокое разочарование, обнаружив, что Елизавета относится к браку противоречиво. «Единственный ответ, который я получил, – пишет он, – состоял в том, что она еще не решила, выходить ли ей замуж, но, если она все-таки решится, я могу быть вполне уверенным в том, что выйдет она только за самого высокопоставленного и самого лучшего». Посол отправился к Мэри Сидни и выразил ей свое удивление тем, что «ее величество не говорила яснее» о вновь

¹⁶⁴ TNA SP 31/3/24, l. 111r.

¹⁶⁵ TNA SP 12/6/23, l. 39r.

¹⁶⁶ *CSP Span*, 1558–1567, 77.

¹⁶⁷ См.: Michael G. Brennan, Noel J. Kinnamon and Margaret P. Hannay, 'Robert Sidney, the Dudleys and Queen Elizabeth', см.: Carole Levin, Jo Eldridge Carney and Debra Barrett-Graves, eds, *Elizabeth I: Always Her Own Free Woman* (Aldershot, 2003), 20–42.

¹⁶⁸ О назначении Мэри Сидни во внутренние покои см.: TNA LC 2/3/4, l. 53r; TNA LC 2/3/4/104.

¹⁶⁹ *CSP Span*, 1558–1567, 95–96; BL Add. MS 48023, l. 352; TNA SP 12/1/1, l. 5.

¹⁷⁰ *CSP Span*, 1558–1567, 95–96.

¹⁷¹ *Ibid.*, 96.

¹⁷² Lettenhove, *Relations Politiques*, II, 9–10, 13, 19–22, 28–29; AGS E 812, l. 105; *CSP Span*, 1558–1567, 95–96; Von Klarwill, *Queen Elizabeth*, 123–126.

проснувшимся интересе к эрцгерцогу. Мэри поспешила заверить его в обратном и побуждала не сдаваться.¹⁷³

Судя по всему, Елизавету беспокоили слухи о ее отношениях с Дадли. После «дела Сеймура» она усвоила горький урок. Ей уже пришлось быть свидетельницей тому, как непристойные истории набирают обороты и распространяются внутри страны и за границей. В позднейшем разговоре с де Квадрой Елизавета призналась: она боится, «что он, возможно, разочарован» тем, что узнал о ней, и что «в стране есть люди, которые получают удовольствие, болтая все, что приходит им в голову». Как подчеркнул де Квадра, королева произнесла все это «с некоторыми признаками стыда».¹⁷⁴ Он заверил ее в том, что, «будь что-то, чего эрцгерцогу не следует слышать или знать, мысль о его приезде не занимала бы нас». Елизавета, по ее словам, тревожилась: если переговоры прервутся, эрцгерцог может воспользоваться «праздными толками», которые ходят о ней, в ущерб ее чести. Но, как сухо заметил де Квадра, «с этой точки зрения я ни о чем не сожалел, так как страх мог оказаться не без выгоды для нас».¹⁷⁵

К середине октября испанский посол вновь преисполнился уверенности: «Она в самом деле так же настроилась на свадьбу, как и ваше величество», – и посоветовал незамедлительно прислать эрцгерцога в Англию.¹⁷⁶ Но было уже поздно. Император Священной Римской империи утратил интерес к переговорам и не позволил своему сыну покидать Австрию, поскольку никто не мог поручиться за успех его миссии.¹⁷⁷ Даже воодушевление Мэри Сидни по поводу брака с Габсбургом как будто остыло. В ноябре де Квадра писал: по его мнению, Дадли «сделал сестре выговор, так как она завела дело дальше, чем он того желал». Когда посол снова встретился с Елизаветой, она объявила, что на свадьбе настаивал некто, «имеющий намерения самые добрые, однако без каких-либо полномочий». Как писал потом де Квадра, «поскольку я вынужден кого-то обвинить... я обвиняю только леди Сидни, хотя, по правде говоря, она виновата не более, чем я, как я и сказал ей в беседе с глазу на глаз». Более того, именно изменения в поведении Мэри Сидни подсказали послу, что переговоры зашли в тупик: «Как только я узнал, что леди Сидни сомневается и жалуется на королеву и своего брата, я решил, что будет лучше положить конец неуверенности».¹⁷⁸

Никакого заговора с целью убийства королевы и Дадли на банкете у Арундела не было; все придумали, чтобы убедить де Квадру в желании Елизаветы выйти замуж. После смерти Генриха II в июле 1559 г. и вступления на престол пятнадцатилетнего Франциска, мужа Марии Стюарт, возникли серьезные опасения франко-шотландского альянса. Французы день ото дня увеличивали численность своих войск в Шотландии; Елизавета боялась войны на северной границе. В октябре де Квадра просил своего коллегу в Риме «позаботиться о том, чтобы французы не подкупили нового папу и не вынудили его возбудить процесс против [английской] королевы на основании притязаний королевы Шотландии, что произвело бы большой урон здесь и повсеместно перед свадьбой».¹⁷⁹ Под видом переговоров о браке, которые непреднамеренно поощряла леди Сидни, королева надеялась сохранить доброе расположение Габсбургов на фоне французской угрозы и в то же время отвлечь внимание от своих скандальных отношений с Робертом Дадли.

¹⁷³ Von Klarwill, *Queen Elizabeth*, 125.

¹⁷⁴ *CSP Span*, 1558–1567, 104.

¹⁷⁵ *Ibid.*

¹⁷⁶ *Ibid.*, 101–102.

¹⁷⁷ Von Klarwill, *Queen Elizabeth*, 125.

¹⁷⁸ *CSP Span*, 1558–1567, 111.

¹⁷⁹ *Ibid.*, 104, 105.

Елизавета воспользовалась политической «подкованностью» Мэри Сидни, а также ее семейными связями при испанском дворе; сэра Генри Сидни последние годы не раз посылали с поручениями в Испанию, и он завязал такие добрые отношения с королем Филиппом, что в 1554 г. Филипп стал крестным отцом его первенца, Филипа Сидни. Мэри попросту использовали; узнав правду, она потребовала встречи с королевой. Несмотря на то что ее предупреждали о «нерасположении» Елизаветы, леди Сидни была непреклонна. Она, по ее словам, «ничего мнения не спрашивает и пойдет к королеве всем назло». Она сказала де Квадре: даже если ее отправят в Тауэр, «она не перестанет говорить о том, что происходит, и что ее худший враг – ее брат [лорд Роберт]». ¹⁸⁰ Она намерена отстоять свою честь, даже если «это будет стоить ей жизни». ¹⁸¹ По словам Мэри Сидни, Фрэнсис, леди Кобэм, которую де Квадра назвал «обер-гофмейстериной», также «поощряла ухаживания эрцгерцога» и тоже заняла сторону эрцгерцога Карла. ¹⁸² Испанский посол понял, что перед ним разыграли фарс. «Она не настроена серьезно, – писал де Квадра, – но хочет лишь потешить чернь надеждой на брак, дабы спасти жизнь лорда Роберта. Он настроен весьма подозрительно, так как его снова предупредили о готовящемся на него покушении, во что я вполне верю, ибо ни один человек в Англии не выносит мысли о том, что он станет королем». ¹⁸³ На сей раз то были не просто слухи. «Позавчера раскрыт заговор с целью убийства лорда Роберта, и теперь все только об этом и говорят», – сообщал позже де Квадра. Впоследствии стало известно, что Дадли носил под одеждой «защитную куртку», дублет, изготовленный гринвичскими оружейниками, – что позволяет предположить, что он отнесся к угрозам вполне серьезно. ¹⁸⁴

Де Квадра узнал «некоторые необычайные вещи» и уверял, что враги Дадли в Тайном совете не делают тайны из «своего дурного мнения о его близости с Елизаветой». Ходили слухи, что Дадли намерен отравить свою жену, дабы освободиться и жениться на Елизавете. «Все считают, что королева не выходит замуж по его вине; даже его родная сестра и друзья относятся к нему недоброжелательно». Елизавету неоднократно предупреждали «демонстрировать больше благоразумия и не давать никому повода подозревать ее в связи» с ним. ¹⁸⁵ Де Квадра все меньше верил уверениям Елизаветы в ее невинности; она часто говорила ему, что мечтала стать монахиней и проводить время в келье за молитвами. Он узнал «важные вещи того сорта, о котором нельзя писать» и сообщал графу Фериа, что в Елизавете кроется «сотня тысяч демонов». ¹⁸⁶

К концу января 1560 г. переговоры о браке Елизаветы с эрцгерцогом Карлом официально закончились, и по двору поползли зловещие слухи, что Елизавета сама очень старалась расстроить этот союз. Сэр Томас Чалонер писал из Брюсселя о том, какое потрясение он испытал, узнав, «какие вольности позволяют себе некоторые, говоря... о человеке, которому, по их мнению, оказывают слишком большую милость. По-моему, вы догадываетесь, кого они называют... так как я считаю такие разговоры клеветой». Но, как и предупреждал Чалонер, хотя слухи могли оказаться ложью, тем не менее Елизавете следовало вести себя осторожнее, чтобы не давать пищи сплетникам: «Молодой принцессе лучше переусердствовать с осторожностью, следить за выражением своего лица, за изъявлением родственных чувств, не выказывать благосклонности более одному, чем другому... из-за проволочки с

¹⁸⁰ Ibid., 114; Von Klarwill, *Queen Elizabeth*, 161.

¹⁸¹ Von Klarwill, *Queen Elizabeth*, 161.

¹⁸² Другого указания на то, что леди Кобэм была назначена обер-гофмейстериной, нет. Ibid., 475.

¹⁸³ *CSP Span*, 1558–1567, 115.

¹⁸⁴ *Household Accounts and Disbursement Books of Robert Dudley, Earl of Leicester, 1558–1561, 1584–1586*, ed. S. Adams, Camden Society, is. 5, т. 6 (Cambridge, 1995), 151.

¹⁸⁵ Von Klarwill, *Queen Elizabeth*, 157.

¹⁸⁶ *CSP Span*, 1558–1567, 119.

браком опасность угрожает не только стране (ибо без потомства ее величества мы лишаемся надежды), но дело теперь у всех на устах и порождает клеветнические измышления».¹⁸⁷

¹⁸⁷ *An anonymous mid-Tudor chronicle*, BL Add. MS 48023, l. 352. Lettenhove, *Relations Politiques*, II, 123–124.

Глава 7

Гибель государства

Незадолго до первой годовщины пребывания Елизаветы на престоле сэр Николас Трокмортон, английский посол во Франции, неоднократно писал из Парижа об опасностях, которые грозят ее короне. «У нас есть веские основания подозревать, что французы злоумышляют против нас; и подозрения эти с каждым днем скорее возрастают, чем уменьшаются».¹⁸⁸ В ноябре 1559 г. Энтони Браун, виконт Монтэгу, известный франкофоб, сообщал королеве о разговоре, который состоялся у него с послом императора Гаспаром Преньором об ожидающих ее новых опасностях. Преньор предупредил, что «королеве и всей Англии грозит немалая опасность» и что французы готовят заговор с целью убийства Елизаветы. Он говорил о «разговорах и замыслах» в «местах весьма высоких», направленных на то, чтобы «убить Елизавету». Преньор советовал: чтобы спастись от французской угрозы, королеве следует «угодить королю Испании и ни в коем случае не терять его» и потому быть «умеренной» в тех вопросах, которые «могут его обидеть и обижают». Кроме того, он предлагал Елизавете заручиться *fidele satellitium* – верными спутниками – для личной охраны.¹⁸⁹

В записке от марта следующего года Уильям Сесил подтвердил угрозы. «Мы все с уверенностью полагаем, что королева Шотландии и с ней ее муж и дом Гизов в глубине души смертельные враги вашего величества».¹⁹⁰ Через несколько недель Трокмортон писал о «смертоносном и ужасном замысле Гизов», которые вознамерились отравить Елизавету посредством «некоего смуглого итальянца с черной бородой» по имени Стефано. Он приехал в Англию под предлогом того, что собирается предложить королеве свои услуги инженера. Трокмортон убедил Елизавету, что, будучи предупрежденной заранее, «ей не нужно бояться, но вместо того отдать приказ арестовать Стефано, к замешательству Гизов и в качестве примера для других наемников».¹⁹¹ Тогда в первый раз пресекли угрозу жизни Елизаветы; впоследствии подобных заговоров будет очень много.

Так как заговоры множились со стремительной быстротой, Сесил предпринял меры, направленные на то, чтобы укрепить безопасность самой королевы, и издал указ под названием «Меры предосторожности в облачении и диете королевы». Он призывал уделять больше внимания надлежащей охране внутренних покоев и опочивальни. Слишком часто задние двери покоев, где размещались фрейлины королевы, оставляли открытыми и без охраны; никто не обращал внимания на «прачек, портных, швей и прочих», которые приходили и уходили через эти двери; во внутренние покои мог незаметно проскользнуть любой и напасть на королеву или пронести в ее покои яд, как медленно-, так и быстродействующий, который мог быть принят через рот или проникнуть через кожу. Своим указом Сесил запретил проносить во внутренние покои мясо и прочую пищу, приготовленную за пределами королевской кухни, если «точно не известно» их происхождение. Надушенные перчатки, рукава и другую одежду предписывалось держать подальше от королевы, дабы опасные испарения «нейтрализовались другими запахами». Сесил рекомендовал «тщательно осматривать» даже нижнее белье королевы – то есть «всевозможные вещи, которые касаются различных обнаженных частей тела ее величества». К подобным предметам туалета нельзя подпускать посторонних, за исключением особо доверенных лиц, дабы какая-

¹⁸⁸ P. Forbes (comp.), *A Full View of the Public Transactions in the Reign of Queen Elizabeth* (London, 1740), 152.

¹⁸⁹ CP 152/94, см.: Haynes, *Burghley State Papers*, 233; см. также Malcolm R. Thorp, 'Catholic Conspiracy in Early Elizabethan Foreign Policy', *The Sixteenth-Century Journal*, т. 15, № 4 (1984), 431–448.

¹⁹⁰ BL Cotton MS Caligula B X, l. 89r – 92, цит. по: P. Forbes (comp.), *Public Transactions*, 391.

¹⁹¹ *CSP Foreign*, 1559–1560, 581–582.

нибудь вредоносная субстанция, спрятанная в складках белья, не причинила ущерба здоровью королевы.¹⁹² В виде дополнительной предосторожности Сесил настоятельно просил королеву принимать какие-либо медицинские защитные средства «против чумы и яда дважды в неделю»; тогда злоумышленники не застигнут ее врасплох. Елизавета не любила подчиняться не ею установленным правилам, в таких вопросах она упрячилась всю свою жизнь.¹⁹³

Ужесточив меры по защите Елизаветы как физического лица, Сесил также побуждал королеву защитить себя как лицо юридическое, предложив прямую поддержку шотландским протестантским лордам, которые восстали против французского присутствия в Шотландии. Мария де Гиз, мать Марии Стюарт, после смерти мужа, короля Якова V, осталась в Шотландии и была регентом своей тогда маленькой дочери. Марию Стюарт после помолвки с французским дофином отправили на воспитание к французскому двору. Однако Мария де Гиз становилась все более непопулярна среди шотландских лордов из-за своих попыток внедрить католицизм и усилить французское влияние. Когда в Шотландию ей в помощь прислали новые французские войска, советники Елизаветы испугались, что северное королевство станет военной базой для вторжения в Англию от имени Марии, королевы Шотландии и супруги французского короля.¹⁹⁴

29 марта 1560 г. английские солдаты перешли границу и осадили французский гарнизон в Лите. Кампания окончилась поражением, наступление 7 мая захлебнулось. Однако и французы почти ничего не выиграли. После того как две французские флотилии, посланные для снятия блокады, были отброшены штормами и после смерти 11 июня Марии де Гиз обе стороны стремились к миру. Уезжая в Эдинбург для обсуждения условий мира, Сесил боялся того, что в его отсутствие может произойти между Елизаветой и Дадли.

Сесил волновался не зря. Королева и Дадли проводили вместе целые дни; они пировали и охотились все лето 1560 г.¹⁹⁵ В том году по стране поползли слухи о том, что Елизавета и Дадли – любовники и что Елизавета беременна. Весной, по признанию некоего Джона Уайта из Девона, «пьяный Барли говорил ему в собственном доме, что лорд Роберт Дадли переспал с королевой».¹⁹⁶ В июне арестовали «матушку Доу», шестидесятивосьмилетнюю вдову из Эссекса, «за утверждения, что королева беременна от Роберта Дадли».¹⁹⁷ Местным мировым судьям велели расследовать дело и написать в Тайный совет подробности высказываний Доу. Дело старались вести камерно, дабы предотвратить распространение скандальных историй «среди простолюдинов», однако было уже поздно. Примерно в то же время граф Оксфорд в письме Сесилу спрашивал, как ему поступить с Томасом Холландом, приходским священником из Литл-Берстеда в Эссексе, которому его предшественник рассказывал, что одного человека посадили в Тауэр «за то, что он говорил, будто ее королевское величество ждет ребенка». Оксфорд интересовался, можно ли в данном случае прибегнуть к обычному наказанию для сплетников и отрезать Холланду уши.¹⁹⁸ В депеше де Квадры к королю Филиппу Испанскому подчеркивалась серьезность положения и упорные клевет-

¹⁹² Haynes, *Burghley State Papers*, I, 368.

¹⁹³ C. C. Jones, *Court Fragments*, in 2 vol. (London, 1828), II, 43.

¹⁹⁴ *CSP Span*, 1558–1567, 75–76, 83. См.: Stephen Alford, *The Early Elizabethan Polity: William Cecil and the British Succession Crisis, 1558–1569* (Cambridge, 1998), 53–55; Jane E. A. Dawson, ‘William Cecil and the British Dimension of Early Elizabethan Foreign Policy’, *History*, 74 (1989), 196–216.

¹⁹⁵ BL Cotton MS Titus B II, l. 419r; *CSP Span*, 1558–1567, 133.

¹⁹⁶ CP 152/127, цит. по: *HMC Salisbury*, I, 257.

¹⁹⁷ TNA SP 12/13, l. 21.

¹⁹⁸ TNA SP 12/12/51, l. 107.

нические измышления в адрес королевы: «Если она не выйдет замуж и не остепенится, с каждым днем ей будут грозить новые и более серьезные беды».¹⁹⁹

Тем летом приближенные к Елизавете дамы рожали одна за другой. Дадли дал банкет в честь королевы в своем имении в Кью; в это время его сестра леди Сидни, которая тогда находилась на поздних сроках беременности, удалилась от службы при дворе и поселилась в Кью, где в октябре родила своего третьего ребенка, дочь, которую назвали Элизабет – скорее всего, в честь королевы.²⁰⁰

В конце июля в Келстоне (графство Сомерсет) Изабелла Харингтон, одна из камер-фрейлин Елизаветы, разрешилась от бремени первенцем, Джоном. 4 августа мальчика крестили в лондонской церкви Всех Святых; королева стала крестной матерью.²⁰¹ Изабелла была на шесть лет старше Елизаветы и несколько лет провела у нее на службе. Она служила верно и, вполне возможно, была одной из камер-фрейлин Елизаветы, когда, после восстания Уайатта против Марии I в 1554 г., принцессу посадили в Тауэр. В 1559 г. она вышла за Джона Харингтона, придворного и писателя, который стал фаворитом Генриха VIII. Его первой женой была Этельреда Молт, предположительно незаконнорожденная дочь короля от Джоанны Дингл, однако в обмен на пожалованные земли и доход ее записали незаконной дочерью некоего портного по имени Джон Молт. Весной 1546 г. Харингтон поступил на службу к сэру Томасу Сеймуру. После ареста Сеймура в январе 1549 г. Харингтона тоже посадили в тюрьму и допрашивали об отношениях его хозяина с принцессой. Однако Харингтон сохранил верность Елизавете и не выдал на допросе ничего компрометирующего ее честь. Позже королева приняла его на службу при дворе. В 1559 г., после смерти первой жены, Харингтон женился на Изабелле Маркем, дочери коменданта лондонского Тауэра.²⁰²

И вот, чуть больше чем через год после их свадьбы, Изабелла и Джон отмечали рождение первого из их пяти детей. Джон, или «мальш Джек», как любовно называла его Елизавета, стал одним из первых крестников Елизаветы. Несомненно, она согласилась стать крестной в награду за верность Харингтонов в годы, предшествовавшие ее вступлению на престол.²⁰³ Позже Джон-младший писал, как «до двадцатого года правления ее величества» его мать Изабелла «спала с королевой в одной постели».²⁰⁴

Сесил, который в то время находился в Эдинбурге и вел мирные переговоры с шотландцами, регулярно писал королеве и выражал беспокойство за ее репутацию и неопределенное положение с престолонаследием. Он уверял, что «постоянно молится, дабы Господь направил ваше сердце и обеспечил отца вашим детям, чтобы все дети вашего королевства благословляли ваше семя. Без того ни мир, ни война не принесут нам долговременной выгоды».²⁰⁵ Вернувшись в Лондон после успешных переговоров с французами, которые согласились уйти из Шотландии, Сесил поделился с де Квадрой своими откровенными взглядами на Роберта Дадли. Он «сделался господином всех дел и личности королевы, к крайней обиде всей страны, намеревается жениться на ней и заставляет ее целые дни проводить на охоте,

¹⁹⁹ *CSP Span*, 1558–1567, 174.

²⁰⁰ L. Howard (comp.), *A Collection of Letters: from the original manuscripts of many princes, great personages and statesmen* (London, 1753), 210–211; S. Adams (comp.), *Household Accounts of Robert Dudley*, 141–142; TNA SP 70/19, l. 360.

²⁰¹ *The Registers of Christenings, Marriages and Burials in the parish of Allhallows, London Wall, Within the City of London, from the year of our Lord 1559 to 1675*, ed. Basil Jupp и Robert Hovenden (London, 1878), 5.

²⁰² См.: D. H. Craig, *Sir John Harington* (Boston, 1985); Jason Scott Warren, *Sir John Harington and the Book As Gift* (Oxford, 2001); Ian Grimble, *The Harington Family* (London, 1957), 116–117.

²⁰³ См.: Henry Harington, *Nugae Antiquae: being a miscellaneous collection of papers, written during the reign of Henry VIII, Edward VI, Queen Mary, Elizabeth and King James by Sir John Harington*, in 2 vol. (London, 1804), II, 178.

²⁰⁴ John Harington, *A Tract on the Succession to the Crown*, 40–41.

²⁰⁵ Thomas Wright (comp.), *Queen Elizabeth I and her Times: A Series of Original Letters*, in 2 vol. (London, 1838), I, 30–32.

что подвергает еще большей опасности ее жизнь и здоровье». ²⁰⁶ Он «предвидел гибель государства» из-за близости Елизаветы и Дадли; Сесил дошел до такого отчаяния, что признался послу в своем желании подать в отставку. ²⁰⁷ «Так велико общее недовольство королевой и ее образом жизни, что просто чудо, если нам даруют отсрочку и с ней не произойдет какой-либо катастрофы, а если таких покушений не будет, в том нет вины французов», – сообщал де Квадра. ²⁰⁸ А положение все ухудшалось. Сесил признался испанскому послу, что «жену Роберта собираются убить и во всеуслышание объявляют, что она больна, хотя она совсем не больна, а, напротив, здорова и старается предохранить себя от яда... и Господь никогда не допустит, чтобы совершилось такое злодеяние и чтобы злоумышленники вышли сухими из воды».

«Я был уверен, что он говорил искренне и не обманывал меня», – писал пораженный де Квадра. ²⁰⁹ На следующий день он сделал яркую приписку: «После того как я это написал, королева обнародовала весть о смерти жены Роберта и сказала по-итальянски: *Que si ha rotto il collo*, что она сломала шею, должно быть, упала с лестницы». ²¹⁰ Двадцативосьмилетнюю Эми Робсарт нашли мертвой в воскресенье 8 сентября в деревне Камнор в Беркшире, где у нее был дом. Убийство, самоубийство, несчастный случай? Возможно было все. В день смерти Эми услала из дома всех слуг на ярмарку в Абингдон, а позже ее нашли мертвой у подножия лестницы. ²¹¹ Уже давно ходили слухи о том, что Роберт Дадли собирался убить жену, чтобы освободиться и получить возможность жениться на королеве. Все задавались вопросами: замешан ли в смерти жены Дадли? Может ли быть, что он действовал в сговоре с Елизаветой? ²¹² Написав письмо Дадли, в котором он утешал его из-за «жестокой судьбы, постигшей вашу покойную супругу», посол сэр Николас Трокмортон поделился своими сомнениями с Уильямом Парром, маркизом Нортгемптоном. При французском дворе и по всему Парижу, писал он, ходят клеветнические слухи. «Милорд, хотелось бы мне умереть, чтобы более не слышать позорных и ужасных измышлений о ее величестве, моей милосердной правительнице», от которых «волосы у меня на голове» встают дыбом «и уши горят. Я почти обезумел и не знаю, что отвечать; одни над нами смеются, другие угрожают, третьи поносят ее величество». Он горевал: «...сердце мое истекает кровью при мысли о клеветнических толках, которые я слышу; если их не погасить или если они окажутся правдой, наше доброе имя утрачено навсегда, нас ждут война и ниспровержение нашей королевы и страны». ²¹³

Узнав о смерти жены, Дадли немедленно удалился от двора в свой дом в Кью; Эми похоронили в алтаре церкви Святой Марии в Оксфорде. Похороны обошлись лорду Роберту в 500 фунтов, хотя сам он на похоронах не был и не воздвиг ей никакого памятника. Менее чем через месяц он вернулся к королеве и, судя по всему, возобновил свои ухаживания. ²¹⁴ Как заметил один придворный, «лорд Роб питает надежду, что женится на королеве, ибо

²⁰⁶ AGS E 814, l. 24, зарегистрировано в: *CSP Span*, 1558–1567, 174–176, см.: Lettenhove, *Relations Politiques*, II, 529–533.

²⁰⁷ *CSP Span*, 1558–1567, 175.

²⁰⁸ *CSP Foreign*, 1560–1561, 385.

²⁰⁹ *CSP Span*, 1558–1567, 175.

²¹⁰ AGS E 14, l. 24, см.: Lettenhove, *Relations Politiques*, II, 529–533 и частично зарегистрировано в: *CSP Span*, 1558–1567, 174–176.

²¹¹ О недавней дискуссии на эту тему см.: Chris Skidmore, *Death and the Virgin. Elizabeth, Dudley and the Mysterious Fate of Amy Robsart* (London, 2010).

²¹² См.: *CSP Span*, 1558–1567, 176.

²¹³ TNA SP 70/22, l. 43; TNA SP 70/19, l. 39r.

²¹⁴ BL Add. MS 48023, см.: ‘A Journal of Matters of State Happened from Time to Time as Well Within and Without the Realme from and Before the Death of King Edw. the 6th Untill the Yere 1562’// Ian W. Archer, Simon Adams, G. W. Bernard, Paul E. J. Hammer, Mark Greengrass and Fiona Kisby (comp.), *Religion, Politics and Society in Sixteenth Century England* (Cambridge, 2003), 35–112.

она проявляет к нему такую благосклонность».²¹⁵ Некоторые считали, что такой исход неизбежен. Даже Томас Радклифф, граф Суссекс, зять леди Сидни, чьи отношения с Дадли все больше портились, пришел к выводу, что важнее всего для королевы произвести на свет наследника и потому союз с Дадли может оказаться необходимым злом: «Не хотелось бы, чтобы ее величество медлила с вопросом такой великой важности, но ей необходимо спешно выбрать; и в этом отношении следовать зову собственного сердца, [глядя] на того, кого она сама изберет, *omnes ejus sensus titillarentur* (при возбуждении всех чувств), что служит самым доступным средством, с Божьей помощью, подарить нам благословенного принца, который избавит нас от неволи. Если бы я знал, что в Англии есть другие законные наследники, я бы не стал подавать такой совет и посоветовал не спешить с выбором мужа. Но, видя, что она *ultimatum refugium* и что нашим целям не могут служить ни богатство, ни дружба, ни союз с иноземными странами, ни иные преимущества, даруемые супружеством, в отсутствие ее законного потомства, если королева кого-нибудь полюбит, пусть любит там и того, кого она изберет, так жажду я видеть ее любовь. И кого она полюбит и изберет в мужья, я полюблю тоже, буду почитать его и верно служить ему».²¹⁶

Суссекс ссылался на бытовавшее тогда поверье, что половая жизнь полезна для женского и мужского здоровья.²¹⁷ Считалось, что девственники страдают от болезней, связанных с накоплением неоплодотворенного семени, отчего, как считалось, возникает истерия и болезни, известные как «материнские припадки», «удушьё утробы» и «бледная немочь».²¹⁸ Подобные недомогания излечивались браком, поэтому считалось, что замужние женщины в целом здоровее, чем девственницы и вдовы.²¹⁹

Не все разделяли взгляды Суссекса; многим казалось, что брак Елизаветы и Дадли вызовет катастрофу. Юбер Ланге, дипломат из Бургундии, сообщал, что английские аристократы «ясно дали ей понять, что ее слишком тесная близость с милордом Робертом Дадли вызывает их недовольство и что они ни в коем случае не позволят ему жениться на ней».²²⁰ «Не знаю, что и думать, – писал Трокмортон из Франции, – молва столь обширна и передается здесь столь злобно, затрагивая брак лорда Роберта и смерть его жены, что я не знаю, куда смотреть и как себя держать». Видя на их брак следовало остановить, «ибо, в случае их союза, стране грозит великая опасность гибели и разрушения. И чем больше я об этом думаю, тем больше желаю умереть, ибо жить в такое время я не хочу». Трокмортон умолял Сесила сделать все возможное, дабы «воспрепятствовать свадьбе», иначе последствия будут невыносимыми. «Королева, наша правительница, обесчещена, приговорена и предана забвению; страна погибла, раздроблена и пала жертвой... Держава... подвергается великой опасности».²²¹

Трокмортон предпочел действовать прямо и решительно. Он послал в Англию своего секретаря Роберта Джонса, чтобы тот лично предупредил королеву о скандальных слухах,

²¹⁵ BL Add. MS 48023, l. 353v; 'A Journal of Matters of State'.

²¹⁶ TNA SP 63/2, l. 82r.

²¹⁷ См.: William Vaughan, *Naturall and Artificial Directions for Health* (London, 1626), 64.

²¹⁸ См.: T. Laquer, 'Orgasm, Generation and the Politics of Reproductive Biology', *Representations*, 14 (1986), 1–41. См.: P. Crawford, 'Sexual Knowledge in England, 1500–1750', см.: Roy Porter and M. Teich (comp.), *Sexual Knowledge, Sexual Science: The History of Attitudes to Sexuality* (Cambridge, 1994), 91. О бытовавших взглядах медиков на женское тело в начале Нового времени см.: Ian Maclean, *The Renaissance Notion of Woman* (Cambridge, 1980). См. также: Peter Stallybrass, 'Patriarchal Territories: The Body Enclosed' // Margaret Ferguson, Maureen Quilligan, Nancy Vickers (comp.), *Rewriting the Renaissance: The Discourses of Sexual Difference in Early Modern Europe* (Chicago, 1986), 123–142.

²¹⁹ См.: Cogan, *The Haven of Health*, 247–248.

²²⁰ F. Chamberlin, *Elizabeth and Leicester* (New York, 1939), 93.

²²¹ Philip Yorke, Earl of Hardwicke (comp.), *Miscellaneous State Papers, from 1501 to 1726*, in 2 vol. (London, 1778), I, 121–123.

из-за которых она превратилась в посмешище при французском дворе, и напомнил о том, что грозит ее доброму имени в том случае, если она решит выйти замуж за своего фаворита.

Вечером в понедельник 25 ноября Роберт Джонс приехал во дворец Гринвич, где родилась Елизавета, – он был одной из любимейших ее резиденций.²²² Окна-фонари со средниками украшали фасад, выходящий на Темзу, а внутренние покои размещались в башне. В Гринвиче Елизавета часто принимала послов, так как дворец был удобно расположен вблизи доков, верфей и таможенных складов.

По прибытии Джонс нанес визит Сесилу и передал ему последние новости французского двора. Мария, королева Шотландии, уже слышала сплетни, окружавшие смерть Эми Робсарт, и считала, что Елизавета теперь «выйдет за своего конюшего». Ситуация вышла из-под контроля; Сесил был в ярости.

На следующий вечер Роберт Джонс ужинал с Дадли и членами Тайного совета в резиденции шотландского посла. Посреди ужина Дадли вдруг встал, сказав, что должен вернуться ко двору. Через несколько минут за столом появился некий человек, он попросил Джонса выйти. Когда тот повинился, ему сообщили, что Дадли чуть позже желает встретиться с ним с глазу на глаз. После ужина Джонс разыскал Дадли в его апартаментах при дворе. Он застал Дадли в приступе ярости; новости французского двора достигли ушей Елизаветы, которая тогда находилась в Элтемском дворце; ей передали злорадное замечание Марии.

В среду вечером королева наконец дала Джонсу аудиенцию в приемном зале Гринвичского дворца. Он описал встречу в депеше, посланной Трокмортону в Париж. Когда Джонс сказал Елизавете, что испанский и венецианский послы распространяют слух о ее предполагаемом браке с Робертом Дадли, Елизавета ответила снисходительно: «Честное слово, я думала, произошло что-то важное... Ему не следовало присылать вас сюда, ибо было бы разумнее держать вас на месте». Посланник тем не менее не сдавался и объяснил, что Трокмортон счел своим долгом сообщить ей «о таких вещах, которые могут затрагивать ее» лично, а не рисковать тем, что происходящее еще больше станет достоянием гласности. Когда Джонс откровенно пересказал королеве, что говорят о ее отношениях с лордом Робертом и об их возможной причастности к внезапной смерти Эми Робсарт, Елизавета беспокойно заерзала в кресле и закрыла лицо руками, а затем нервно расхохоталась. Она настаивала, что обстоятельства смерти жены Дадли «не затрагивают ни его честности, ни ее чести».²²³

Тем не менее две недели после смерти Эми Робсарт Елизавета держалась скованно и напряженно. Джонс решил, что дело «сильно ее огорчило», и отметил резкую перемену в ее настроении: «Ее величество выглядит не такой бодрой и оживленной, как прежде».²²⁴ Визит Джонса никоим образом не сказался на отношениях Елизаветы и ее фаворита, и уже через несколько недель Трокмортон сообщал: ходят слухи, что Елизавета и Роберт Дадли тайно обвенчались. Испанский посол во Франции сказал ему: Елизавета доказала, «что она немногих почитает в своей стране, ибо ни один человек не посоветовал ей исполнить свою прихоть». В письме к Сесилу Трокмортон встревоженно просит его предпринять более решительные действия и обуздать страсти их своевольной королевы. «Помните, что ваша госпожа молода и подвержена страстям; вы ее советник и обязаны поддержать ее».²²⁵

Не только подданные Елизаветы просили ее изменить «образ жизни». В декабре Адольф, герцог Голштинский и дядя короля Дании, один из первых поклонников Елизаветы,

²²² См.: David Gaimster, 'London's Tudor Palaces Revisited', *London Archaeologist*, 8, № 5 (1997), 122–126.

²²³ BL Add. MS 35830, l. 66, см.: P. Forbes, *Public Transactions*, 482–488.

²²⁴ Hardwicke (comp.), *Miscellaneous State Papers*, т. I, 167; BL Add. MS 35830, l. 66.

²²⁵ TNA SP 70/21, l. 137v; *CSP Foreign*, 1560–1561, 450.

написал о своей тревоге после продолжающихся сообщений из Англии о ее поведении.²²⁶ Его письмо ужаснуло королеву, она нашла его унижительным доказательством широкого распространения порочащих ее слухов. В ответе герцогу Голштинскому, написанному под Новый год, она благодарила его за заботу о ее чести и уверяла, что она «никогда не забудет, как ей надлежит поступать в данном отношении». Она «сочтет за услугу, если он не станет верить тому, что слышит, так как слухи не имеют ничего общего с ее истинной честью и королевским достоинством». Наконец, она заверила его, что во всех своих поступках она не ищет ничего, «кроме славы Божией и сохранения своего достоинства».²²⁷

Вскоре враги Елизаветы воспользовались обвинениями против ее матери как отправной точкой для дальнейших нападков. Она была дочерью Анны Болейн, «великой шлюхи» Европы; чего же от нее ожидать? В августе Трокмортон написал Сесилу, что некий Габриэль де Сакконе сочинил и напечатал клеветнический трактат, в котором мать Елизаветы называется «Иезавелью» и сравнивается с «языческими наложницами Соломона», ибо она убедила Генриха VIII повернуться спиной к истинной церкви. Их «грязное сожителство» стало результатом похоти, и Анну постигло достойное наказание за ее грехи. Сесил пришел в ужас: если Елизавета узнает о публикации, хрупкий мир с Францией, жизненно важный для безопасности Англии, под угрозой. Пока Сесил медлил, сотни экземпляров книги Сакконе были напечатаны и распространялись в Париже и за его пределами. Наконец в середине сентября, больше чем через месяц после получения письма Трокмортон, Сесил решил передать новость Елизавете. Она велела послу «спешно» отправляться к Екатерине Медичи, матери молодого короля Карла IX, и потребовать, чтобы «непристойную» книгу немедленно конфисковали. Но, хотя королева-мать изобразила изумление и отвращение к пасквилю, Екатерина не стала запрещать переиздания. Она лишь обещала просмотреть книгу, чтобы «составить о ней свое впечатление и на его основании отдать соответствующий приказ».

Екатерина и ее сын Карл имели все причины для отсрочки. Всем известно было, что они поддерживают Марию Шотландскую в ее притязаниях на английскую корону, и пасквиль играл им на руку. Очень не скоро появился указ Карла IX, в котором предписывалось вымарать «оскорбительные места» в книге, а до тех пор запрещалось ее продавать. Елизавету такой исход дела совсем не устроил; она слала сэру Николасу Трокмортону письмо за письмом и требовала, чтобы уничтожили весь тираж.

Наконец на второй неделе октября посол сообщил, что французский король приказал конфисковать весь тираж. К тому времени, однако, ущерб уже был причинен. Елизавета кипела гневом по отношению к Екатерине и Карлу.

Трокмортон советовал Елизавете поблагодарить короля Франции и королеву-мать за то, что те воспрепятствовали распространению пасквиля, но она отказалась, хотя, как указал Трокмортон, Екатерина Медичи будет крайне оскорблена таким несоблюдением этикета. Когда в конце ноября королева все же написала благодарственное письмо, то передала его через посла в Испании. Непочтительность была намеренной: Елизавета давала понять, что не простила французов за то, что те порочили ее мать.²²⁸

²²⁶ BL Cotton MS Nero B III, l. 155r; *CSP Foreign*, 1560–1561, 450.

²²⁷ *CSP Foreign*, 1560–1561, 509–510.

²²⁸ *CSP Foreign*, 1561–1562, 244, 303–304, 309, 311, 329, 344, 356, 361.

Глава 8

Плотская связь

Хотя Елизавету неоднократно просили разорвать отношения со своим фаворитом, Дадли, видимо, всерьез решил жениться на Елизавете и начал предлагать иностранцам политические услуги в обмен на решительную поддержку его сватовства к королеве. После брака с Елизаветой он получал неограниченную власть, а его родственникам гарантировалась безопасность. Дадли окончательно реабилитировались после опалы его отца и брата в годы правления Марии I. Несомненно, Дадли питал к Елизавете сильные чувства, но трудно отделить его любовь и преданность Елизавете-женщине от ожиданий милости и богатства, которые он надеялся получить у Елизаветы-королевы.

Остается лишь гадать, каковы были истинные чувства и желания самой Елизаветы. Представляла ли она себя женой Роберта Дадли? В самом ли деле хотела выйти за него замуж? Была ли влюблена в него? Со всей уверенностью можно сказать, что она ему доверяла и называла его «своим единственным источником радости». В другом случае она писала, что если она захочет выйти замуж, то предпочтет его «всем принцам на свете». ²²⁹ Совершенно очевидно, что Елизавета обожала Дадли. Они вместе танцевали, охотились, обменивались шутками, понятными только им двоим, и редко разлучались надолго; именно из-за их легкости и близости друг с другом и из-за частых проявлений нежности поползли слухи о предосудительном характере их отношений. Даже Сесил признавал, что Роберт Дадли, «вследствие выдающихся умственных и телесных талантов... весьма мил королеве». ²³⁰ Елизавета же, по мнению Сесила, вместо того, чтобы опровергать подобные слухи, как будто радуется тому вниманию, какое они привлекли к ней. Не слушая тех, кто советует ей изменить поведение, она играет в опасную игру... Впрочем, на самом деле Елизавета, скорее всего, прекрасно понимала, что брак с Робертом Дадли для нее невозможен, особенно после смерти Эми Робсарт.

В январе 1561 г. сэр Генри Сидни обратился к испанскому послу и передал от имени своего зятя предложение для его повелителя: если король Филипп поддержит сватовство Дадли к Елизавете, Дадли готов повиноваться ему и «служить ему как один из его вассалов». ²³¹ Он обещал заручиться согласием королевы на то, чтобы папский нунций, аббат Мартино, приехал в Англию по приглашению Тридентского собора, XIX Вселенского собора католической церкви. ²³² Сидни был известным и в высшей степени обласканным сторонником испанцев, поэтому Дадли вполне обдуманно рассчитывал на его роль посредника. Однако Сидни, помимо всего прочего, был еще мужем Мэри Сидни, одной из наперсниц королевы. Поэтому он, по мнению многих, был лучше других осведомлен о настроениях и мыслях Елизаветы. Сэр Генри поведал де Квадре, «как сама королева склоняется к этому браку». Он признал, что у Елизаветы и Дадли «роман», но заверил посла, что «целью его является брак» и «в нем нет ничего недозволенного или такого, чего нельзя исправить властью вашего величества». Знал ли Сидни доподлинно об отношениях королевы и Дадли и о ее желании выйти за него замуж? Конечно, женитьба его зятя на королеве была в его личных интересах, поэтому он защищал Дадли от обвинений в причастности к смерти жены. Хотя Сидни говорил, что «едва ли найдется человек, который не верил бы, что там совершенно

²²⁹ *CSP Span*, 1558–1567, 313.

²³⁰ CP 154/85, см.: Haynes, *Burghley State Papers*, I, 420.

²³¹ *CSP Span*, 1558–1567, 178–80; см. также: *Coleccion de Documentos*, т. 87, 312–316.

²³² См.: Kenneth Bartlett, 'Papal Policy and the English Crown 1563–1565: The Bertano Correspondence', *The Sixteenth Century Journal* 23 (1992), 643–659.

преступление» и даже «проповедники на кафедрах говорили об этом, не щадя чести самой королевы», он «не сомневался в том, что смерть жены Дадли стала результатом несчастного случая».²³³

Когда в апреле Роберту Дадли предоставили апартаменты при дворе, примыкавшие к покоям Елизаветы, естественно, поползли новые слухи.²³⁴ «Лорд Роберт очень надеется жениться на королеве, – заметил один очевидец, – ибо она выказывает ему такую благосклонность. Он дарит ей много дорогих подарков».²³⁵

В середине апреля 1561 г. таможенники в Грейвсенде арестовали отца Джона Кокса, католического священника, и капеллана сэра Эдварда Уолдегрейва, в прошлом фаворита Марии I. Кокс собирался выехать во Фландрию. При нем нашли четки, трескун, немного денег и письма для ссыльных католиков. На допросе у Хью Даррелла, местного мирового судьи, он признался, что вместе еще с пятью священниками он служил мессу в домах сэра Эдварда Уолдегрейва, сэра Томаса Уортона и леди Кэрю. Всех священников впоследствии арестовали и посадили в тюрьму.²³⁶ В конфискованных бумагах обнаружили план заговора, целью которого было посадить на английский трон католика. Заговор основывался на пророчествах колдунов, которые одновременно являлись католическими священниками. По сведениям, полученным из анонимного источника при дворе, прорицатели «вызывали духов, дабы узнать, сколько будет править королева и что будет с верой». Елизавета, по сообщению испанского посла, была убеждена, что они «вызывали духов и вступали в сговор против нее».²³⁷

Для Сесила все это было эквивалентно очередному католическому заговору, направленному на свержение Елизаветы, и служило веским доказательством того, что католикам доверять нельзя. Сурово допросили даже леди Уолдегрейв; ее спрашивали, что ей известно о приглашении королевы на Тридентский собор; что ей известно о приезде папского нунция, который должен был передать это приглашение; что ей известно о брачных намерениях королевы и о порядке престолонаследия, «если Господь не пошлет ей потомства». Кроме того, леди Уолдегрейв спрашивали, какую помощь она и ее муж оказывали католическим священникам и где она слушала мессу.²³⁸

Через несколько недель Сесил получил убедительные доказательства того, что существовал католический заговор с целью убийства Елизаветы и восстановления «истинной веры» в Англии. Письмо о скором приезде папского нунция, найденное дома у сэра Эдварда Уолдегрейва, дало Сесилу, который боялся возвращения Англии под крыло Рима и роста влияния католической церкви, возможность заявить, что заключенные, вступив в сговор с испанским послом, замыслили государственный переворот и реставрацию католицизма в Англии. Как Сесил писал Трокмортону, «епископ Аквила [де Квадра] так ловко научился притворяться, будто совершает здесь благие дела, в первую очередь церковные, но время от времени занимается и другим; он стремился как можно быстрее достичь своей цели, дабы мне не удалось вырвать ее с корнем». Сесил намекнул на то, что время арестов было выбрано не случайно: «Когда около месяца назад я распознал влияние Рима, то счел необходимым притупить надежды папистов, раскрыв нескольких служителей мессы и наказав их, о чем вы, не сомневаюсь, уже слышали. Господь свидетель, никому из них я не желаю зла, а нака-

²³³ *CSP Span*, 1558–1567, 178–179.

²³⁴ *Ibid.*, 194.

²³⁵ *An anonymous mid-Tudor chronicle*; BL Add. MS 48023, l. 353.

²³⁶ TNA SP 12/16, l. 49–50, 59–68.

²³⁷ Lettenhove, *Relations Politiques*, II, 557. Norman L. Jones, 'Defining Superstitions: Treasonous Catholics and the Act against Witchcraft of 1563', см.: Charles Carlton et al. (comp.), *State, Sovereigns and Society in Early Modern England: Essays in Honour of A. J. Slavin* (New York, 1998), 187–203.

²³⁸ *CSP Dom Addenda*, 1547–1565, 509–510.

зываю лишь за злодеяния папистов, которые, благодаря снисходительности ее королевского величества, необычайно разрослись численно. Я нахожу, что мои действия послужили во благо».²³⁹

Сесил достиг именно той цели, какой он добивался. Тайный совет отказал во въезде в страну папскому нунцию Мартинего; переговоры об участии Англии в Тридентском соборе были немедленно прерваны, а надеждам Дадли жениться на Елизавете при поддержке испанцев не суждено было сбыться. Опубликовали и распространяли по всей стране подробный отчет о предполагаемом заговоре с целью убить королеву и восстановить католицизм.²⁴⁰ Несмотря на то что действия Сесила расстроили замысел Дадли заручиться поддержкой Испании в своем сватовстве, слухи о предстоящей свадьбе королевы и Дадли продолжали беспрепятственно циркулировать все лето. В конце июня Дадли дал в честь королевы еще один банкет и прием на реке. Когда Елизавета, Дадли и де Квадра оказались вместе на одной барке, Дадли предложил: поскольку посол также и священнослужитель, он может тут же, на месте, обвенчать их с королевой. По словам посла, «шутка зашла столь далеко, что лорд Роберт предложил ей: если она хочет, я, как лицо духовного звания, могу совершить над ними брачный обряд, а она, вместо того чтобы возмутиться, ответила, что не уверена, достаточно ли хорошо я говорю по-английски». На предложение Дадли де Квадра ответил: если Елизавета избавится от своих советников-протестантов и восстановит в правах католицизм, он с радостью обвенчает их, где и когда они пожелают.²⁴¹ В ноябре 1561 г., в попытке заткнуть рты сплетникам, Елизавета дошла до того, что переделалась камеристкой Кэтрин Кэри, племянницы Кэтрин Ноллис, чтобы посмотреть, как Дадли стреляет в Виндзоре.²⁴² Кэтрин Кэри, старшая дочь Генри Кэри, лорда Хансдона, троюродного брата королевы, была назначена камер-фрейлиной 30 января предыдущего года и вскоре стала одной из ближайших наперсниц Елизаветы. Через два года она вышла замуж за Чарлза Говарда, сына Уильяма Говарда, позже барона Говарда Эффингемского, 1-го графа Ноттингемского. Говард пользовался тем, что его отец поддерживал Елизавету перед ее восхождением на престол и стал ее верным слугой. Его отправили эмиссаром к французскому двору; он стал хранителем королевского поместья Аутлендс в Суррее. Женитьба на Кэтрин Кэри лишь укрепила его и без того прочные связи с королевой. Кэтрин и Чарлз стали настоящим оплотом елизаветинского двора, они пользовались большой любовью и поддержкой Елизаветы.

В том же месяце, когда королева любовалась стрельбой Дадли, леди Файнс де Клинтон, еще одна статс-дама Елизаветы, помогла ей тайно приехать к Дадли домой на ужин. По сведениям, полученным испанским посланником, Дадли «приехал из Гринвича в дом графа Пемброка тринадцатого; ходили слухи, что он направляется в собственный дом. Переодетая королева оказалась там на следующий день; она ужинала с ними в обществе адмирала [лорда Клинтона] и его жены».²⁴³

В то время как при дворе продолжали циркулировать слухи о совместных пирах королевы и Дадли, Кэтрин Грей, протестантка и наследница престола, безрассудно начала тайный роман с Эдвардом Сеймуром, графом Гертфордом, еще одним претендентом на английскую корону.²⁴⁴ Еще в декабре предыдущего года Кэтрин Грей не поехала на королевскую охоту, сославшись на зубную боль. Именно тогда парочка воспользовалась возможностью

²³⁹ TNA SP 70/26, l. 61–63.

²⁴⁰ *CSP Foreign*, 1561–1562, 93–95, 103–105.

²⁴¹ AGS E 815, l. 86; перевод см.: *CSP Span*, 1558–1567, 208–209.

²⁴² *CSP Foreign*, 1561–1562, 418–419.

²⁴³ *CSP Foreign*, 1560–1561, 10.

²⁴⁴ W. L. Rutton, 'Lady Katherine Grey and Edward Seymour, Earl of Hertford', *English Historical Review*, т. 13 (април 1898), 302–307. См. также: Leanda de Lisle, *The Sisters who would be Queen: The Tragedy of Mary, Katherine and Lady Jane Grey* (London, 2008).

и тайно поженилась в покоях графа.²⁴⁵ По свидетельскому показанию очевидца, Кэтрин и Гертфорд «разоблачились» и «легли в постель в той же комнате, где их обвенчали». Едва оказавшись в постели, они «вступили в тесную плотскую связь».²⁴⁶

В последующие недели, по-прежнему без ведома королевы, Гертфорд регулярно приходил в покои Кэтрин при дворе. Вскоре Кэтрин забеременела и следующие несколько месяцев скрывала от Елизаветы свой растущий живот; она продолжала прислуживать королеве во внутренних покоях. Гертфорда же в мае послали во Францию с дипломатической миссией; подразумевалось, что оттуда он отправится в Италию.

В середине августа 1561 г., когда двор совершал регулярную поездку по Восточной Англии, королева узнала о замужестве Кэтрин и ее беременности. В Ипсуиче, присутствуя на службе с королевой и другими камер-фрейлинами, Кэтрин заметила, что все «перешептываются», и поняла, что «ее положение открыто».²⁴⁷ В воскресенье вечером она поехала к Дадли домой, «у его постели» призналась в своей тайной свадьбе и беременности и умоляла его «замолвить за нее словечко перед королевой».²⁴⁸ Когда Дадли на следующее утро все рассказал Елизавете, та пришла в ужас. Эдвард Сеймур был потомком Эдуарда III, и сын, появившийся на свет от союза с ним, становился фактически наследником Елизаветы и возможным соперником. Более того, если человек, в чьих жилах текла королевская кровь, женился без позволения королевы, такой поступок приравнивался к государственной измене. Кэтрин Грей заключили под стражу и посадили в Тауэр. Во Францию отправили гонцов с требованием немедленно вернуть Гертфорда на родину.²⁴⁹ Елизавета боялась, что свадьба Кэтрин Грей и Гертфорда стала частью крупного заговора, в котором участвуют и другие ее камер-фрейлины. Ее тревога ясно заметна в письме с распоряжениями, которое она отправила 17 августа сэру Эдварду Уорнеру, коменданту Тауэра: «Вы... должны прямо спросить леди Кэтрин, кому еще было с самого начала известно о любви между графом Гертфордом и ею; и пусть знает, что снисхождения ей не будет, если она не скажет правду, не только о придворных дамах, но и о мужчинах, коим все было ведомо: ибо похоже, что в деле замешаны многие особы... Ясно, что замыслы их и цели были велики».²⁵⁰

Хотя следствие не выявило обширного заговора, королева была явно потрясена беременностью Кэтрин. Как сообщал испанский посол, Елизавета «отекала» и «начала сильно распухать».²⁵¹

В августе 1651 г. восемнадцатилетняя Мария Стюарт, потерявшая незадолго до того своего мужа, Франциска II, вернулась в Шотландию. Прожив за границей тринадцать лет, она намеревалась обосноваться в Эдинбурге.²⁵² Через несколько недель Франция, Шотландия и Англия подписали Эдинбургский договор, по которому все иностранные войска, как французские, так и английские, отводились из Шотландии. В августе шотландский парламент принял закон, по которому страна официально признавалась протестантской. Вдали от католического французского двора Мария, лишённая поддержки своей французской родни, должна была укрепить свои позиции на родине. Поэтому она смирилась с устрашающей для себя перспективой.

²⁴⁵ BL Add. MS 37749, l. 50–59; BL Add. MS 14291, l. 157.

²⁴⁶ BL Harleian MS 6286, l. 35, 53, 70, 77, 81, 89; BL Add. MS 37749, l. 40, 57, 73, 76.

²⁴⁷ BL Add. MS 37749, l. 59.

²⁴⁸ BL Harleian MS 6286, l. 37.

²⁴⁹ Lettenhove, *Relations Politiques*, т. II, 608; Wright (comp.), *Queen Elizabeth and her Times*, I, 68–69.

²⁵⁰ Haynes, *Burghley State Papers*, I, 369–370.

²⁵¹ *CSP Span*, 1558–1567, 214.

²⁵² Франциску наследовал его брат Карл, и его мать Екатерина Медичи, игравшая ведущую роль в правительстве, утратила интерес к поддержке притязаний своей овдовевшей невестки. S. Adams, 'The Lauderdale Papers 1561–1570: the Maitland of Lethington State Papers and the Leicester Correspondence', *Scottish Historical Review* 67 (1988), 28–55.

Прибыв в Шотландию, Мария выразила желание «стать добрым другом и соседом королеве Англии» и всячески подчеркивала свою солидарность с Елизаветой, такой же, как она, государыней: «Женщинам как никому другому важно жить в мире: уверяю вас, я желаю этого всем сердцем».²⁵³ Однако многие по-прежнему сомневались в истинных намерениях Марии. Томас Рандолф, английский посол в Шотландии, выразил эти страхи так: «Что же касается привязанности этой королевы [Марии] к вашему королевскому величеству, либо она действительно так несравненно велика, либо она тщательно притворяется, искуснее, чем кто бы то ни было. Что бы ни двигало Шотландией – хитрость, притворство или обман, – у шотландских женщин еще свежи воспоминания, или она может с легкостью их воскресить».²⁵⁴

В начале сентября, пока Елизавета обдумывала, как ей обезвредить Кэтрин Грей, в королевский замок Гертфорд, где тогда остановился двор, прибыл Уильям Мейтленд Летингтон, советник Марии Стюарт. Елизавета показалась Летингтону подавленной и болезненной. Он сообщал, как, «судя по всему, она «чахнет, страшно похудела и бледна, как труп».²⁵⁵ Засвидетельствовав свое почтение Елизавете и передав ей от кухни заверения в любви и доброй воле, Мейтленд сказал, что Мария просит Елизавету назначить ее своей преемницей на английском престоле. Такого Елизавета не ожидала; она надеялась, что Мейтленд подтвердит признание Марией права Елизаветы на английскую корону. Мейтленду она ответила осторожно, хотя и крайне откровенно. «Я обратила внимание на ваши слова, – сказала Елизавета, – что... в жилах вашей королевы течет кровь английских королей и что я обязана любить ее, так как по крови она мне ближе всех остальных. Не скрою, все это правда... я же со своей стороны не знаю лучшей [наследницы, чем королева Шотландии], и сама никого ей не предпочитаю...»²⁵⁶

Елизавета недвусмысленно сообщила, что предпочитает видеть своей преемницей Марию и признает ее права на престолонаследие. Как, должно быть, обрадовался Мейтленд, услышав ее слова, и как ему не терпелось доложить об успехе своей миссии Марии! Но Елизавета еще не закончила.

Во время последней аудиенции с Мейтлендом перед его отъездом Елизавета ясно дала понять, что она тем не менее ни за что не назовет Марию Стюарт своей преемницей, так как боится, что это вызовет беспорядки.

«Желание ваше беспримерно... Вы словно требуете, чтобы я добровольно рассталась с жизнью, и машете перед моим лицом саваном... Как по-вашему, нравится ли мне собственный саван? Государи не могут любить родных детей, ибо те наследуют им... Как же тогда, скажите на милость, могу я полюбить кухню, назвав ее своей преемницей?... И какая ждет нас опасность в таком случае, посудите сами! Ведь она могущественная государыня и близкая соседка; так что, назвав ее преемницей, мы тем самым ставим под сомнение наше теперешнее положение».²⁵⁷

Елизавета прекрасно знала о «непостоянстве англичан, о том, как все они не любят нынешнее правительство и с надеждой смотрят на следующего в очереди, и, естественно, мужчины более к таким расположены: plures adorant solem orientem quam occidentem [больше мужчин поклоняются восходящему, нежели закатному солнцу]». Как подданные смотрели

²⁵³ *CSP Scot*, 1547–1563, 559.

²⁵⁴ *Ibid.*, 566.

²⁵⁵ *CSP Span*, 1558–1567, 214.

²⁵⁶ См.: S. Adams, 'The Lauderdale Papers 1561–1570', 28–55.

²⁵⁷ J. H. Pollen (comp.) 'Lethington's Account of Negotiations with Elizabeth in September and October 1565', *Scottish History Society*, т. 43 (1904), 38–45.

на нее в годы правления ее сестры, так, возможно, смотрят сейчас на Марию, средоточие их надежд.²⁵⁸ Мейтленд не выполнил поручение так успешно, как он надеялся.

В виде утешения Елизавета сообщила послу, что исполнит просьбу королевы Шотландии и встретится с ней лицом к лицу.²⁵⁹ Ее обещание также осталось невыполненным; события во Франции через несколько недель вынудили Елизавету сменить курс. 1 марта 1562 г. войска Франсуа, герцога Гиза, истребили несколько сотен гугенотов во время так называемой «резни в Васси» на северо-востоке Франции. Теперь Елизавета не могла и думать о встрече с Марией Стюарт, племянницей Гиза. С тех пор в их отношениях нарастали взаимные враждебность и подозрительность.

В Англии боялись, что Гизы затеяли католический крестовый поход, который вскоре обрушится на их протестантскую страну. В то же время Елизавета узнала новость, которой она давно боялась. 24 сентября Кэтрин Грей разрешилась в Тауэре от бремени. У нее родился сын Эдвард Сеймур, виконт Бошам. По условиям завещания Генриха VIII и по английским законам теперь он стоял за матерью в линии наследования.²⁶⁰ Англия одновременно получала наследника-мужчину и протестанта. Елизавета тут же потребовала, чтобы парламент «признал Эдварда Сеймура бастардом».²⁶¹

В конце сентября сэр Николас Трокмортон из Парижа предупредил Елизавету еще об одном заговоре с целью покушения на ее жизнь. На квартиру к послу пришел некий итальянец, назвавшийся Жаном Батистом Белтраном Лионским, и сообщил, что некая «важная особа» поручила греку по имени Маниола де Корфу «совершить путешествие в Англию, дабы отравить королеву». Белтран недавно побывал в Англии, где рассказал о заговоре Дадли и Сесилу, описал внешность будущего убийцы и добавил, что де Квадре, испанскому послу, также известно о заговоре. Вернувшись во Францию, Белтран сообщил Трокмортона, что Маниола уже прибыл в Париж и готов отплыть в Англию, дабы свершить свое черное дело. Если ему назначат «хорошее вознаграждение за труды» и опасность, которой он подвергался, «раскрыв дело», Белтран обещал сопровождать Маниолу в Англию «и там задержать его и все его шкатулки со всевозможными ядами». Трокмортон заверил Белтрана, что он получит щедрую награду, если разрушит планы заговорщиков и задержит Маниолу, хотя никакой конкретной суммы он не обещал.²⁶²

Через две недели Трокмортон снова написал королеве и предупредил, что 6 октября Маниола де Корфу тайно отплыл в Англию через Дъеп. Трокмортон описал приметы убийцы: около сорока лет, с черной бородой, невысокий, но полный, со шрамом на левой стороне носа.²⁶³ Сесил приказал открыть следствие, однако с удовлетворением узнал, что тревога ложная.²⁶⁴ Тем не менее, как впоследствии сообщал де Квадра, Сесил провел «много часов», выслеживая двоих людей, описанных Белтраном; «не были бы затрачены такие усилия, по крайней мере, самим Сесилом, если бы они не восприняли происходящее всерьез».²⁶⁵

²⁵⁸ Pollen (comp.), 'Lethington's Account of Negotiations with Elizabeth', 39.

²⁵⁹ *CSP Scot*, 1547–1563, 559.

²⁶⁰ *Diary of Henry Machyn*, 267–268.

²⁶¹ Черновики писем Елизаветы, в которых она приказывает исследовать все обстоятельства брака, см.: TNA SP 12/21/76–7.

²⁶² *CSP Foreign*, 1561–1562, 330.

²⁶³ *Ibid.*, 360–361.

²⁶⁴ *CSP Span*, 1558–1567, 220.

²⁶⁵ *Ibid.*

Глава 9

Arcana Imperii (государственные тайны)

18 января 1562 г. в Уайтхолле королеве показали пьесу «Горбодук, или Феррекс и Поррекс», написанную Томасом Нортонем и Томасом Секвиллем, двумя юристами из «Внутреннего темпла». Название пьесы связано с именем легендарного британского короля, который недалековидно разделил страну между сыновьями. Авторы пьесы, написавшие о том, к какой катастрофе ведет нерешенный вопрос с престолонаследием, надеялись побудить королеву скорее выйти замуж и произвести на свет наследника.²⁶⁶ В «Горбодуке» не только доказывали необходимость и важность брака, но и советовали королеве выйти за Роберта Дадли, а не за Эрика XIV, короля Швеции.²⁶⁷

Англо-шведский брак, за который рьяно ратовал Эрик и его послы с первых дней правления Елизаветы, все больше нравился противникам Дадли. После внезапной смерти Эми Робсарт и сомнительных попыток Дадли заручиться поддержкой Испании и папы в сватовстве к королеве число сторонников «шведской партии» неуклонно росло. В июле 1561 г. в Лондон начали прибывать свадебные подарки, а когда в Англию прибыл посол Эрика, шведский канцлер Нильс Гёранссон Гюлленстирна, чтобы обговорить условия, его ждал великолепный официальный прием.²⁶⁸

Вначале Елизавета отвечала шведам отказом, но, когда до Англии дошли слухи о том, что Эрик XIV намеревается сделать предложение Марии Стюарт, Елизавета отнеслась к сватовству Эрика более благосклонно.²⁶⁹ По прибытии в Англию Гюлленстирне было поручено первым делом навести справки о нравственности и целомудрии Елизаветы. «Я не увидел никаких признаков нескромной жизни, – сообщал посол, – зато заметил много признаков целомудрия, девственности, истинной скромности, поэтому готов поручиться жизнью, что она непорочна».²⁷⁰ Посол уверял, что короля Швеции ждут в Англии «со дня на день» и при дворе идут приготовления к его встрече.²⁷¹ Эрик отплыл из Швеции в ноябре, но вскоре вынужден был повернуть назад из-за плохой погоды.²⁷² Приезд пришлось отложить до следующей весны.

Хотя в последующие несколько месяцев шведский посол продолжал отстаивать интересы своего государя, Дадли и его сторонники объединили усилия против соперника. Представление «Горбадука» призвано было подчеркнуть их правоту.²⁷³ Как объяснил один из зрителей, бывший на премьерке, пьеса, и особенно входившая в нее пантомима, в которой королю предлагали обычный бокал вина, от которого он отказывался, а затем золотой кубок, который он принимал, показывала, как «мужчины отвергают уверенность и принимают неуве-

²⁶⁶ Greg Walker, *The Politics of Performance in Early Renaissance Drama* (New York, 1998), 203.

²⁶⁷ См.: Thomas Norton, Thomas Sackville, *Gorboduc or The Tragedy of Ferrex and Porrex* (Menston, 1968); Nichols (comp.), *The Diary of Henry Machyn*, 275; см.: N. Jones and P. W. White, 'Gorboduc and Royal Marriages' // *English Literary Renaissance*, т. 26 (1971), 3–16. См. также: Henry James, Greg Walker, 'The Politics of Gorboduc', *The English Historical Review* 110 (february 1995), 109–121.

²⁶⁸ Haynes, *Burghley State Papers*, 368.

²⁶⁹ *CSP Foreign*, 1561–1562, 122, 129.

²⁷⁰ *Anglia Legaten N. Gyldenstenstiernas Bref. Till Kongl. Maj.* 1561–1562, 18, цит. по: Chamberlin, *Private Character of Queen Elizabeth*, 264.

²⁷¹ BL Add. MS 48018, l. 284v; BL Add. MS 35830, l. 14v; Haynes, *Burghley State Papers*, 3, 70–72; *CSP Foreign*, 1561–1562, 159, 293, 300, 327; *CSP Span*, 1558–1567, 211–215.

²⁷² TNA SP 70/32, l. 62; TNA SP 70/33, l. 7v; BL Add. MS 48023, l. 357v – 358; BL Add. MS 48018, l. 284v; BL Add. MS 35830, l. 14v; *CSP Foreign*, 1561–1562, 158–191, 292–293; *CSP Span*, 1558–1567, 211–212, 212–215.

²⁷³ BL Add. MS 48023, l. 258.

ренность», что означало: «Для королевы лучше выйти за л[орда] Р[оберта]... чем за к[ороля] Швеции».²⁷⁴

В марте 1562 г. Эрик так и не приехал, и, считая, что брак между ними все менее вероятен из-за того, что «королева такое значение придает л[орду] [Роберту]», Гюлленстирна приготовился к отъезду на родину. Хотя Елизавета пыталась задержать посла, боясь, что от нее он отправится напрямиком к Марии Стюарт, в начале апреля 1562 г. Гюлленстирна наконец покинул Англию.²⁷⁵

Успешно устранив шведского соперника, Дадли вновь преисполнился надеждой в конце концов получить руку королевы.²⁷⁶ Елизавета сказала де Квадре, что она свободна от каких-либо брачных обязательств, «несмотря на то что, возможно, думают и говорят во всем мире», но «она считает, что не сумеет найти человека достойнее лорда Роберта», если ее обяжут выйти замуж за англичанина. Де Квадра в шутку посоветовал ей «не мешкать более, а скорее удовлетворить лорда Роберта».²⁷⁷

Но 28 апреля Боргезе Вентурини, секретарь де Квадры, сделал заявление, которое изменило все. Он рассказал о тайных сношениях де Квадры с Дадли, о связях посла с английскими католиками и о сделанных им нелестных замечаниях по поводу вольностей, которые Елизавета позволяет себе со своим фаворитом.²⁷⁸ Сесил наконец получил то, за чем давно охотился. Он уже некоторое время подкупал Вентурини, чтобы тот шпионил за послом, в надежде узнать что-нибудь, способное дискредитировать де Квадру в глазах королевы и положить конец его переговорам с Дадли о браке и реставрации католицизма.²⁷⁹ По словам Вентурини, де Квадра даже предполагал, что «королева тайно повенчана с лордом Робертом», и написал сонет, «полный бесчестья по отношению к королеве и лорду Роберту».²⁸⁰

Сесил немедленно вызвал к себе испанского посла и обвинил его, среди прочего, в том, что он превратил Дарем-Хаус, свою резиденцию, в очаг католического заговора против короны. Де Квадра писал о «катастрофе», которая случилась в его доме, и о том, как Вентурини, «подкупленный министрами королевы», «взвалил на меня более, чем имел на то право».²⁸¹ В ответ на обвинения, что он написал Филиппу Испанскому о якобы имевшей место тайной свадьбе королевы и лорда Роберта в доме графа Пемброка, де Квадра напомнил слова самой Елизаветы: «В тот день, когда она вернулась из дома графа вместе с лордом Робертом, ее камер-фрейлины спрашивали, надо ли им целовать ему руку так же, как и ей; на что она ответила, что не надо и чтобы они не верили всему, что говорят». Через два или три дня, по словам посла, Дадли признавался, что королева обещала ему выйти за него замуж.

До тех пор Елизавета и Дадли считали, что де Квадра сочувствует их связи, но теперь узнали, что он передавал сплетни, порочившие их обоих, и советовал Филиппу II воздержаться от поддержки их брака из страха оттолкнуть от себя английских католиков.

Посол отрицал свою двуличность, но ему никто уже больше не верил.²⁸²

Отчаянно желая спасти свою государыню от скандального брака с Дадли, две ее статс-дамы, Кэт Эшли и Дороти Брэдбелт, взяли дело в свои руки. Они надеялись, что им все же удастся устроить брак Елизаветы с королем Швеции. Для этого нужно было все же уговорить

²⁷⁴ Ibid., l. 359v.

²⁷⁵ A. Teulet, *Relations Politiques de la France et de l'Espagne avec l'Ecosse au XVIe Siecle*, in 3 vol. (Paris, 1862), ii, 175–176; AGS 815, l. 132, частичный перевод см.: *CSP Span*, 1558–1567, 233.

²⁷⁶ TNA SP 70–27, l. 66; *CSP Foreign*, 1561–1562, 424.

²⁷⁷ *CSP Span*, 1558–1567, 225.

²⁷⁸ AGS E 815, l. 160, 222, перевод см.: *CSP Span*, 1558–1567, 241.

²⁷⁹ *CSP Foreign*, 1562, 68, 83; см. также: *CSP Span*, 1558–1567, 244.

²⁸⁰ *CSP Foreign*, 1562, 68–69.

²⁸¹ *CSP Span*, 1558–1567, 244.

²⁸² AGS E 815, l. 183, 218, 224, перевод см.: *CSP Span*, 1558–1567, 234, 241–242, 244–245, 247–249.

Эрика наконец приехать в Англию.²⁸³ Хотя о Дороти Брэдбелт известно, что она служила во внутренних покоях, а в дипломатической переписке венецианского посла в 60-х гг. XVI в. утверждалось, что она «часто» «делила постель с королевой», сведений о ней крайне мало.²⁸⁴ Она не была аристократкой; нет никаких доказательств, что она служила при дворе до воцарения Елизаветы. И все же, как показывает ее участие в «шведской партии», Дороти была решительной женщиной, готовой на все ради того, чтобы защитить честь своей королевы.

22 июля Дороти вместе с Кэт Эшли написала канцлеру шведского короля, Гюлленстирне, и намекнули, что сватовство короля может закончиться успешно, если он лично приедет в Англию.²⁸⁵ Некие Джон Кайл и Джеймс Голдборн, бывший слуга Эшли, также написали своим друзьям в Швецию, они подчеркивали все преимущества брака шведского короля и Елизаветы. Они надеялись выгадать от союза с богатым шведским королем.²⁸⁶ Не впервые Эшли действовала на свой страх и риск, беря сторону «шведской партии». Так, она заранее вела переговоры с Джоном Даймоком, лондонским торговцем драгоценностями, который собирался отплыть ко двору шведского короля и торговать там драгоценными камнями.

В июле 1565 г., перед самым отъездом, Даймок пришел в Уайтхолл к Кэт Эшли и спросил, верно ли, что Елизавета выходит за Роберта Дадли. Кэт «торжественно объявила, что королева свободна от каких-либо обязательств и что она не выйдет за лорда Роберта». Дабы придать своим словам дополнительный вес, Кэт и ее муж Джон, хранитель драгоценностей короны, задумали еще один план, чтобы убедить шведского короля в благосклонности к нему королевы, на сей раз при участии Даймока. Елизавета заинтересовалась большим рубином, который показывал ей ювелир, однако заявила, что такой камень ей не по карману. По совету Джона Эшли Даймок предложил королеве показать тот же камень Эрику и проверить, купит ли он его для нее в знак своей привязанности. Елизавета только рассмеялась и сказала: «Если даже они понравятся друг другу, все будут говорить: смотрите, щедрый король женился на скаредной принцессе...»

Даймок предложил Елизавете, чтобы она, в знак своей благосклонности, послала Эрику кольцо со своего пальца. Елизавета не отдала кольцо, но согласилась послать другие, не такие интимные подарки, в том числе пару черных бархатных перчаток, «красивого английского мастифа» и французский перевод книги Кастильоне II Cortegiano («Придворный»). Эрик в ответ прислал Елизавете два драгоценных камня и свой портрет. Казалось, замысел камер-фрейлин увенчается успехом: обе стороны проявили интерес к «шведской партии». В благодарность за поддержку и в знак признательности Эрик подарил Кэт Эшли две соболиные шкурки, «на серебряной подкладке и надушенные».²⁸⁷ Воодушевившись, Кэт написала шведскому канцлеру, призывая того уговорить короля приехать в Англию.

4 августа Сесил перехватил эти письма и распорядился немедленно учинить следствие. Узнав о тайной переписке, Елизавета пришла в ярость и поспешила сообщить Гюлленстирне, что его осведомительницы – «жалкие обманщицы», которым не стоит верить. Елизавета приказала Кэт Эшли «оставаться под домашним арестом», а Дороти Брэдбелт передала Сесилу.²⁸⁸ Елизавета отличалась повышенной чувствительностью к любому вмешательству в то, что она называла *arcana imperii* – государственные тайны, – особенно со стороны ближайших к ней женщин.

²⁸³ *CSP Span*, 1558–1567, 111–115.

²⁸⁴ *CSP Rome*, 1558–1571, 105.

²⁸⁵ TNA SP 70/39, l. 119; *CSP Foreign*, 1562, 173; *CSP Span*, 1558–1567, 217–224.

²⁸⁶ TNA SP 70/39, l. 118r–119, 175–176; BL Add MS 48023, l. 366r; *CSP Foreign*, 1562, 216–217.

²⁸⁷ *CSP Foreign*, 1562, 214–217.

²⁸⁸ *APC*, 1558–1570, 123; Lettenhove, *Relations Politiques*, III, 108. Участников допросили: TNA SP 70/40, l. 62–88, 124.

Новость о скандале при дворе и аресте двух наперсниц Елизаветы быстро распространилась за границей. В бюллетене, изданном в Лувене, где находили пристанище беглые английские священники, сообщалось, что «недавно были скомпрометированы при лондонском дворе мужчины и женщины, которые в прошлом пользовались благосклонностью королевы, среди них миссис Эшли, которая обладала таким влиянием на королеву, что казалось, будто она покровительница всей Англии».²⁸⁹ Однако меньше чем через месяц, к изумлению многих как в Англии, так и за ее пределами, обе женщины вернулись на свои прежние места. Возможно, Елизавета не хотела терять своих наперсниц и потому простила их. А может быть, она просто использовала камер-фрейлин в своих политических целях? Елизавета явно не собиралась выходить замуж в Швецию, но ей не хотелось, чтобы в Европе злословили о ее связи с Дадли. Поэтому поощрение «шведской партии» шло ей на пользу. В пользу последней версии говорит то, что Эшли и Брэдбелт так быстро вернулись к королеве. Переписка была средством, с помощью которого Елизавета проверяла, как ее подданные и иностранные государи относятся к ее возможному браку. Впоследствии она со спокойной душой могла обвинить во всем своих приближенных в том случае, если бы мысль о браке не нашла повсеместного одобрения. Елизавета в очередной раз воспользовалась своими камер-фрейлинами, которые вели дело от ее имени, сама же королева оставалась в стороне, оберегая свое положение и свою репутацию.

²⁸⁹ *CSP Rome*, 1558–1571, 105.

Глава 10

Оспа

В начале правления Елизавета регулярно посещала дворец Хэмптон-Корт, построенный на берегу Темзы. Дворец являл собой поистине величественный вид: кирпичи, окрашенные в красный цвет, три яруса решетчатых окон, ухоженный парк, преобразованный по приказу Генриха VIII в тот год, когда родилась Елизавета, и позолоченные флюгеры, которые держали золотые звери, высоко над башенками и куполами на уровне крыши.²⁹⁰ Внутри дворец на восемьсот комнат был столь же величественным. Все стены украшали великолепно раскрашенные гобелены; потолки и полы во всех помещениях внутренних покоев были вызолочены и расписаны по-своему.²⁹¹

Привилегированные гости поражались при виде роскоши самого внушительного помещения дворца – приемного зала королевы, знаменитого Райского зала, где Елизавета, сидя на троне, обитом коричневым бархатом, вышитым золотыми нитями и украшенным бриллиантами, давала аудиенции, принимала иностранных послов и проводила публичные церемонии. Над тронном висел балдахин, изготовленный для Генриха VIII, расшитый королевскими гербами, окруженными эмблемой ордена Подвязки; герб украшали крупные жемчужины и бриллиант. Рядом стоял стол, накрытый скатертью, «расшитой сплошь жемчугом», а на нем – отделанные драгоценными камнями водяные часы, зеркало, украшенное жемчугом, и шахматы из алебаstra. Рядом помещалась библиотека, в которой, помимо многочисленных книг, хранились всевозможные диковинки, в том числе перламутровая шкатулка, трость, «сделанная из рога единорога» и кубок из лосиного рога; считалось, что он разобьется, если в кубок подсыпят яд. Еще в одной комнате стояла кровать, которую Генрих VIII брал с собой на осаду Булони в последние годы своего правления, и кровать, в которой Джейн Сеймур родила Эдуарда VI.

Как заметил один гость-итальянец, дворец также «изобиловал всевозможными удобствами». По свинцовым трубам общей протяженностью 3 мили во дворец доставлялась свежая вода для купания и приготовления пищи. В ванной Елизаветы имелась изразцовая печь, которую топили так называемым «морским углем» (его привозили с каменноугольных месторождений, расположенных у морского побережья). Скорее всего, с помощью печи создавали пар наподобие турецкой бани.²⁹²

В начале октября 1562 г., находясь в Хэмптон-Корте, королева почувствовала недомогание и решила принять ванну перед тем, как отправиться на укрепляющую прогулку в парк. Через день или два у нее поднялась температура и закружилась голова, начался озноб. 15 октября она вынуждена была поспешно прервать письмо к Марии Стюарт словами: «Жар, от которого я страдаю, не дает мне далее писать».²⁹³ Немедленно послали за доктором Беркотом, в высшей степени уважаемым врачом, выходцем из Германии. Он диагностировал оспу.²⁹⁴

Ужасные симптомы оспы описал юрист, переводчик и врач Томас Фэр, чей «Распорядок жизни» (1544) стал одним из самых популярных читаемых медицинских трактатов того времени: «Признаками служат зуд и раздражение кожи, как будто ужаленной крапивой,

²⁹⁰ См.: Simon Surley, *Hampton Court, A Social and Architectural History* (London, 2003).

²⁹¹ 'Diary of the Journey of the Duke of Stettin-Pomerania', 1–67; *Paul Hentzner's Travels in England*, 56–57.

²⁹² *The Diary of Baron Waldstein*, 152.

²⁹³ *CSP Scot*, 1547–1563, 659–660.

²⁹⁴ F. E. Halliday, 'Queen Elizabeth I and Doctor Burcot', *History Today*, 5 (1955), 542–545.

головная боль и боль в спине и т. д.; иногда все члены покрываются струпьями или язвами, которые проходят стадии пятна, папулы, пузырька, пустулы, уродующих тело, а также сильные боли в области лица и глотки, сухость языка, охриплость голоса и, у некоторых, дрожание сердца от высыпаний».²⁹⁵

Так как у королевы большинства симптомов не наблюдалось, сначала она отказалась верить диагнозу Беркота и потребовала, чтобы «этого мошенника» убрали с глаз ее долой. Несомненно, Елизавета очень испугалась оспы, болезни, после которой выживали немногие. У выживших же часто оказывалось изуродованным лицо. Какая ужасная перспектива для ее тщеславия! Несколько фрейлин переболели оспой за несколько недель до королевы, а Маргарет Сент-Джон, графиню Бедфорд, двадцати девяти лет, ровесницу королевы и мать семерых детей, оспа свела в могилу.

На следующий день состояние Елизаветы ухудшилось. В письме герцогине де Парма де Квадра писал, что «королева заболела лихорадкой в Кингстоне и теперь болезнь перешла в оспу. Сыпь не может прорваться, поэтому ее жизнь в большой опасности. В полночь спешно отправили в Лондон за Сесилом. Если королева умрет, это произойдет очень скоро, самое большее через несколько дней, и теперь здесь только и разговоров о том, кто станет ее преемником».²⁹⁶

Прошло четыре дня; высыпаний по-прежнему не было, но жар усилился, и королева впала в кому. Елизавета была на грани жизни и смерти; судьба Англии целиком зависела от исхода ее болезни. Когда распространилась весть о том, что у королевы оспа, вся страна затаила дыхание. Впервые с начала правления Елизаветы ее советники испугались. Она бредила, не приходила в сознание. Члены Тайного совета собрались на срочное совещание, чтобы избрать преемника.²⁹⁷ «В тот день во дворце царило великое волнение, – сообщал де Квадра, – и, если бы ей вскоре не стало лучше, многие тайные мысли стали бы явными». Тайный совет дважды обсуждал вопрос о престолонаследии, однако им не удалось прийти к согласию. Одни «желали следовать завещанию короля Генриха и провозгласить наследницей леди Кэтрин Грей»; другие поддерживали притязания Стюартов, в частности Марии Стюарт. Роберт Дадли, среди прочих, как говорили, был «резко против» Кэтрин Грей и встал на сторону Генри Гастингса, 3-го графа Хантингдона, видного протестанта и потомка Эдуарда III, к тому же мужа Кэтрин Дадли, младшей сестры Роберта Дадли.²⁹⁸ Обсуждение затянулось далеко за полночь, но ни к какому решению так и не пришли.

Полагая, что конец близок, советники Елизаветы встревоженно толпились вокруг ее постели. Через несколько часов она пришла в сознание и на случай своей смерти просила их назначить лорда Роберта Дадли протектором с доходом 20 тысяч фунтов в год. По словам одного очевидца, при виде их замешательства «королева объявила, что, хотя она любит и всегда любила лорда Роберта, Господь свидетель в том, что между ними никогда не было ничего недостойного». Кроме того, она повелела назначить Тэмуорту, конюху, подчиненному Дадли, пенсию в размере 500 фунтов в год.²⁹⁹ Может быть, Елизавета наградила Тэмуорта за осмотрительность, за то, что он держал язык за зубами и никому не рассказывал об отношениях его хозяина и королевы?

Двух конных гонцов срочно послали за врачом; доктор Беркот вернулся ко двору. Еще досадуя на королеву, он в сердцах бросил посыльным: «Что за бедствие! Если она больна,

²⁹⁵ *The regiment of life: wherunto is added a treatise of the pestilence, with the boke of children / newly corrected and enlarged by T. Phayre, ed. and transl. by Jehan Goeurot (London, 1550).*

²⁹⁶ *CSP Span, 1558–1567, 262.*

²⁹⁷ *Ibid.*

²⁹⁸ *Ibid.*, 263.

²⁹⁹ *CSP Span, 1558–1567, 263.*

дайте ей умереть! Назвать меня мошенником за мою доброту!» Один из посыльных пригрозил убить доктора, если тот не поедет с ними и не сделает все возможное для спасения королевы. Вынужденный подчиниться, Беркот сел на лошадь и галопом поскакал назад, в Хэмптон-Корт, где его привели к постели Елизаветы. Он чуть не опоздал. В ночь на 16 октября «придворные горевали по ней, как если бы она уже умерла». Затем, вскоре после полуночи, на руках королевы выступили первые красноватые пятнышки. Заметив их, Елизавета испуганно спросила у Беркота, что это такое. «Это оспа», – ответил он, на что Елизавета просто-напросто: «Божье наказание! Что лучше – рубцы на руках и лице или смерть?»³⁰⁰

Елизавету лечили по старинному японскому способу, который проник в Европу в начале XII в. Он назывался «лечение красным». Больного заворачивали в красную материю, так как считалось, что красный цвет предотвращает образование рубцов. Елизавету закутали в ткань алого цвета, оставив свободными лишь лицо и одну руку, и уложили на тюфяк у камина в спальне.³⁰¹ Затем Беркот поднес к ее губам флакон и велел ей выпить, сколько она сможет. Она ответила, что ей «очень неудобно». Шли часы; первые пятнышки сменились папулами, пузырьками, а затем пустулами, которые высыхали и превращались в струпья или корочки.

Послы срочно передавали новости из королевской опочивальни. Мартин Кьернберк, шведский посланник, сообщал Нильсу Гюлленстирне: «Наша королева заболела оспой, и перед тем, как у нее появились высыпания, ее жизнь была в большой опасности, так что Тайный совет постоянно совещался в течение трех дней; на третий день ей стало немного лучше, но у нее еще сильный жар, так еще не весь яд вышел из организма и находится под кожей».³⁰²

У постели Елизаветы дежурила верная Мэри Сидни. Родив 27 октября 1561 г. своего четвертого ребенка, дочь, леди Сидни вернулась на службу во внутренние покои королевы. После того как Елизавета опасно заболела, она самоотверженно служила ей. Ухаживая за королевой в разгар болезни, Мэри Сидни сильно рисковала заразиться сама. Больные оспой оставались заразными примерно три недели, с первых проявлений болезни до тех пор, когда засыхал последний струп. Вирус передавался через одеяла и постельное белье или одежду, но чаще по воздуху. Побывав в тесном контакте с королевой, Мэри Сидни действительно заразилась оспой, и, хотя она выжила, ее лицо осталось обезображенным. Как позже писал ее муж, сэр Генри Сидни, «уезжая в Ньюхейвен [Гавр], я оставил ее прекрасной дамой – во всяком случае, мне она казалась самой красивой. Вернувшись, я застал ее уродливой. Ее обезобразила оспа, которой она заразилась, постоянно ухаживая за драгоценнейшей особой ее величества, страдавшей той же болезнью, шрамы от которой, к ее крайнему недовольству, с тех пор остаются у нее на лице».³⁰³

Леди Сидни заразилась особенно опасной разновидностью вируса и вынуждена была удалиться от двора и поправлять здоровье в Пенсхерст-Плейс. Филип, ее старший сын, которому тогда было почти восемь лет, также заразился оспой и всю оставшуюся жизнь ходил с оспинами на лице, на что иногда горько сетовал. Леди Сидни почти не утешило то, что

³⁰⁰ Ibid., 262.

³⁰¹ Врач Джон Гаддесден, автор раннеанглийского медицинского трактата *Rosa Anglica*, описал этот способ лечения в начале XIV в. Необходимо было «взять красную ткань, полностью завернуть в нее больного, как поступил я с сыном благороднейшего короля Англии [Эдуарда II], когда он страдал этой болезнью. Я приказал также застелить его постель красным, и средство возымело действие. В конце концов от его оспы не осталось и следа». John of Gaddesden, *Rosa Anglica*, Winifred Wulff (col. and transl) (London, 1929).

³⁰² Chamberlin, *The Private Character of Queen Elizabeth*, 52.

³⁰³ TNA SP 12/159, l. 1, см.: ‘Sir Henry Sidney’s “Memoir” to Sir Francis Walsingham, 1 March 1583’, *Ulster Journal of Archaeology*, 3 (1855), 33–52.

ее маленькие дочери, Елизавета и Мария, которым тогда было один и два года, избежали болезни.³⁰⁴

Постепенно состояние королевы улучшалось, хотя, пока она выздоравливала, в опочивальню допускались только камер-фрейлины и Роберт Дадли. В письме шотландскому Государственному секретарю Уильяму Мейтленду Дадли упоминает спор о престолонаследии, возникший вследствие болезни королевы: «Господь всемогущий сохранил для нас настоящее, ибо ее величество благополучно избавились от опасности; я еще не видел, чтобы болезнь так быстро от кого-либо отступала. Однако отчаяние из-за болезни ее величества было велико, и, поскольку болезнь поразила ее столь внезапно, тем в большее замешательство пришла вся страна, учитывая положение, ибо эта маленькая буря потрясла все дерево, с сильными и слабыми ветвями. Отдельные сгнившие ветви так тряслись, что вскоре отпали. Пусть эта тяжелая болезнь да послужит хорошим уроком, и, поскольку ей не нанесен телесный ущерб, не сомневаюсь, во всех иных отношениях все будет хорошо. Как вам известно, редко принцы бывают затронуты таким образом, и такие воспоминания необходимы в Его взгляде, который управляет всем...»³⁰⁵

Елизавете необычайно повезло: в ноябре, когда в Европе вспыхнула эпидемия, от оспы умерла Сибилла Пенн, бывшая няня Эдуарда VI, а вместе с ней погибли еще несколько тысяч англичан. Доктор Беркот, который выходил королеву в трудный час, канул в безвестность, но в знак благодарности королева приказала выделить ему участок земли и подарила пару золотых шпор, принадлежавших ее отцу, Генриху VIII. Затем Елизавета «пожелала, чтобы ей более не напоминали о ее болезни».³⁰⁶

Когда Елизавета узнала, что во время экстренных заседаний протестанты из Тайного совета обращали свои взоры к Генри Гастингсу, графу Хантингдону, предлагая назначить его наследником престола, она сделала Кэтрин Гастингс, графине Хантингдон (в девичестве Дадли), «едкое замечание».³⁰⁷ Хотя графиня в конце правления Елизаветы станет близкой наперсницей королевы, в первые годы королевская кровь графа, несомненно, породила «ревнивое зазнайство» в нем и его жене. Хотя леди Мэри Сидни доказала свою верность, ухаживая за Елизаветой, пока та болела оспой, ее сестре, графине, удалось вызвать недовольство королевы. Елизавете показалось, что у графа Хантингдона и его жены имеются некие претензии на престол. Елизавета публично высмеивала графиню при дворе и не спешила назначать графа на сколько-нибудь важную должность. Их отношения не улучшались вплоть до начала 70-х гг. XVI в., когда Елизавета все же оценила непоколебимую преданность Хантингдонов.

В одной из многих написанных Елизаветой молитв она упоминает время своей болезни и страха: «Желая предупредить меня или справедливо наказывая, Ты в милости Своей поразил меня опаснейшим недугом, едва не стоившим мне жизни. И душу мою Ты поразил многими муками; и помимо меня испытал Ты всех англичан, чьи мир и покой зависят от моего здоровья как Твоей служанки, которая ближе всех к Тебе, не придавая значения грозившей мне опасности, Ты оставил подданных моих в изумлении».³⁰⁸

Считалось, что жизнь Елизавете спасли Божественное вмешательство и ее характер. По случаю выздоровления королевы отчеканили памятные золотые медали. На аверсе лицо королевы изображено без каких-либо следов болезни; на реверсе – бросающая змею в огонь.

³⁰⁴ См.: М. Brennan, *The Sidneys of Penshurst and the Monarchy, 1500–1700* (Aldershot, 2006).

³⁰⁵ Цит. по: Simon Adams, 'Queen Elizabeth's eyes at Court: the Earl of Leicester' // *Leicester and the Court: Essays on Elizabethan Politics* (Manchester, 2002), 137.

³⁰⁶ См.: Halliday, 'Queen Elizabeth I and Doctor Burcot', 545.

³⁰⁷ BL Harleian MS 787, l. 16.

³⁰⁸ *Elizabeth I: Collected Works*, 139–141.

Это отсылка к библейскому святому Павлу, укушенному змеей, после чего он также остался невредим (Деян., 28: 1–6): «Если Бог с нами, кто может быть против нас».³⁰⁹

Выздоровление королевы от оспы было воспринято как знак Божьей милости, как и ее якобы не обезображенное оспой лицо. Но похоже, что невредимое лицо Елизаветы было необходимым вымыслом. 27 октября де Квадра написал герцогине Пармской, что «королева встала из постели и лечит только отметины на лице, дабы избежать обезображивания», а в письме к Филиппу II в феврале следующего года он упомянул о том, как Елизавета уверяла своих советников, что у нее нет морщин, зато есть следы от оспы.³¹⁰ Однако в последующие годы был принят официальный рассказ о безупречной красоте Елизаветы и ее несравненном цвете лица; ее белую кожу воспевали в стихах, пьесах и изображали на всех парадных портретах. Елизавета понимала, насколько красота увеличивает ее власть. Королева должна была оставаться красивой и молодожавой, невзирая на шрамы от оспы и влияние времени. Легенда ограждала королеву и от обвинений в прелюбодеянии, ведь следы от оспы часто путали со следами от сифилиса, в котором видели результат половой распущенности.

Возможно, именно из-за нежелания признать, что и ее лицо отмечено шрамами, Елизавета испытывала неприязнь к тем, чьи лица были обезображены оспой. Вместо того чтобы выказать сочувствие Мэри Сидни, которая ухаживала за ней, пока она болела, и в результате заразилась сама, Елизавета относилась к леди Сидни с презрением. Позже королева не скрывала своего отвращения к перспективе брака с герцогом Алансонским, также переболевшим оспой и, как и Мэри Сидни, обезображенным болезнью.

После того как королева выздоровела, Рождество и Новый год праздновали особенно весело и пышно. Каждый год в Уайтхолле двенадцать дней Рождества проводили в пирах и праздниках. Помимо банкетов и особых развлечений, в день Нового года по традиции королеве дарили подарки.

В том же 1563 году Кэт Эшли, попавшая в опалу из-за поддержки «шведской партии», подарила королеве дюжину носовых платков, расшитых золотой и серебряной тесьмой. Елизавета в ответ послала ей две позолоченные чашки, а также позолоченные солонку, ложку и перчатки. Подарки свидетельствовали о том, что королева по-прежнему привязана к своей воспитательнице. Дороти Брэдбелт, также впавшая в немилость, подарила Елизавете пару батистовых рукавов.³¹¹ Кэтрин Ноллис не было в Уайтхолле на праздниках; судя по портрету, в то время она находилась на поздних сроках беременности.³¹² Ее сын Дадли, последний из четырнадцати детей Кэтрин, родился 9 мая 1562 г., но через несколько недель умер. Кэтрин предстояло еще вернуться ко двору. Несмотря на траур, она послала королеве в качестве новогоднего подарка красивый ковер с золотой бахромой.³¹³ Обмен подарками происходил публично; относительно подарков для королевы существовали четкие указания в зависимости от ранга, статуса и пола дарителя. Герцог, маркиз, епископ или граф могли дарить цветной шелковый кошелек, в котором лежало 20–30 фунтов в золотых монетах, в то время как от архиепископа ждали 40 фунтов. Взамен королева дарила им серебряную позолоченную пластинку соответствующего веса. Фрейлины и придворные низшего ранга также

³⁰⁹ См.: Edward Hawkins, Augustus W. Franks, Herbert A. Grueber, *Medallic Illustrations of the History of Great Britain and Ireland to the death of George II*, in 2 vol. (London, 1885), I, 116, № 48. Хокинс датирует медаль 1572 г. Старки и Доран в каталоге датируют ее 1562 г., после первой и самой важной вспышки оспы у Елизаветы, что представляется наиболее вероятным. См.: Susan Doran (comp.), *Elizabeth: The Exhibition at the National Maritime Museum* (London, 2003), 85; W. K. Clay (comp.), *Liturgies and Occasional Forms of Prayer set forth in the Reign of Queen Elizabeth* (Cambridge, 1847), 516–518.

³¹⁰ *CSP Span*, 1558–1567, 262–263; F. Chamberlin, *The Sayings of Elizabeth* (New York, 1923), 52, 54.

³¹¹ TNA C 47/3/38.

³¹² P. Croft and K. Hearn, 'Only Matrimony maketh children to be certain... Two Elizabethan pregnancy portraits', *British Art Journal*, 3 (2002), 18–24.

³¹³ TNA C 47/3/38.

дарили подарки.³¹⁴ Все полученные и подаренные подарки и пластинки заносились в особые списки, которые скреплялись королевской подписью; многие списки сохранились. Деньги передавались кому-либо из придворных высшего ранга; после того как королева осматривала другие подарки и одобряла их, их забирали камер-фрейлины. Особой популярностью пользовались роскошные рукава, которые привязывались к запястьям, красиво переплетенные книги, носовые платки, плоеные воротники и сумочки, наполненные ароматическими травами. Кроме того, дарили и сладости. Среди подарков, перечисленных в списках, значатся имбирные конфеты, марципановые фигурки, «пирог из айвы» и два «горшочка с вареньями». Дамы Елизаветы проявляли изобретательность в выборе подарка, ведь они лучше других знали, что королева любит и что ей нужно. Одни дарили дорогие ткани или белье, другие – пуговицы, пряжки, драгоценные камни или золотые кисти, которые потом пришивались к одежде. Елизавета славилась тем, что без конца теряла вещи или клала их не на место; фрейлин то и дело посылали искать пропавшие перчатки, кошелек, перо, украшенное драгоценными камнями, веер или другие украшения с одежды. Все потери должным образом отмечались Бланш Парри, хранительницей королевских драгоценностей; в одной сделанной ею записи значится: «Потеряно, со спины ее величества, 17 января [1568 г.] в Вестминстере: один золотой наконечник шнура, покрытый эмалью, с темно-красного платья... из наконечников двух видов потерян тот, что больше».³¹⁵

В начале января 1563 г. королева и двор переехали в Виндзор, так как в Лондоне вспыхнула эпидемия бубонной чумы, унесшая много сотен жизней.³¹⁶ Прибегли к строгим мерам предосторожности. Запрещалось перевозить по Темзе в Лондон или из Лондона дрова и другие товары; уличенных в этом вешали без суда и следствия. Жителей Виндзора, получивших товары из Лондона, выселяли из домов, а их дома запирали.³¹⁷ Дополнительные меры предпринимались для безопасности королевы. При дворе объявили карантин; к королеве почти никого не допускали. Иностранцев послов она принимала лишь через сорок дней после их прибытия в Англию. Анонимный хроникер Тюдоров писал о «великих стенаниях» во время болезни королевы и язвительно добавлял: «Ни один человек с уверенностью не знает, кто преемник; все спрашивают, кто чью сторону займет».³¹⁸

³¹⁴ См.: E. K. Chambers, *The Elizabethan Stage*, in 4 vol. (Oxford, 1923), т. I, 19.

³¹⁵ Janet Arnold, *Lost from Her Majesties Back*, Costume Society Extra Series 7 (Wisbech, 1980), 36; John Stowe, *Three fifteenth-century chronicles: with historical memoranda by John Stowe, the antiquary, and contemporary notes of occurrences written by him in the reign of Queen Elizabeth*, ed. James Gairdner, Camden Society, is 3 (London, 1880), 123–125.

³¹⁶ Stowe, *Three fifteenth-century chronicles*, 127.

³¹⁷ BL Add. MS 48023, l. 369.

³¹⁸ Stowe, *Three fifteenth-century chronicles*, 123–125.

Глава 11 «Львы рыкающие»

В то время как Елизавета болела оспой, схватили трех заговорщиков – Артура Поула,³¹⁹ его брата Эдмунда и зятя Энтони Фортескью. Их арестовали, когда они пытались бежать во Францию,³²⁰ и посадили в Тауэр. Их обвинили в заговоре «с целью низложить королеву, изменить состояние страны, добиться смерти королевы, поднять в стране мятеж и сделать королевой Англии Марию Стюарт».³²¹ На допросе они открыли участие в заговоре и Франции, и Испании.³²² Елизавета написала Филиппу и попросила, чтобы он либо приказал своему послу прекратить вмешиваться в дела Англии, либо отозвал его.³²³ Тем временем де Квадру поместили под домашний арест.

Оспа, едва не стоившая Елизавете жизни, подтолкнула заговорщиков к действию. Хотя Поул и его сообщники раскрыли подробности заговора, они не признали себя виновными в государственной измене, утверждая, что не намеревались вторгаться в Англию с армией до тех пор, пока Елизавета не умрет. За несколько месяцев до того они совещались с Джоном Престоллом, известным католиком-некромантом, оккультистом и алхимиком, который обитал неподалеку от двора; он заверил их, что к тому времени, как их замысел осуществится, Елизавета уже умрет.³²⁴ В феврале следующего года их судили, признали виновными в государственной измене и приговорили к казни.³²⁵ Елизавета отменила смертный приговор, и они оставались в Тауэре до самой смерти в 1570 г.

После резни в Васси, случившейся в том же году, во Франции началась гражданская война. Гугеноты под предводительством принца Конде и адмирала Колиньи просили Англию поддержать их против Гизов, родственников Марии Стюарт.³²⁶ Вначале Елизавета не хотела вмешиваться, но ее убедил Дадли, стремящийся вернуть доверие протестантов после своей неудачной попытки заручиться поддержкой испанцев и католиков, чтобы жениться на Елизавете.³²⁷ Заговор «львов рыкающих», как назвал его Сесил, поддержал герцог Гиз; он стал последней каплей, побудившей Англию поддержать французских протестантов против Гизов.³²⁸ В октябре 1562 г. англичане послали во Францию армию в 6 тысяч человек под командованием брата Роберта Дадли, Эмброуза Дадли, графа Уорика. Письмо к Марии Стюарт, которое писала Елизавета, когда заболела оспой, было попыткой оправдать английскую

³¹⁹ В апреле 1561 г. Поула посадили в тюрьму Флит за связь с сэром Эдвардом Уолдегрейвом и сэром Томасом Уортоном и Гастингсом. Во Флите он пробыл недолго и, выйдя на свободу, вскоре снова начал плести заговоры.

³²⁰ Артур Поул имел притязания на престол как прямой потомок брата Эдуарда IV, герцога Гиза. Фортескью был дальним родственником королевы по материнской линии. Хотя первоначально они договорились поддерживать притязания на трон Артура, впоследствии их замысел изменился и они решили поддержать Марию Стюарт. TNA KB 8/40; *CSP Span*, 1558–1562, 262.

³²¹ ‘Special oyer and terminal roll and file Principal Defendants and Charges: Arthur Pole and others, high treason, conspiring to depose the Queen and to proclaim Mary Queen of Scots,’ TNA KB 8/40, BL Hardwicke papers 35831, l. 87.

³²² F. Chamberlin, *The Private Character of Queen Elizabeth*, 51; Kristen Post Walton, ‘The Plot of the Devouring Lions: The “Divelish Conspiracy” of Arthur Pole and the Parliament of 1563’ (неопубликованное эссе); TNA KB 8/40; *CSP Span*, 1558–1562, 292–293.

³²³ *CSP Foreign*, 1563, 32.

³²⁴ F. Chamberlin, *The Private Character of Queen Elizabeth*, 51; TNA KB 8/40; *CSP Span*, 1558–1567, 259–260.

³²⁵ TNA KB 8/40.

³²⁶ J. H. M. Salmon, *Society in Crisis: France in the Sixteenth Century* (New York, 1975); Nicola M. Sutherland, *The Massacre of St Bartholomew and the European Conflict*, 1559–1572 (London, 1973); Nicola M. Sutherland, *The Huguenot Struggle for Recognition* (New Haven, Conn., 1980).

³²⁷ W. T. MacCaffrey, ‘The Newhaven expedition, 1562–1563’, *Historical Journal*, 40 (1997)? 1–2.

³²⁸ Wright (comp.), *Queen Elizabeth and her Times*, I, 127.

интервенцию против французской родни ее кузины. После того как Елизавета выздоровела, созвали парламент, чтобы собрать средства на содержание армии во Франции и оборону Ньюхейвена. В повестку дня также включили вопрос о престолонаследии и особенно о браке королевы.³²⁹

В одиннадцать часов во вторник 12 января величественная процессия проследовала из Уайтхолла в Вестминстерское аббатство.³³⁰ Улицы были чисто выметены и посыпаны свежим песком. Елизавета в своей парламентской мантии из красного бархата, подбитой белым горностаем в черных пятнах, прибыла в карете; по бокам ее охраняли джентльмены-пенсионеры в красных мундирах. За каретой следовал Роберт Дадли, главный конюший; он вел в поводу запасную лошадь королевы. За ним попарно верхом ехали фрейлины.³³¹

В аббатстве Елизавета прослушала проповедь, которую прочел доктор Александер Ноуэлл, настоятель собора Святого Павла. Проповедь как бы задавала тон для последовавших парламентских слушаний. Он призывал королеву «ради блага страны» выйти замуж и произвести на свет наследника: «Когда болезнь поразила ваше величество, я слышал многочисленные голоса и стенания: «Увы! В какой беде окажемся мы?.. Ведь наследника до сих пор нет, и в вере нет согласия... Увы! Что будет с нами?»³³²

После службы королева, а также члены обеих палат покинули аббатство и перешли в здание парламента, где лорд-канцлер Николас Бэкон произнес вступительную речь. Он подчеркнул опасность «иноземного врага за границей», особенно Гизов во Франции, но напомнил и о врагах, «родившихся и выросших здесь, среди нас», которые обратились за помощью к иностранцам и подстрекают к мятежам.³³³ Только если Елизавета выйдет замуж и обеспечит престолонаследие, можно гарантировать безопасность страны. Сесил писал другу: «Главы обеих палат просят предоставить им какие-либо гарантии на тот случай, если Господь, в наказание нам, призовет ее величество к себе до того, как она оставит потомство. Вопрос столь глубок, что я не могу достичь дна... По-моему, следует что-то предпринять, дабы обеспечить стране наследника престола, но боюсь, что нежелание ее величества назвать своего наследника замедляет дело».³³⁴

Недавняя болезнь королевы живо напомнила всем о том, что Елизавета смертна. Все понимали, какой хаос разразится в период междуцарствия, если она умрет, не оставив наследника. Обе палаты были настроены решительно; всем хотелось, чтобы их голоса были услышаны. Автор одного законопроекта даже предложил в случае смерти королевы передать всю власть Тайному совету до тех пор, пока не найдут подходящего наследника-протестанта.³³⁵ Хотя этот закон так и не был принят, радикальность предложения, которое позже еще вспомнят, показывает, до какой степени дошло тогда беспокойство парламентариев.

28 января спикер палаты общин представил королеве петицию, в которой парламентарии напрямую призывали ее выйти замуж. Ссылаясь на «великий ужас и зловещее предупреждение» в виде ее болезни, а также на козни «вздорных и злобных папистов», парламентарии не скрывали своих опасений: «Мы не видим ничего, что способно противостоять их желанию, кроме вашей жизни... мы понимаем, как важно для вашего сохранения, чтобы

³²⁹ AGS E 816, l. 43, перевод см.: *CSP Span*, 1558–1567, 269.

³³⁰ BL Cotton MS Titus F I, l. 59.

³³¹ *Ibid.*, l. 59–60v, 65–75v.

³³² *Ibid.*, l. 61–64, см.: G. E. Corrie (comp.), *A Catechism by Alexander Nowell*, Parker Society (Cambridge, 1853), 223–229.

³³³ BL Harleian MS 5176, l. 89–92; Hartley (comp.), *Proceedings in the Parliaments*, I, 84. См.: J. E. Neale, 'Parliament and the Succession Question in 1562/3 and 1566', *English Historical Review*, January – October (1921), 497–519, см. также: Mortimer Levine, 'A "Letter" on the Elizabethan Succession Question, 1566', *The Huntington Library Quarterly*, 19 (1995), 13–38.

³³⁴ Wright (comp.), *Queen Elizabeth and her Times*, I, 121.

³³⁵ TNA SP 12/28, l. 68r – 69v; *CSP Span*, 1558–1567, 316–317.

между жизнью вашего величества и их желанием была воздвигнута преграда».³³⁶ Королеву призывали позаботиться о том, чтобы преемниками были назначены «самые несомненные и лучшие наследники вашей короны». С этой целью королеву настоятельно просили выйти замуж «за того, кого она пожелает видеть своим избранником». Пока у королевы нет своих детей, ей следует назвать имя своего преемника. Взамен парламентарии заверяли Елизавету, что «приложат все силы, разум и власть», чтобы разработать более сильные законы для сохранения и гарантий ей и ее потомству «и самые карательные, резкие и ужасные законы для всех, кто посмеет злоумышлять... против вашей безопасности».³³⁷

Елизавета отнеслась к петиции благосклонно и, как записал секретарь, «с благодарностью приняла» их слова. Она заверила парламентариев, что, оставшись в живых после эпидемии оспы, когда «смерть завладела почти каждым моим уголком... я теперь понимаю, как понимала и прежде, что я смертна. Я также понимаю, что должна сама снять с плеч своих величайшее бремя, возложенное на меня Господом... Не думайте, что я, которая в других делах всегда пекусь обо всех вас, в этом вопросе, затрагивающем нашу общую безопасность, поведу себя беспечно... Я решительно настроена в таком крупном и важном вопросе отложить ответ на другой раз».³³⁸

Через четыре дня свою петицию представила палата лордов.³³⁹ Верхняя палата полностью поддерживала позицию палаты общин и напоминала о практических трудностях, которые возникнут после смерти монарха, не оставившего после себя наследника. Лорды выражали опасение, что в таком случае страна окажется в руках ее врагов. Они просили, «чтобы ваше величество снизошло до брака с тем, кто придется вам по душе, и как только это придется вам по душе». Тем временем Елизавету еще раз просили назвать преемника, поскольку без него палата лордов не понимала, «как можно со всей определенностью и уверенностью позаботиться о безопасности вашего величества и сохранения вашей короны».³⁴⁰

Хотя представителей палаты общин двадцатидевятилетняя Елизавета за несколько дней до того выслушала вполне благосклонно, лордам она сердито заявила, «что отметины, которые они видят у нее на лице, не морщины, а оспины и, хотя она, возможно, уже стара, Господь еще может даровать ей детей, как даровал святой Елизавете». Она объявила, что в ее возрасте еще можно рожать детей и что, если она прежде того назначит своего преемника, это «будет стоить Англии много крови».³⁴¹

В ожидании более подробного ответа на свои петиции парламентарии приняли ряд законов, направленных на охрану королевы и защиту веры. По Акту о супрематии 1559 г. более суровыми стали наказания для тех, кто продолжает отстаивать верховенство папы римского. Обязанность приносить письменную присягу на верность королеве распространилась на всех должностных лиц в королевстве. Первый отказ подписать такую присягу влек за собой конфискацию имущества и тюремное заключение, второй приравнивался к государственной измене.³⁴² Хотя Елизавета одобрила закон, она не очень стремилась применять его на практике. По ее распоряжению Мэтью Паркер, архиепископ Кентерберийский, приказал епископам не заставлять людей подписывать присягу во второй раз и тем самым не подвергать многих смертельной опасности без письменного на то приказа.³⁴³

³³⁶ *Nugae Antiquae*, III, 186–187.

³³⁷ TNA SP 12/27/35; Hartley (comp.), *Proceedings in the Parliaments*, I, 90–93.

³³⁸ TNA SP 12/27/36; Hartley (comp.), *Proceedings in the Parliaments*, I, 94–95.

³³⁹ TNA SP 12/27/85 – копия секретаря с пометками Сесила на полях. См. также: BL Add. MS 32379.

³⁴⁰ BL Add. MS 32379, l. 17–20.

³⁴¹ *CSP Span*, 1558–1567, 295–298.

³⁴² 5 Eliz I, 1 in *Statutes IV*, 402–405.

³⁴³ *CSP Span*, 1558–1567, 322; John Bruce, T. T. Perowne (comp.); *Correspondence of Matthew Parker, Archbishop of Canterbury 1535–1575*; Parker Society (Cambridge, 1853), 173–175.

Заговор «львов рыкающих», разоблаченный во время тяжелой болезни Елизаветы, продемонстрировал, какую угрозу для королевы представляют чародейство и волшебство. Подобные преступления не входили в сферу общего права, так как закон о колдунах был отменен в 1547 г., поэтому был принят новый закон.³⁴⁴ По Закону о колдовстве, чародействе и ведовстве любая магия, повлекшая за собой чью-либо смерть, каралась смертным приговором.³⁴⁵ Был принят и закон «против суетных и лживых пророчеств», который можно было применять для наказания тех, кто предсказывает смерть королевы, «составляя гороскопы», как в случае Поула. В преамбуле к закону описывались беспорядки предшествующих нескольких лет и предписывалось: буде какая-либо персона или персоны «намеренно и прямо опубликуют и объяснят на письме, в печати, в песне или других открытых речах или деяниях... измышленное или ложное пророчество... с намерением поднять бунт, восстание, учинить раскол, потерю жизни или иной беспорядок в королевстве», виновных подвергнут тюремному заключению и штрафу. Для тех, кто впервые уличен в подобном преступлении, наказание составляло год тюрьмы и 10 фунтов штрафа, повторные преступления карались пожизненным заключением и конфискацией имущества.³⁴⁶

Утром 10 февраля, когда парламент еще заседал, на повестке дня вновь встал вопрос о престолонаследии: Кэтрин Грей родила еще одного ребенка, мальчика, которого назвали Томасом. Елизавета пришла в ярость; теперь у ее двадцатидвухлетней преемницы-протестантки было уже двое сыновей! Королева приказала немедленно учинить следствие о незаконных свиданиях Кэтрин и графа Гертфорда, которым, очевидно, попустительствовал сэр Эдвард Уорнер, комендант Тауэра.³⁴⁷ Гертфорда вызвали в Суд Звездной палаты, где признали повторно виновным в преступлении: «своращении девственности королевской крови в доме королевы», так как он «изнасиловал ее во второй раз». Графа приговорили к огромному штрафу в 5 тысяч фунтов за каждое преступление и вернули в Тауэр.³⁴⁸

Тем временем Кэтрин Грей оставалась в тюрьме вместе с полуторогодовалым первым сыном и новорожденным младенцем. В августе, когда в Лондоне вспыхнула чума, Кэтрин перевезли в Эссекс, в поместье Пирго, принадлежавшее ее дяде, лорду Джону Грею. Она содержалась под строгим домашним арестом. В последующие годы ее несколько раз переводили из одного замка в другой, она оставалась в заключении до конца жизни. Мужа она больше не видела. Поскольку не было доказательств того, что они действительно обвенчались, ее детей объявили незаконнорожденными. Однако, пока шли дебаты о престолонаследии, Кэтрин Грей и два ее сына представляли для Елизаветы серьезную угрозу.³⁴⁹

Католичка Мария Стюарт, также претендовавшая на престол, очутилась в центре скандала после того, как в ее спальне под кроватью нашли молодого влюбленного в нее французского придворного и поэта Пьера де Бокоселя, сеньора де Кастеляра с мечом и кинжалом.³⁵⁰ После того как его обнаружили, он заявил, что ему негде больше спать. На ночь его поручили заботам начальника королевской стражи, а Марии, не ведавшей о том, что происходит в ее опочивальне, обо всем сообщили только наутро. Когда Кастеляра допросили, он заявил,

³⁴⁴ См.: Kristen Post Walton, *Catholic Queen, Protestant Patriarchy. Mary Queen of Scots and the Politics of Gender and Religion* (Basingstoke, 2007), 51; ‘Sir William Cecil to Sir Thomas Smith, 27 February 1563’; см.: Wright (comp.), *Queen Elizabeth and her Times*, I, 127; TNA KB 8/40; Kristen Post Walton, ‘The Plot of the Devouring Lions’.

³⁴⁵ 5 Eliz I, 16 in *Statutes IV*, 446–447.

³⁴⁶ 5 Eliz I, 16 in *Statutes IV*, 445–446.

³⁴⁷ Nichols (comp.), *Diary of Henry Machyn*, 300.

³⁴⁸ J. H. Baker (comp.), *Reports from the Lost Notebooks of Sir James Dyer*, in 2 vol. (London, 1994), I, 81–82; BLO Tanner MS 84, l. 191, 196v.

³⁴⁹ *CSP Rome*, 1558–1571, 51; BL Add. MS 35830, l. 185; Levine, *The Early Elizabethan Succession Question*, 14; TNA SP 12/21, l. 76–77.

³⁵⁰ *CSP Scot*, 1547–1563, 684.

что его послали «персоны, занимающие выдающееся положение» во Франции, предположительно гугеноты, дабы он попробовал «сблизиться» с Марией и ее фрейлинами, чтобы «воспользоваться случаем и представить достаточные доказательства, способные скомпрометировать честь королевы». ³⁵¹ Мария приказала ему удалиться от двора, но через несколько дней, когда она переехала в замок Данфермлин, француз последовал за ней и его снова застали в опочивальне королевы, где он объявил, что намерен доказать свою невиновность. Вести о нем скоро дошли до английского двора, вызвав непристойные сплетни. Говорили, что молодой Кастеляр «спрятался за занавесями в опочивальне королевы, а ночью лег бы к ней в постель», если бы Мария его не обнаружила. ³⁵² Француза судили и обезглавили на площади Святого Андрея. После этого происшествия Мария испугалась и очень своевременно предупредила Елизавету о том, как важно надежно охранять королевскую опочивальню.

В субботу 10 апреля 1563 г. в три часа пополудни Елизавета отправилась на королевской барке из Уайтхолла в Вестминстер на последнее заседание парламента; она заняла свое место в зале заседаний.

Сэр Николас Бэкон, лорд – хранитель Большой печати, зачитал от ее имени речь, которую она написала. В ней королева благодарила палату лордов и палату общин за их труды и одобряла законы и акты, представленные на ее рассмотрение. Затем она прямо ответила на петиции обеих палат с просьбами о браке. Ее, писала королева, очень удручает, что от нее требуют назвать преемника, когда есть еще надежда, что она выйдет замуж и сама произведет на свет наследника. Хотя она не испытывает склонности выйти замуж, она понимает, что к этому ее призывает долг королевы. Она уверяла: «И если я сумею подчинить свои желания вашим потребностям, я не стану противиться». ³⁵³

Помимо составления петиций, призывающих королеву срочно найти себе мужа, парламент проголосовал за сбор средств, в которых нуждалась Елизавета для поддержки английского корпуса во Франции. В письме к Эмброузу Дадли, графу Уорику, командующему английской армией, она заверила его, что пришлет подкрепления и сделает все, что в ее силах, чтобы войска были всем обеспечены. Однако ее усилия оказались тщетными. Гугеноты все больше сомневались в искренности намерений Елизаветы, и, когда воюющие французские стороны заключили мир, они объединились и выгнали английские войска из Гавра. Кроме того, во время осады, когда англичане с трудом оборонялись, в городе вспыхнула эпидемия чумы, унесшая жизни многих солдат. 28 июля англичане вынуждены были сдаться, и остатки армии отплыли в Англию. ³⁵⁴ Через несколько недель эпидемия чумы перекинулась на Лондон: болезнь привезли с собой вернувшиеся солдаты. Всем лондонским домовладельцам приказали начиная с семи часов вечера жечь на улицах костры, «дабы истребить болезнетворный воздух». ³⁵⁵

В августе чума уносила в Лондоне по тысяче жизней в неделю. Жертвой эпидемии стал и испанский посол дон Альваро де Квадра, который так способствовал подрыву англо-испанских отношений. ³⁵⁶ Боясь за свое здоровье, королева вынуждена была в сентябре покинуть Лондон и переехать в Виндзор, где она и оставалась до конца года. В Виндзорском замке было холодно, гуляли сквозняки, и Елизавета, Сесил и другие придворные скоро стали жертвами болезни, известной под названием роосс, или «недержание». Сесил так тяжело

³⁵¹ *CSP Span*, 1558–1567, 314.

³⁵² *CSP Foreign*, 1562, 154; *CSP Scot*, 1547–1563, 684–686.

³⁵³ BL Harleian MS 5176, l. 97; Neale, *Elizabeth I and her Parliaments*, I, 126–127.

³⁵⁴ *CSP Foreign*, 1563, 439, 443, 453, 473; BL Add. MS 35831, l. 145v – 146; TNA SP 70/59/846, l. 48v.

³⁵⁵ Stowe, *Three fifteenth-century chronicles*, 122; Nichols (comp.), *The Diary of Henry Machyn*, 310.

³⁵⁶ *CSP Span*, 1558–1567, 346.

болел, что едва не ослеп; Елизавета жаловалась на боль в носу и глазах. В ту зиму умерли многие люди, страдавшие от тех же проявлений болезни.

На окраине города поставили виселицы; на них вешали всех подозреваемых в том, что они привезли с собой чуму из столицы. Повесить без суда могли даже тех, кто проплывал по Темзе мимо Виндзора.³⁵⁷

³⁵⁷ Stowe, *Three fifteenth-century chronicles*, 127.

Глава 12

Любовный треугольник

«От всего сердца благодарю Господа, особенно после того, как узнала, что вы счастливо избегли опасности... и ваше красивое лицо не пострадало». В письме, отправленном Елизавете после ее выздоровления, Мария Стюарт ссылалась на собственный опыт болезни – она перенесла оспу в детстве – и выражала радость по поводу выздоровления кузины. Томас Рандолф, английский посол в Шотландии, от имени Елизаветы просил у Марии рецепт зелья, препятствующего возвращению болезни, которое Мария принимала несколько лет назад. К сожалению, ответила королева Шотландии, Фернел, главный врач короля Франции, который готовил снадобье, уже умер, к тому же он «ни за что не открыл бы рецепт лосьона, которым он покрывал мое лицо после того, как протыкал пустулы ланцетом».³⁵⁸

Теплые слова Марии не отменяли угрозы для Елизаветы. В январе до Шотландии дошли слухи о том, что Елизавета собирается исключить Марию из числа наследников престола. Сообщалось, что из-за этого Мария пришла «в большое возбуждение».³⁵⁹ Английская интервенция в поддержку гугенотов против Гизов еще больше отвратила Марию Стюарт от Англии. Понимая, что Елизавета едва ли назовет ее своей преемницей, Мария решила перехватить инициативу и найти себе мужа, тем самым закрепив свои права на английскую корону.

Мария думала о союзе с Испанией посредством брака с Карлосом, старшим сыном Филиппа Испанского. Хотя союз с наследным принцем главной католической державы Европы стал бы чрезвычайно важным политическим событием, сам Дон Карлос почти не обладал никакими достоинствами; он был болезненным юношей, горбатым, узкогрудым, склонным к вспышкам дикого безумия. Ходили слухи о его импотенции.

Тем не менее Дон Карлос оставался самым выгодным кандидатом в мужья для Марии. Елизавета не скрывала, что такой брак она сочтет враждебным поступком, после которого шансы Марии стать наследницей английского престола будут равны нулю.³⁶⁰ Елизавете необходимо было, чтобы Шотландия оставалась протестантской страной; поэтому она призвала Марию взять в мужья «человека уравновешенного, который по натуре склонен будет продолжать и укреплять любовь и согласие между нашими народами и странами». Она советовала Марии выйти за знатного «уроженца нашего острова».³⁶¹ В конце концов «испанская партия» зашла в тупик. Положение Марии еще больше ослабилось в феврале 1563 г. после убийства ее дяди, герцога Гиза. При его жизни можно было надеяться, что он поддержит племянницу военной силой и поможет ей завоевать английскую корону. Теперь самый верный защитник Марии умер.

В марте Уильям Мейтленд Летингтон, Государственный секретарь Шотландии, снова приехал в Англию в надежде убедить Елизавету официально признать Марию своей преемницей.³⁶²

Когда речь зашла о замужестве Марии, Елизавета сделала необычайное предложение. Если Мария хочет выйти замуж «благополучно и счастливо», она поступит благоразумно, взяв в мужья лорда Роберта Дадли. Совершенно огорошенный Мейтленд осторожно отве-

³⁵⁸ *CSP Scot*, 1547–1563, 666.

³⁵⁹ BL Lansdowne MS 102, l. 18r; TNA SP 52/8, № 3, 6, 7, 9, 10.

³⁶⁰ *CSP Span*, 1558–1567, 338.

³⁶¹ BL Cotton MS Julius F VI, l. 125; см. также: *CSP Foreign*, 1563, 510.

³⁶² *CSP Scot*, 1563–1569, 27, 31–33.

тил: хотя это «огромное доказательство той любви, какую Елизавета питает к его королеве, ведь она намерена отдать ей нечто высоко ценимое ею самой», он уверен, что Мария не захочет лишать свою кузину радости и утешения, какие получает Елизавета в его обществе». Видя, что Елизавета упорствует, Мейтленд отвечал, что «королева, его госпожа, еще очень молода, и королеве [Елизавете] лучше всего выйти за лорда Роберта самой и родить от него детей, что так важно для процветания страны, а затем, когда Богу будет угодно призвать ее к Себе, она сделает королеву Шотландии своей преемницей как на престоле, так и у своего мужа».³⁶³

Весной следующего года Томас Рандолф сделал официальное предложение Марии Стюарт от имени Роберта Дадли, заверив ее, что, если она согласится «доставить радость своим замужеством и нам, и нашей стране», Елизавета приступит к «подробному рассмотрению ее прав как нашей ближайшей кузины и наследницы и сделает все к наибольшей выгоде для нее».³⁶⁴ Мария не стала уклоняться и тянуть с ответом: «Является ли это подтверждением ее обещания считать меня своей сестрой? – резко спросила она. – Как повашему, надлежит ли мне считать за честь, что мне предлагают выйти за предмет обожения моей сестры?» Ужасно сконфузившийся Рандолф лишь пробормотал, что «невозможно найти более достойного человека», чем Роберт Дадли.³⁶⁵

Шотландцы, как написал Рандолф в Лондон, пребывают в недоумении. Зная о сильной привязанности Елизаветы к Дадли и привыкнув к тому, что королева Англии и ее главный конюший практически неразлучны, они могут лишь предполагать, что ее предложение служит жестом доброй воли, а не искренним выражением ее намерений.³⁶⁶ Одновременно Екатерина Медичи и дядя Марии, кардинал де Гиз, поспешили напомнить ей, что небезопасно доверяться «совету Елизаветы в браке, которая тем самым хочет лишь [обмануть] ее».³⁶⁷

Притворившись, что мысль о браке с Дадли ее занимает, Мария в глубине души надеялась выйти за другого англичанина, поразительно красивого высокого (6 футов 2 дюйма) семнадцатилетнего Генри Стюарта, лорда Дарнли.³⁶⁸ Как и Мария Стюарт, Дарнли был внуком Маргариты Тюдор, старшей сестры Генриха VIII. Его мать Маргарет, графиня Леннокс, стойкая католичка, доводилась внучкой Генриху VII и двоюродной сестрой Елизавете. После смерти Франциска II она строила планы женить сына на Марии Стюарт. Графиня неоднократно объявляла Елизавету незаконнорожденной узурпаторшей и заявляла, что по праву английский престол должны занимать она и ее наследники. Когда Мария после смерти мужа вернулась в Шотландию, графа и графиню Леннокс поместили под надзор в их йоркширских владениях. Вскоре после этого их арестовали и посадили в тюрьму по обвинению в том, что они готовили брак Марии Стюарт и Дарнли. На допросе их слуги показали, что граф и графиня слушали мессу и поощряли своего шута высмеивать королеву Елизавету, в том числе в сценке, где описывалась ее любовь к Роберту Дадли, которого изображали рябым от оспы предателем.³⁶⁹ Графиню Леннокс препроводили в Тауэр, а Дарнли уехал во Францию. Летом 1563 г. Дарнли и его родители, очевидно, снова были в фаворе.³⁷⁰ 19 июля сообщалось, что граф и графиня Леннокс были при дворе в Гринвиче и «милорд Дарнли, их сын и наследник,

³⁶³ *CSP Span*, 1558–1567, 313.

³⁶⁴ *CSP Scot*, 1563–1569, 56–57, 19–20.

³⁶⁵ *Ibid.*, 43–44, 56–57.

³⁶⁶ *Ibid.*, 44.

³⁶⁷ BL Cotton Ms Julius F VI, l. 126.

³⁶⁸ См.: Kimberly Schutte, *A Biography of Margaret Douglas, Countess of Lennox* (New York, 2002); Caroline Bingham, *Darnley: a life of Henry Stuart, Lord Darnley, Consort of Mary Queen of Scots* (London, 1995).

³⁶⁹ *CSP Foreign*, 1562, 14, 23.

³⁷⁰ *CSP Span*, 1558–1567, 176; *CSP Foreign*, 1562, 12–15; см. также: Simon Adams, 'The Release of Lord Darnley and the Failure of the Amity', см.: *Mary Stewart: Queen in Three Kingdoms*, ed. Michael Lynch (Oxford, 1988), 123–153.

ежедневно прислуживает и очень часто играет королеве на флейте, что, похоже, доставляет ей удовольствие, ибо играет он очень хорошо».³⁷¹

Хотя Елизавета не собиралась назначать преемника, она злилась на парламентариев за то, что те поддерживали Кэтрин Грей, особенно после рождения у той второго сына. Она твердо решила выдвинуть другую кандидатуру. «Многие думают, что, если королева Шотландии выйдет за человека, который не нравится королеве Англии, последняя сделает своим преемником сына леди Маргарет, которого она сейчас держит во дворце и которому оказывает такую милость, что все это вполне правдоподобно».³⁷²

В июне Елизавета попросила Марию вернуть Ленноксам шотландские владения, конфискованные Генрихом VIII. Несомненно, то был хитроумный ход, призванный отвлечь Марию от мыслей о браке. В конце апреля 1564 г. Мария передала паспорт графу Ленноксу и разрешила ему вернуться в дом его предков.

Осенью отношения между Марией и Елизаветой испортились из-за «ревности и подозрений». Мария послала к английскому двору сэра Джеймса Мелвилла, изысканного молодого шотландца и одного из ее самых доверенных агентов и дипломатов, в попытке сгладить отношения с королевой Англии и доказать права Марии на престолонаследие в парламенте, если он будет созван. Мелвиллу также поручили тайно передать послание матери Дарнли, графине Леннокс, «добиться для [Дарнли] разрешения ехать в Шотландию».³⁷³

³⁷¹ *CSP Foreign*, 1563, 463–464.

³⁷² *CSP Span*, 1558–1567, 339.

³⁷³ G. Donaldson (comp.), *The Memoirs of Sir James Melville of Halhill* (London, 1969), 36.

Глава 13

Гость опочивальни

В восемь часов погожим сентябрьским утром двадцатидевятилетний сэр Джеймс Мелвилл прибыл верхом во дворец Уайтхолл. Его провели в отдельный сад, где королева уже ждала гостя. От высоких грядок, на которых высаживали ароматические травы и цветы, шел изысканный аромат. Садик был окружен низкими перилами, выкрашенными в цвета Тюдоров. На фоне травянистых аллей контрастно выделялись скульптуры мужчин, женщин, детей и мифологических существ. Кроме того, в саду воздвигли 34 высокие колонны, украшенные резьбой и позолоченными животными и флагами с гербом королевы. В центре сада стояли солнечные часы, «которые показывали время тридцатью различными способами», и фонтан, который разбрызгивал воду через потайные трубы, обрызгивая всех, кто оказывался поблизости.

Сам дворец славился великолепной мебелью, гобеленами и картинами, а также многочисленными длинными галереями. Центральное место в личном кабинете королевы занимала фреска с изображением Генриха VIII работы Ганса Гольбейна. «Король изображен стоящим, – писал один гость, – величественный в своем блеске; он кажется живым, он застаёт зрителей врасплох, зрители как бы уничтожаются в его присутствии».³⁷⁴ Мелвилл провел при дворе девять дней и очаровал Елизавету умом и утонченными манерами. Королеве, со своей стороны, не терпелось блеснуть перед шотландским посланником своими многочисленными талантами; она знала, что Мелвилл подробно расскажет обо всем Марии. Во время его пребывания в Англии Мелвиллу позволено было ежедневно видеться с Елизаветой. Каждый день она давала ему аудиенции, часто «до полудня, после полудня и после ужина». Он проходил во внутренние покои и в королевскую опочивальню.³⁷⁵

Однажды поздно вечером, после ужина, Елизавета пригласила Мелвилла в свою опочивальню. Комната показалась шотландцу темной и душной; свечи тускло освещали позолоченный потолок и богатые золототканые гобелены, висевшие на стенах. Рядом с роскошной королевской постелью, устланной расшитыми покрывалами, стоял стол, весь покрытый серебром, и кресло, в котором вместо обычного сиденья лежали подушки от уровня пола. Кроме того, гость увидел «два серебряных ларца изысканной работы, в которых королева хранила бумагу и которыми пользовалась вместо бюваров, серебряную чернильницу и молитвенник на латыни, написанный королевой собственноручно и посвященный, судя по великолепному предисловию, ее отцу».³⁷⁶ К королевской опочивальне примыкала ванная комната. В ней стояла диковинная ванна: вода в нее наливалась из «устричных раковин и всевозможных камней». С восточной стороны к опочивальне примыкала комната, в которой стояли музыкальные инструменты королевы, в том числе спинет и орган, а также часы «с колокольчиками, исполнявшие разные мелодии». Расположенная поблизости библиотека была наполнена книгами на греческом, латыни, итальянском и французском языках, переплетенными в красный бархат «с золотыми и серебряными застежками»; некоторые переплеты были отделаны жемчугом и драгоценными камнями. Потайным ходом можно было выйти из опочивальни в сад, а оттуда пологая дорожка вела к пристани, где Елизавета садилась на королевскую барку. Когда барка плыла по Темзе, на палубе жгли благовония, дабы закамуфлировать неприятные запахи, идущие от реки.

³⁷⁴ Цит. по: Roy C. Strong, *Holbein and Henry VIII* (London, 1967), 35.

³⁷⁵ *Memoirs of Melville*, 36.

³⁷⁶ 'Diary of the Journey of the Duke of Stettin-Pomerania', 25; Von Klarwill, *Queen Elizabeth*, 320.

В мерцающем свете свечей Елизавета подвела Мелвилла к «столику», на котором стояли несколько миниатюрных портретов, завернутых в бумагу. На каждом из них она написала имена натурщиков. Она намеревалась показать ему портрет Марии, которым, по ее словам, она «часто любовалась», но первым портретом, который она развернула, оказался портрет Роберта Дадли, на котором она написала: «Портрет моего господина». Когда Мелвилл спросил, может ли он увезти этот портрет с собой в Шотландию, чтобы передать Марии, Елизавета отказала, объяснив, что «его портрет у нее единственный». Мелвилл остроумно возразил, что «у нее есть оригинал» – Дадли стоял «в противоположном углу комнаты и беседовал с Государственным секретарем Сесилом». Затем Елизавета взяла миниатюру Марии Стюарт и поцеловала ее. Мелвилл в ответ поцеловал Елизавету руку «за великую любовь к моей госпоже, которую я увидел». Он предложил, чтобы Елизавета послала Марии либо портрет Дадли, либо рубин – «большой, как теннисный мяч», – который королева также ему показала. Если Мария «последует ее совету, тогда она, со временем, получит и то, и другое, и все, что у нее есть». Пока же она согласилась послать своей кухне бриллиант в залог ее намерений.³⁷⁷

Во время пребывания в Уайтхолле Мелвилл часто сидел рядом с Дороти Стаффорд, чтобы «я всегда мог находиться рядом с ее величеством и она беседовала бы со мной». С леди Стаффорд и ее дочерью он познакомился еще в годы правления Марии I, когда они вынуждены были жить в ссылке в Европе. Они вспоминали, как «встретились, когда они проезжали через Францию».³⁷⁸ Дороти и ее муж, сэр Уильям Стаффорд, вместе с двумя детьми, Элизабет и Эдвардом, обосновались в Женеве и там же вскоре, в октябре 1556 г., вступили в лоно англиканской церкви. Еще один их сын, Джон, родился и был крещен в Женеве и стал крестником Жана Кальвина. Сэр Уильям через несколько месяцев умер.³⁷⁹ Переехав затем во Францию в начале правления Елизаветы, леди Дороти вернулась в Англию и вступила в свиту королевы.

Елизавете хотелось поразить Мелвилла своим пышным гардеробом. Каждый день она надевала что-нибудь новое, щеголяя французскими, итальянскими и английскими модами. «Она спросила, какое платье идет ей больше», – отметил Мелвилл. На ее вопрос он ответил: «Итальянское». Его ответ «ее порадовал, ибо ей приятно было продемонстрировать свои золотистые волосы в сетке и шляпке, как то принято в Италии. Ее волосы были скорее рыжеватыми, чем желтыми, и казалось, что они вьются естественным образом». Когда Елизавета спросила: «Какой цвет волос считается наилучшим и которая из двух королев красивее?» – Мелвилл дипломатично ответил: «Я сказал, что она – красивейшая королева в Англии, а наша – красивейшая королева в Шотландии». Но Елизавета упорствовала, и Мелвилл вынужден был ответить, «что они обе красивейшие дамы своих дворов и ее величество светлее, но и наша королева очень привлекательна». Затем Елизавета спросила шотландского посланника, кто из них выше ростом. Мелвилл ответил, что Мария, но прибавил, что Елизавета не слишком высока и не слишком низка.

«Затем Елизавета спросила, какого рода упражнениями занимается Мария. Я ответил, что [когда] я уезжал из Шотландии, королева только что вернулась с высокогорья, где она охотилась; когда у нее появляется время для отдыха от государственных дел, она читает хорошие книги, интересуется историей разных стран, а иногда играет на лютне и на спинете».

Елизавета спросила, хорошо ли играет Мария, на что Мелвилл ответил: «Прилично для королевы».

³⁷⁷ *Memoirs of Melville*, 37.

³⁷⁸ *Ibid.*

³⁷⁹ См.: Garrett, *The Marian Exiles: A study in the origins of Elizabethan Puritanism* (Cambridge, 1938), 295–296.

Однажды вечером Мелвилл отвели «в тихую галерею», где он стоял за одной из комнат королевы и слушал, как она играет на спинете. Елизавета была искусной музыканткой; она хорошо пела и, кроме того, играла на лире и на лютне.³⁸⁰ Через какое-то время Мелвилл отдернул гобелен, закрывающий дверь, и, увидев, что Елизавета стоит к нему спиной, вошел. Через несколько секунд королева заметила его, встала и, вместо того чтобы побранить его, объяснила: она не привыкла играть при мужчинах. Как правило, она играет в одиночестве, дабы «избежать меланхолии». Мелвилл поспешил извиниться и объяснил, как они с лордом Хенсдоном, братом Кэтрин Ноллис, проходили мимо двери в ее комнаты. Услышав «мелодию, которая привела его в восторг», он остановился за стеной. Слушая его, Елизавета села на низкую подушку, и Мелвилл опустился перед ней на колени, но она жестом велела ему подложить другую подушку под колено. Сначала он отказывался от такой чести, но королева настояла, чтобы гость взял подушку. Она позвала из соседней комнаты Дороти Стаффорд, чтобы та присоединилась к ним, а затем спросила, кто играет лучше – она или королева Шотландии. «Я воздал ей хвалу», – записал Мелвилл.

Через несколько дней молодой посланник приготовился возвращаться в Шотландию, но Елизавете не хотелось отпускать его. «Она сказала, что мне скорее наскучило ее общество, чем ей – мое», и просила гостя задержаться еще на два дня, чтобы он мог посмотреть, как она танцует; танцы были ее любимым времяпрепровождением. Каждое утро, дабы поддержать форму, Елизавета исполняла гальярду – придворный танец, включавший энергичные подскоки и прыжки; она всегда любила танцевать со своими придворными и иностранными послами. После танцев Мелвиллу задали неизбежный вопрос: «Кто танцует лучше, она или моя королева?» Шотландец ответил, что Мария «танцует не так живо и не с таким удовольствием, как она». Елизавета неоднократно выражала желание встретиться с Марией лично, и Мелвилл в шутку просил ее не ждать официальной королевской встречи, но поехать с ним в Шотландию в костюме пажа. Он предложил, чтобы в опочивальне королевы «в ее отсутствие все устроили так, будто она больна» и что посвятить во все нужно лишь леди Стаффорд и одного из камергеров. По словам Мелвилла, Елизавета ответила: «Увы! Если бы я могла так поступить». Посланник не сдавался: придворным скажут, что королева больна и она не велит себя беспокоить. Хотя Елизавета и отклонила его предложение, Мелвилл заметил, что «она воспользовалась всеми средствами, имевшимися в ее распоряжении, дабы я убедил свою государыню в великой любви, какой она к ней воспылала; она просила передать, что намерена забыть о всякой ревности и подозрениях и в будущем завязать более тесную дружбу между ними, чем та, что была прежде».

Мелвилл вернулся в Шотландию; условлено было, что уполномоченные из Англии и Шотландии встретятся в Бервике и обсудят возможность брака Марии и Роберта Дадли. Стремясь сделать Дадли более привлекательным в глазах королевы Шотландии, Елизавета пожаловала ему титул пэра, а 29 сентября Мелвилл стал свидетелем того, как Дадли получил титул графа Лестера. То была огромная честь; как отмечал испанский посол Диего Гусман де Сильва, этот титул «обычно жаловался вторым сыновьям английских королей».³⁸¹ Кроме того, Елизавета подарила Лестеру поместье Кенилуорт, а также другие земли и титулы. Теперь он по статусу вполне подходил для брака с королевой.

Приглашенные на официальную церемонию в Вестминстер могли видеть, что королеву и Дадли объединяют особые отношения. Когда Дадли опустился перед Елизаветой на одно колено, чтобы она препоясала его мечом, королева, «не удержавшись, с улыбкой потрепала его по шее». Они, как заметил Мелвилл, были «неразлучны». Елизавета спросила шот-

³⁸⁰ Andre Hurault, *Sieur de Maise, A Journal of All that was Accomplished by Monsieur de Maise, Ambassador in England from King Henri IV to Queen Elizabeth Anno Domini 1597*, ed. and comp. G. B. Harrison и R. A. Jones (London, 1931), 95; Von Klarwill, *Queen Elizabeth*, 228, 296.

³⁸¹ *CSP Span*, 1558–1567, 382.

ландца, нравится ли ему Дадли, и тот ответил, что Лестер – достойный человек и он рад, что королева умеет отличить и наградить его за хорошую службу. «И все же, – заметила Елизавета, – вам больше нравится вон тот долговязый юнец», – и она показала на лорда Дарнли, который присутствовал на церемонии как ближайший к Дадли принц крови. Посланник Марии снова ответил осторожно: «Я ответил в том смысле, что ни одна разумная женщина не выбрала бы юношу, больше похожего на женщину, чем на мужчину, – томного, безбородого, с гладким лицом. Мне не хотелось, чтобы она подумала, будто он мне нравится или я намерен иметь с ним какие-то дела... Хотя у меня имелось тайное поручение к его матери, миледи Леннокс, чтобы она позволила ему поехать в Шотландию, дабы он посмотрел страну и сопроводил графа, своего отца, назад в Англию».³⁸²

Елизавета говорила о Дадли как о «своем брате и лучшем друге», человеке, «за которого она бы сама вышла замуж, если бы решилась когда-либо выбрать себе мужа»; однако она как будто твердо решила женить его на Марии Стюарт. Сама она, по ее словам, «намерена прожить жизнь в девстве» и потому желала, чтобы королева, «ее сестра», была счастлива с Дадли. Она выражала надежду, что Мария, «будучи замужем за ним [за Дадли]... счастливо избавится от всех страхов и подозрений, что ее обвинят в узурпации перед смертью; убедится, что он поистине достоин любви и доверия, что никогда не предаст и не обманет ее».³⁸³ Однако, как Сесил писал одному другу, «ее величество как будто всерьез настроилась возвеличить милорда Лестера и сделать его мужем королевы Шотландии, но, едва доходит до дела... серьезность ее намерений тает».³⁸⁴ Елизавета вскоре начала менять условия, на которых она представляла себе этот союз; она заговорила о том, как Мария и Дадли могли бы жить при ее дворе. Подобный «тройственный союз» позволил бы ей ежедневно видеться с Дадли. Она «с радостью возьмет на себя семейные расходы» супружеской пары, «как и положено поступать одной сестре по отношению к другой».³⁸⁵

Дадли пришел в ужас от планов Елизаветы.³⁸⁶ Когда они с Мелвиллом плыли на барке по Темзе, новоиспеченный граф Лестер уверял шотландца, что он недостойн Марии, недостойн даже того, чтобы «вытирать пыль с ее туфель». Он считал, что поженить их решил «мистер Сесил, его тайный враг». Если, продолжал Дадли, он выкажет согласие на брак, он лишится благосклонности и Марии, и Елизаветы. Он умолял Мелвилла передать Марии, что «ее величество порадует, если не придется вменить ему в вину этот неуклюжий поступок, но она припишет его злобе его врагов».³⁸⁷

По возвращении в Эдинбург Мария расспросила своего посла, как он проводил время с ее кузиной. «По моему разумению, – ответил Мелвилл, – не было ни откровенности, ни откровенной хитрости, но большое притворство, соперничество и страх, что из-за ее [Марии] королевских качеств ее саму скоро низложат и лишат короны».³⁸⁸ Тем временем Елизавета обратилась за советом к Сесилу, болевшему у себя дома. В поспешной записке на латыни она признавалась: «Я в таком лабиринте, что не знаю, как сумею ответить королеве Шотландии после такой долгой отсрочки. Я в растерянности и не знаю, как удовлетворить ее, и понятия не имею, что я теперь должна сказать».³⁸⁹

³⁸² *Memoirs of Melville*, 36.

³⁸³ *CSP Span*, 1558–1567, 313; *Memoirs of Melville*, 35.

³⁸⁴ BL Lansdowne MS 102, l. 107r – 109r.

³⁸⁵ *CSP Scot*, 1563–1569, 81.

³⁸⁶ *CSP Span*, 1558–1567, 424.

³⁸⁷ *Memoirs of Melville*, 40.

³⁸⁸ *Ibid.*, 42.

³⁸⁹ TNA SP 52/9 № 48.

Глава 14 «Кислый и нездоровый»

В начале декабря 1564 г. после короткого пребывания в Сент-Джеймском дворце двор вернулся в Уайтхолл на Рождество и Новый год. Хотя расстояние между двумя дворцами составляло всего милю, тяжело нагруженные лошади и кареты, к тому же в суровую зимнюю погоду, продвигались медленно и с трудом. Темза в том году замерзла, и люди ходили по ней, «как по улице».³⁹⁰ Придворные играли на льду в футбол, шары и кегли. Всякая деловая жизнь в Лондоне практически замерла.

9 декабря, вскоре после переезда, Елизавета «опасно заболела». Приближенные называли ее болезнь «истечением» (желудочным гриппом) или «диареей». Заболевание оказалось столь серьезно, что следующие пять дней все боялись, что королева умрет.³⁹¹ Однако к следующей пятнице ей полегчало. Сесил в письме к сэру Томасу Смиуту называл ее «ослабленной, но в добром здравии» и добавлял: «Ее болезнь нас сильно напугала». Он благодарил Бога за то, что тот послал им «серьезное предостережение посредством ее болезни» и они «получили утешение благодаря ее выздоровлению».³⁹² Мария Стюарт также желала Елизавете скорейшего выздоровления и писала, что «она с каждым днем мне ближе, чем раньше, и я уверена, что ее жизнь и общение с ней, на которое я надеюсь, будут более достойны меня, чем все ее королевство по ее смерти, если она расположена будет оставить его мне».³⁹³ Но недоверие все больше расширяло брешь между ними; Елизавета разглядела в словах Марии нечто зловещее и считала, что королева Шотландии «ждет ее смерти и вся ее доброта притворна... все ради того, чтобы получить королевство!».³⁹⁴ Сесил уже получил из Шотландии сообщения, что Мария намерена вступить в брак с Генри Стюартом, лордом Дарнли.³⁹⁵

Рождество прошло безрадостно. Хотя Елизавета находилась вне опасности, она в течение всех праздников страдала от «тяжелого катара» и лихорадки. По словам Гусмана де Сильвы, видевшего королеву накануне Рождества, Елизавета «жаловалась на боль в желудке и во всем теле». Она по многу часов отдыхала в своей темной и душной опочивальне, за ней ухаживали камер-фрейлины, в том числе Кэт Эшли, Бланш, Дороти Стаффорд и Кэтрин Ноллис, вернувшаяся ко двору после смерти новорожденного сына Дадли. Мэри Сидни в то время еще не оправилась после рождения пятого ребенка и оставалась в Пенсхерст-Плейс.³⁹⁶ В дни болезней королевы и, помимо того, регулярно раз в месяц аптекарь королевы Джон Хемингуэй снабжал ее и ее фрейлин разными пилюлями, лосьонами и благовониями. Хемингуэй всегда записывал, что и в каком количестве он посылает во внутренние покои. Судя по всему, роль «семейного врача» в опочивальне исполняла Кэт Эшли; ее регулярно снабжали цветками ромашки, розовыми листьями, розовым маслом и уксусом. Кроме того, она регулярно заказывала в дополнение к «обычным пилюлям» лосьоны, пластырь с оксикроцином, порошки от болей в груди и венецианскую живицу.

³⁹⁰ *CSP Span*, 1558–1567, 401; Ian Dunlop, *Palaces & Progresses of Elizabeth I* (London, 1962).

³⁹¹ *CSP Span*, 1558–1567, 398.

³⁹² BL Lansdowne MS 102, l. 105r; Wright (comp.), *Queen Elizabeth and her Times*, I, 181.

³⁹³ *CSP Scot*, 1563–1569, 110.

³⁹⁴ *Ibid.*, 111.

³⁹⁵ BL Lansdowne MS 102, l. 107r – 109r.

³⁹⁶ См.: Brennan, *The Sidneys of Penshurst and the Monarchy*, 43.

В первом полугодии 1564 г., судя по сохранившимся записям, Джон Хемингуэй поставил камер-фрейлинам 2 фунта порошка фиалкового корня (его получали из корня ирисов). Его жгли в виде благовония, окуривали им комнату.³⁹⁷

Кроме того, Елизавета и ее дамы часто пользовались ароматическими шариками и жгли во внутренних покоях можжевельник и пряные травы. Бензойной смолой, розовой водой и стираксом душили богато расшитые платья королевы. Все знали, что королева весьма щепетильна в вопросах чистоты, а неприятные запахи представляли постоянную проблему, особенно учитывая, что в покоях королевы также содержались многочисленные животные, в том числе карликовый спаниель, любимец королевы, обезьянка, кот, который ловил мышей, бывших во дворцах настоящим бедствием, и попугай.³⁹⁸ Обезьянку держали «в ошейнике и на цепи», которая то и дело истиралась и рвалась, так что приходилось заказывать новую. Ошейник был «железным с петлями, которые застегивались на крючки». К нему привязывали более длинную цепь на трех шарнирах.³⁹⁹ Судя по всему, обезьянка постоянно находилась рядом с королевой, так как за следующие два года придворный кузнец, Уильям Худ, выковал еще три стальных цепи.⁴⁰⁰

О зверьке, который в одном предписании назывался «мускусным котом», скорее всего о хорьке или африканской циветте, которая славится своим мускусным запахом, заботилась Бланш Парри. Заботу о королевском попугае, которого держали в специально построенной для него клетке, поручили Дороти Брэдбелт. В 1563 г. Джон Грин, королевский плотник, «доставил Дороти Брэдбелт одну большую клетку из медной проволоки и укрепленную пластину для попугая»,⁴⁰¹ а с ними «два оловянных горшка для воды – один для обезьяны, второй для попугая». Кузнец Уильям Худ изготовил также задвижки для клетки;⁴⁰² кроме того, в королевские покои доставили «6 ярдов двойного зеленого шелка», из которого предстояло «сшить занавеси для птичьей клетки».⁴⁰³

Поскольку канализации во дворцах не было, королева пользовалась «ночным стулом», переносным деревянным туалетом, который необходимо было регулярно опорожнять. Даже в королевской опочивальне, где «ночные стулья» были замаскированы «ящиками из атласа и бархата», воздух часто был «кислым и нездоровым».⁴⁰⁴ Имелись в опочивальне и ночные горшки, которыми пользовались лишь для мочеиспускания; они были сделаны из фарфора, серебра или керамики, глазурированной оловом. Ночной горшок королевы с крышкой, на которой были выгравированы ее инициалы, стоял в подбитом ящике. Таких «ночных стульев» у нее было несколько, и все были одинаково роскошными: четыре из них, «отделанные черным бархатом, сплошь покрытым вышивкой, тесьмой и подбитым позолоченными гвоздиками, с сиденьем и спинкой, покрытыми алой тканью с золотой и серебряной бахромой», доставили в опочивальню в 1565 г., вместе с «тремя оловянными горшками в кожаных мешках на полотняной подкладке». «Ночными стульями» заведовала Кэт Эшли, а после ее смерти в 1565 г. ее обязанности, а также обязанность облачать королеву в ее сложные и пышные наряды, скорее всего, исполняли все дежурные камер-фрейлины по очереди.⁴⁰⁵ Обитые материей и пышно украшенные ящики, в которых держали ночные горшки, позволяли незаметно

³⁹⁷ См.: Leslie Gerard Matthews, *The Royal Apothecaries* (London, 1967), 71.

³⁹⁸ TNA LC 5/33, l. 15, 50, 51, 71, 91, 118.

³⁹⁹ *Ibid.*, l. 71, 91.

⁴⁰⁰ *Ibid.*, l. 15, 71, 108.

⁴⁰¹ *Ibid.*, l. 50.

⁴⁰² *Ibid.*, l. 51.

⁴⁰³ BL Egerton MS 2806, l. 74 v.

⁴⁰⁴ John Harington, *Epigrams*, I, 44.

⁴⁰⁵ TNA E 351/451, l. 38; TNA LC 5/33, l. 128.

опорожнять их вдаль от внутренних покоев. В поездках и процессиях Елизаветы ночной горшок везли в особой карете.

Почти все рождественские праздники Елизавета пролежала в постели, и лишь в январе она вышла из опочивальни в кабинет, где ее могли видеть придворные. Королева «очень похудела»; врачи описывали ее состояние как «слабое и нездоровое». Де Сильва злорадно добавлял в депеше: «Хотя говорят, что молодой организм весьма вынослив, вашему величеству следует заметить, что ее не считают склонной к долголетию».⁴⁰⁶

К Новому году потеплело, и лед на Темзе растаял. Неожиданная оттепель вызвала «великие наводнения и паводки» во всей Англии и «смерть многих, и гибель многих домов». В начале февраля Елизавета дала лорду Дарнли позволение поехать в Шотландию, и вскоре он поскакал на север.⁴⁰⁷ Королева надеялась, что Дарнли смутит покой Марии; кроме того, ей, видимо, казалось, что Дарнли станет лучшей партией для королевы Шотландии, чем Дадли, которого ей так не хотелось терять. Она надеялась, что Дарнли, «будучи красивым и сильным юношей, скорее одержит верх, ибо он находится рядом, чем Лестер, который отсутствует».⁴⁰⁸ Мария впервые увиделась с Дарнли 17 февраля в Эдинбурге и немедленно влюбилась в него. Как она писала, «она еще не встречала такого красивого и хорошо сложенного мужчину».⁴⁰⁹ Вскоре в посольских депешах описывали, как Дарнли «чудесным образом расшевелил» шотландский двор. Многие считали, что «королева Шотландии выйдет за него замуж».⁴¹⁰ В письме к своему другу сэру Генри Сидни, мужу Мэри Сидни и зятю Дадли, Томас Рандолф порицал Дадли за то, что тот не проявил больше интереса к Марии Стюарт. «Сколько стран, королевств, городов больших и малых погибло» из-за страсти мужчин к подобным ей женщинам; однако Дадли, которому предложили королевство и возможность держать Марию «обнаженную в своих объятиях», с презрением отверг и то и другое, что и окончилось приездом Дарнли.⁴¹¹ После приезда в Шотландию Дарнли одному из первых написал Роберту Дадли; в письме он выражал ему благодарность и называл «своим родным братом». «Хотя я далеко от вас... я не забуду вашей доброты и снисходительности, которые вы бесчисленное множество раз мне выказывали». Стало ясно, кто стоит за его поездкой.⁴¹²

Вскоре после того, как Дарнли уехал в Шотландию, Елизавета поняла, чем чреват его союз с Марией; их совместные притязания на английскую корону вполне способны были объединить вокруг них католическую Европу. Как выразился Филипп в письме к послу де Сильве, брак Дарнли и Марии Стюарт вполне отвечает интересам Испании; «его следует ускорять и поддерживать в полном объеме нашей власти. Пожалуйста, дайте понять леди Маргарет [Леннокс], что я не только рад тому, что ее сын станет королем Шотландии, и не только помогу ему в этом, но помогу стать и королем Англии, если их брак состоится».⁴¹³

Елизавете перспектива такого союза «откровенно не нравилась»; она прервала все дальнейшие переговоры, считая, что это «опасно для той дружбы, которая сейчас связывает две наши державы». Сэр Николас Трокмортон, которого заменили на посту посла во Франции, был послан в Шотландию с поручением сделать все, что в его силах, чтобы «разрушить

⁴⁰⁶ *CSP Span*, 1558–1567, 401.

⁴⁰⁷ Stowe, *Three fifteenth-century chronicles*, 131–132.

⁴⁰⁸ *Memoirs of Melville*, 42.

⁴⁰⁹ *Ibid.*, 45.

⁴¹⁰ *CSP Foreign*, 1564–1565, 331.

⁴¹¹ NLS Advocates MS 1.2.2.

⁴¹² BL Add. MS 19401, l. 101.

⁴¹³ *CSP Span*, 1558–1567, 432.

или отложить» брак и передать Марии, что, «за исключением лорда Дарнли», Елизавета «будет вполне довольна любым ее выбором».⁴¹⁴

Трокмортон не преуспел в своей миссии и через месяц написал из Эдинбурга, что брак «нерасторжим».⁴¹⁵

⁴¹⁴ TNA SP 56/1, l. 95r – 101r.

⁴¹⁵ TNA SP 52/10, l. 128r.

Глава 15 «Непревзойденная и незапятнанная»

5 марта 1565 г. Дадли дал ужин в честь королевы и ее фрейлин. Устроили рыцарский турнир, конные состязания, а позже приглашенным показали комедию на английском языке, посвященную вопросу брака. Спор вели Юнона, сторонница брака, и Диана, сторонница целомудрия. После того как обе стороны представили свои доводы, Юпитер вынес вердикт в пользу брака, на что королева, повернувшись к Гусману де Сильве, воскликнула: «Все против меня!»⁴¹⁶ Твердое решение Марии Стюарт связать себя брачными узами очень нервировало Елизавету. Ее снова стали упрашивать поскорее выйти замуж и произвести на свет наследника. Во вполне откровенной беседе с де Сильвой она объяснила, что брак – «то, к чему я никогда не испытывала никакой склонности. Однако мои подданные так давят на меня, что я ничего не могу поделать; я должна выйти замуж или следовать другим курсом, который очень труден. В мире бытует мнение, что незамужней женщине незачем жить... во всяком случае, если она воздерживается от брака, то из-за какой-то дурной причины, как обо мне говорят, что я не выхожу замуж, потому что люблю графа Лестера, а за него не пойду, потому что у него уже была жена. Хотя теперь у него нет живой жены, я все же не выйду за него... Как говорится, на каждый роток не накинешь платок, и мы должны довольствоваться тем, что исполняем свой долг и верим в Бога, ибо истина в конце концов восторжествует. Он знает мое сердце, которое очень отличается от того, что обо мне думают, как и вы когда-нибудь поймете».⁴¹⁷

Судя по всему, королеве была противна сама мысль о браке. Тем не менее все знали о ее давнем влечении к Дадли. Она по-прежнему принимала знаки его внимания и для собственного удовольствия, и для того, чтобы отвратить нежеланных иноземных принцев, держать их на расстоянии вытянутой руки. Как признавал сам Дадли, «она столь гибка и уклончива и то соглашается, то отказывается... самые близкие к ней люди не в состоянии ее понять, и ее намерения истолковываются по-разному».⁴¹⁸

Весной и летом 1565 г. Сесил предпринимал меры для того, чтобы оживить вялотекущие переговоры о браке Елизаветы с эрцгерцогом Карлом Австрийским. Государственный секретарь считал, что католицизм эрцгерцога, от которого, как надеялся Сесил, тот отречется, не так опасен для Англии, как незамужнее состояние Елизаветы.⁴¹⁹ Однако император Фердинанд, помня о том, как Елизавета однажды уже отвергла предложение его сына, отнесся к инициативе Сесила с подозрением. В июне, когда Фердинанд умер и ему наследовал старший сын Максимилиан, появились новые надежды. Новый император поручил своему советнику и камергеру Адаму фон Цветковичу, барону фон Миттербургу, поехать в Лондон с особым заданием. Нужно было согласовать условия свадьбы.⁴²⁰

Первым делом Цветкович должен был выяснить, расположена Елизавета выйти замуж или нет, а затем, что самое главное, необходимо было, «применив все средства и усилия, узнать, что говорят о нравственности, добродетелях, чувствах и репутации ее величества». Далее советнику предписывалось, «буде он наверняка и по ясным знакам и высказываниям узнает, что ее величество отмечена непревзойденной и незапятнанной добродетельностью»,

⁴¹⁶ *CSP Span*, 1558–1567, 404; см.: Susan Doran, 'Juno versus Diana: The Treatment of Elizabeth I's marriage in plays and entertainments', *The Historical Journal*, 28 (1995), 257–274.

⁴¹⁷ *CSP Span*, 1558–1567, 409–410.

⁴¹⁸ *Ibid.*, 514.

⁴¹⁹ Lettenhove, *Relations Politiques*, ii, 55.

⁴²⁰ Haynes, *Burghley State Papers*, 430; AGS E 653, l. 23; Von Klarwill, *Queen Elizabeth*, 203–204.

если его спросят, он может намекнуть, что император с радостью начал бы переговоры о браке, но лишь в том случае, если они не окажутся «напрасными и тщетными». Эрцгерцог не потерпит, как в прошлый раз, чтобы его «водили за нос». Однако, если он «узнает, не по слухам, но из ясных суждений и общего мнения, что нравственность и взгляды ее величества не таковы, как подобает государыне, ему следует уделить особое внимание, чтобы не проронить ни единого слова по данному вопросу».⁴²¹

Опасаясь угрозы для Франции, какую представлял бы англо-габсбургский альянс, Екатерина Медичи также поспешила предложить претендента на руку Елизаветы. Соперником австрийца выступил ее сын Карл IX, король Франции.⁴²² Союз тридцатилетней протестантки, королевы Англии, и четырнадцатилетнего католика, короля Франции, стал неожиданным и заманчивым предложением. Карл объявил, что влюблен в Елизавету; сэр Томас Смит, английский посол во Франции, считал, что из французского короля выйдет хороший муж. Он заверил королеву: хотя юный король «бледен и не слишком хорошо сложен», он кажется «податливым и мудрым для своих лет» и давал «более остроумные ответы, чем можно от него ожидать». В письме к Елизавете Смит добавлял: «Ручаюсь... что он придется по нраву вашему величеству».⁴²³

Елизавету его слова не убедили; она сказала Полю де Фуа, французскому послу, что его король «и слишком велик, и слишком мал; иными словами, Франция была слишком влиятельной державой для союза с Англией, а Карл, на шестнадцать лет моложе Елизаветы, был слишком молод. Подобный союз подвергнет опасности независимость ее страны, поставит ее под власть католика и сделает ее пожилой женой четырнадцатилетнего мальчика. Она объясняла затем де Сильве, что «не хочет стать посмешищем всего мира, явив картину старой женщины и мальчика у алтаря».⁴²⁴ Цветкович, посланник императора, прибыв в Англию, сообщал, что «шут королевы сказал правду, уверяя, по-английски... что ей не следует выходить за короля Франции, ибо он всего лишь мальчик и неженка; зато ей следует выйти за эрцгерцога Карла, и тогда он не сомневается в том, что скоро она родит своего малыша. Я сказал королеве, что дети и шуты говорят правду, и потому надеюсь, что она услышала слова истины, но она только посмеялась».⁴²⁵

Многие советники Елизаветы разделяли ее сдержанность. Граф Суссекс боялся, что король станет пренебрегать своей старой женой, уедет на родину «и, в соответствии с французскими обычаями, будет жить там с красивыми девушками и, таким образом, всякая надежда на наследника окажется напрасной».⁴²⁶ Но де Фуа возразил, что весь мир «изумляется тому, какой ущерб она наносит редким дарам Господним: ее наделили красотой, мудростью, добродетелью и высоким положением, а она отказывается оставить после себя законное потомство», и добавил, что, «если их брак состоится... плодом его станет самый прославленный наследник, какого не знали последнюю тысячу лет».⁴²⁷ Какое-то время Елизавета притворялась, будто думает над этим предложением, отчасти для того, чтобы добиться возобновления дружественных отношений с Францией, а отчасти для того, чтобы умиротворить собственный парламент, который неустанно обращался к ней с петици-

⁴²¹ Von Klarwill, *Queen Elizabeth*, 206–207.

⁴²² ‘Report of the French envoy in England to Catherine de Medici’, december 1564, HMC *Third Report*, 262–263. Екатерина также предлагала Марии выйти за брата и наследника Карла, Анри, герцога Анжуйского.

⁴²³ TNA SP 70/77/915, l. 128v – 129.

⁴²⁴ TNA SP 31/3/26, l. 32.

⁴²⁵ Von Klarwill, *Queen Elizabeth*, 233.

⁴²⁶ CSP Foreign, 1564–1565, 321; TNA 31/3/26, l. 1; Von Klarwill, *Queen Elizabeth*, 224.

⁴²⁷ Bertrand de Salignac, Seigneur de La Mothe Fénelon, *Correspondance Diplomatique*, ed. A. Teulet, in 7 vol. (Paris, 1838–1840), II, 117–119.

ями выйти замуж. Однако к весне переговоры заглохли сами собой. Сватовство Карла IX не снискало поддержки членов Тайного совета; путь для эрцгерцога Карла оказался свободен.

Когда в мае в Англию приехал Цветкович, двор взбудоражила новость о скором браке Марии Стюарт и лорда Генри Дарнли. Тайный совет постановил, что «единственным важным и действенным средством справиться с этими бедствиями и многими другими... добиться того, чтобы ее королевское величество вышла замуж и в том не допускала долгой отсрочки». ⁴²⁸ На аудиенции 20 мая Елизавета сказала Цветковичу, что хочет начать переговоры о браке: ⁴²⁹ хотя она «в прошлом всеми средствами стремилась остаться незамужней... в соответствии с постоянным давлением, какое накладывает на нее положение страны, теперь она решила выйти замуж». ⁴³⁰ Однако она не согласится идти под венец, не увидев вначале своего жениха. Может ли эрцгерцог приехать инкогнито, чтобы проверить, понравятся ли они друг другу?

«Я опросил нескольких достойных доверия особ относительно девичьей чести и непогрешности королевы, – сообщал Цветкович, – и выяснил, что ее поистине и по правде восхваляют и превозносят за ее королевскую честь, а против нее ничего нельзя сказать, и вся клевета на нее суть порождение зависти, злобы и ненависти». Дадли он называл «добродетельным, набожным, учтивым и в высшей степени нравственным человеком», которого королева любит, «как сестра, со всей девической честью, целомудренно и искренно... о том, что она хочет выйти за него замуж или испытывает к нему что-либо, кроме чистейшей привязанности, не может быть и речи». ⁴³¹ Елизавета заверила Цветковича, что она «заботится о своей королевской и девичьей чести» и что она «сама оправдывается» перед императором «по поводу той клеветы, какая ее окружает». Она выражала надежду, что император поймет: «Она во все времена действовала во всех делах, соблюдая должные приличия и внимание». ⁴³² Она сказала, что «слышала о великой любви, какую питал покойный император Фердинанд к своей жене, и потому надеется, что то же самое можно ожидать от его сына». Цветкович заверил ее, что эрцгерцог Карл унаследовал отцовские добродетели и «будет всю жизнь любить и почитать свою супругу». В заключение Цветкович написал: «Королева была рада услышать мои слова и сказала мне, что у нее есть камер-фрейлина, к словам которой она прислушивается и которая считает: даже если ее муж некрасив, она, королева, должна быть довольна, если он будет любить ее и будет добр к ней». ⁴³³ Можно с уверенностью утверждать, что дамой, на которую ссылалась Елизавета, была Кэт Эшли. Кэт много лет прожила в браке со своим мужем Джоном и делилась с Елизаветой своим опытом. Она растила Елизавету с раннего детства, воспитывала ее и давала ей советы.

Несмотря на очевидное воодушевление королевы, Цветкович не слишком верил в склонность Елизаветы выйти замуж и боялся «уловок». Он считал, «что она решила не выходить замуж и потому не находит никого, кто понравился бы ей; а если она и выйдет замуж, то только за графа Лестера». В самом деле, несмотря на то что переговоры продолжались, при дворе вновь поползли слухи о близости Елизаветы и Лестера. Незадолго до приезда императорского посланника достоянием гласности стала междоусобица между Дадли и его главным врагом, Томасом Говардом, 4-м герцогом Норфолком, первым аристократом Англии и двоюродным братом королевы. Когда Норфолк и Дадли в присутствии королевы играли в теннис, Дадли «стало жарко и он вспотел»; он взял из рук королевы платок и вытер им

⁴²⁸ 'Summary of the advice given by the Privy Council', 4 June 1565, TNA SP 52/10, l. 148–151.

⁴²⁹ Von Klarwill, *Queen Elizabeth*, 208–209.

⁴³⁰ *Ibid.*, 208–210, 225.

⁴³¹ *Ibid.*

⁴³² *Ibid.*, 217.

⁴³³ *Ibid.*, 229.

лицо. Такой поступок намекал на большую близость и считался в высшей степени неучтывым. Норфолк рассвирепел и собирался ударить Дадли, которого назвал «слишком наглым», ракеткой по лицу. Елизавета, естественно, заступилась за Дадли и, по словам одного очевидца, «обиделась на герцога». ⁴³⁴

Позже к Дадли пришла делегация знати, возглавляемая Норфолком; ему приказали перестать прикасаться к королеве и заходить к ней в опочивальню рано утром, до того как она встала. Норфолк заявил, что Дадли часто «принимал на себя обязанности ее камеристки, передавая ей одежду, которой не подобает находиться в руках главного конюшего». Кроме того, он обвинил Дадли в том, что тот «целует ее величество, когда его о том не просят». ⁴³⁵ Герцог Норфолк требовал, чтобы Дадли уговорил королеву выйти за эрцгерцога, добавив: «Горе не замедлит обрушиться на него, ведь все те, кто желает видеть королеву замужем, то есть все подданные, в задержке винят его одного». ⁴³⁶

⁴³⁴ *CSP Scot*, 1563–1569, 140; TNA SP 52/10, l. 68r.

⁴³⁵ Fénelon, *Correspondance Diplomatique* II, 120.

⁴³⁶ *CSP Span*, 1558–1567, 518.

Глава 16 «Глубоко опечаленная»

В мае 1565 г. Елизавета не выдержала напряжения, царившего при дворе. Все давили на нее, требуя выйти замуж и произвести на свет наследника; кроме того, она тревожилась из-за брака Марии Стюарт. У нее случился истерический срыв. Выкрикивая дикие обвинения в адрес Дадли, Сесила и Трокмортонна, она заявила: все, кто давит на нее и требует выйти замуж, на самом деле хотят ее смерти. Она понимала, что после замужества Марии на нее еще сильнее будут давить, призывая поскорее выбрать мужа и родить наследника, и такое будущее наполняет ее ужасом. Сесил уверял королеву, что никто не принудит ее делать что-либо против воли; к чему бы она ни склонилась, ее подданные всегда сохранят ей верность. Однако оба понимали: такие уверения никак не покончат с призывами выйти замуж.⁴³⁷

Наряду с общей тревогой из-за неопределенности с престолонаследием продолжались и злобные сплетни. В разговоре с де Сильвой Елизавета призналась, как огорчают ее упорные слухи о ее поведении и манерах: «И в собственной стране, и во всем мире меня обвиняют во многом, и среди прочего в том, что я выказываю больше благосклонности Роберту, чем следует; порицают мою нескромность. Нет ничего удивительного, что повод к таким разговорам подают молодая женщина и молодой мужчина высоких качеств, к чьим заслугам и доброте я выказываю милость, хотя и не такую, как он заслуживает, но одному Богу известно, что все это клевета. Придет время, и мир обо всем узнает. Моя жизнь проходит у всех на виду; во всякое время вокруг меня столько свидетелей, что я не понимаю, как могло сформироваться такое дурное мнение обо мне».⁴³⁸

Для Елизаветы настали трудные месяцы. Чем сильнее утомляли ее государственные дела и оказываемое на нее давление, тем больше она полагалась на поддержку и суждения своих камер-фрейлин.

Когда в начале лета заболела Кэтрин Ноллис, Елизавета немедленно послала к ней своего врача, доктора Роберта Хьюика. Елизавета не только регулярно справлялась о состоянии Кэтрин, но и знала, что Кэтрин необходимо быстро восстановить здоровье. В самом деле, заболела она крайне некстати. Всего через несколько недель старший сын Кэтрин, Генри, должен был жениться на Маргарет Кейв, одной из фрейлин королевы, во дворце Дарем-Хаус на Стрэнде. Королеву пригласили на свадьбу почетной гостьей; так как требовались еще срочные приготовления, важно было, чтобы Кэтрин скорее выздоровела.

К счастью, визит Хьюика, похоже, помог достичь цели, и состояние Кэтрин быстро улучшалось. Поэтому она присутствовала на свадьбе сына 16 июля.⁴³⁹ После роскошного пира гостей развлекали танцами, которые затянулись глубоко за полночь. После болезни Кэтрин и припадков Елизаветы свадьба стала прекрасным поводом для поднятия духа.

В то время королева жила в Ричмонде, дворце, который славился своими башенками, куполами, увенчанными золотыми и серебряными флюгерами, «певшими» в ветреные дни, и красивейшим парком. Елизавета называла Ричмонд своей «теплой шкатулкой»; его крытые галереи – мощные, покрытые плиткой, украшенные золочеными гербами, розами и опускающимися решетками – соединяли между собой все дворцовые помещения, поэтому не было необходимости выходить на улицу, чтобы попасть в любое из сооружений. Большой зал был поистине огромным – 100 на 40 футов. Его украшали фрески с изображением герои-

⁴³⁷ TNA SP 31/3/25, l. 200–201.

⁴³⁸ *CSP Span*, 1558–1567, 386–387.

⁴³⁹ *Ibid.*, 446; Adams (comp.), *Dudley Household Accounts*, 478.

ческих английских королей. Внутренние покои королевы размещались в большом трехэтажном каменном здании, состоящем из двенадцати комнат; в дополнительных комнатах Елизавета селила самых близких для себя людей. Дворцовый парк занимал площадь 10 акров. В большом саду для нужд двора выращивали великолепные персики, яблоки и терносливы. Кроме того, в огороде росли различные виды салатов и зелени для восемнадцати дворцовых кухонь, а розовую воду и срезанные цветы посылали из Ричмонда в другие дворцы.

Прошло всего два дня после свадьбы сына Ноллис, и Елизавету постигло большое горе. 18 июля умерла ее любимая Кэт Эшли, которая во многом заменяла Елизавете мать. Кэт заболела за несколько месяцев до того, но потом выздоровела. Ее последняя болезнь протекала быстро, а состояние стремительно ухудшалось. Королева провела предыдущий день у ее постели, а на следующее утро ей сказали, что ее обер-гофмейстерина скончалась. Внутренние покои погрузились в глубокий траур; никто не говорил громко, все лишь перешептывались. Придворные дамы разделяли горе королевы. Последующие недели и месяцы их объединяло чувство общей потери. Все привыкали жить без той, на кого привыкли полагаться.

Как Цветкович написал императору Максимилиану, смерть Кэт Эшли «так опечалила королеву, что она не призывала меня к себе до 22 июля». Однако даже в трауре Елизавета понимала, что должна по-прежнему вершить государственные дела; не забывала она и о предложении эрцгерцога Карла. «В этот день, – писал Цветкович, – я известил ее о решении вашего императорского величества, чтобы она забыла о горе. Она, однако, сообщила мне, что в таком важном вопросе она должна подумать, и я оставил ее в чуть более радостном настроении».⁴⁴⁰

Известие о кончине Кэт Эшли быстро распространилось за пределы двора и даже за пределы Англии. Ее смерть «сильно опечалила» королеву, писал испанский посол в своей депеше в Мадрид. Получив письмо де Сильвы, Филипп приписал на полях: «Какой же она была еретичкой».⁴⁴¹ Хью Фицуильям, английский дипломат, служивший при французском дворе, сокрушался, что теперь, «когда мистрис Эшли нет, у него не стало друга, к кому можно было бы обратиться с жалобой».⁴⁴² Ее смерть стала большой потерей для тех послов и дипломатов, которые узнавали от нее последние новости и сплетни.⁴⁴³

Теперь обер-гофмейстериной стала Бланш Парри, которая находилась на службе у Елизаветы дольше остальных. Она стала главной наперсницей королевы. Как писал ее племянник Роулэнд Вон, двор теперь находился «под командованием мистрис Бланш Парри».⁴⁴⁴ С ранних дней жизни, когда Бланш качала колыбель принцессы, Елизавета и ее преданная валлийка были тесно связаны; по мере того, как Елизавета выросла, крепили и их узы. Они обе любили книги и лошадей, и, пока Бланш не состарилась и не ослепла, они часто совершали совместные верховые прогулки. Одной лишь Бланш в дополнение к обычному жалованью платили «конину» в знак признательности к ней королевы. После смерти Кэт Эшли Елизавете пришлось рассчитывать на тесный кружок преданных ей фрейлин; они осуществляли повседневный уход. Кроме того, она искала у них дружбу и утешение, которые издавна находила у Кэт. Фрэнсис Ньютон, дочь сэра Джона Ньютона из Глостершира, служила камер-фрейлиной с начала правления Елизаветы, до того как в феврале 1560 г. во дворце Уайтхолл вышла за Уильяма Брука, барона Кобэма.⁴⁴⁵ «Без отрыва от службы» леди Фрэнсис Кобэм родила шестерых детей, очень похожих на леди Фрэнсис, ее мужа и сестру. Всех их избоб-

⁴⁴⁰ Von Klarwill, *Queen Elizabeth*, 247.

⁴⁴¹ *CSP Span*, 1558–1567, 455.

⁴⁴² *CSP Foreign*, 1566–1568, 130.

⁴⁴³ TNA 70/39/110; BL Add. MS 48, 023, l. 352, 353v, 366.

⁴⁴⁴ Rowland Vaughan, *His Booke – Most Approved and Long experienced water workes containing the manner of winter and summer dawning of Meadow and Pasture...* (London, 1610).

⁴⁴⁵ TNA LC/4/4/3, l. 53v; BL Lansdowne MS 4, № 88, l. 191.

разили на семейном портрете, датированном 1567 г. Несмотря на частые беременности и периоды, когда она отсутствовала, королева очень ценила леди Фрэнсис. В 1565 г., после того как она родила второго ребенка, Елизавета сделала ее хранительницей королевской гардеробной. Она отвечала за наряды королевы – пост, который до тех пор занимала Дороти Стаффорд.

В период после смерти Кэт Эшли Елизавета все больше полагалась на леди Фрэнсис; она не отпускала ее от двора почти до самых родов.⁴⁴⁶ И даже в фамильном особняке в Кенте леди Фрэнсис, искусная портниха, провела последние недели беременности за шитьем. Она готовила новогодний подарок для королевы.⁴⁴⁷ Шить ей помогала ее ближайшая подруга Бесс Сент-Лу (которую позже стали называть Бесс из Хардвика). Бесс назначили камер-фрейлиной в первые годы правления Елизаветы; потом она попала в опалу из-за своего якобы пособничества незаконному браку Кэтрин Грей, который случился за пять лет до того, и ее уволили с королевской службы. Хотя в последующие годы ее отношения с Елизаветой восстановились, во внутренние покои она уже не вернулась. В письме Бесс в ее имение в Четсуорте (Дербишир) леди Кобэм подробно рассказала, как шьет рукава «такой ширины, которая лучше всего подойдет королеве... они тонкие и необычные. Посылаю вам тесьму и сетку [кружево] для королевы той же работы, чтобы сочетались с рукавами... Мода сильно переменилась с тех пор, как вы служили при дворе. Десяти ярдов хватит на воротник и манжеты».⁴⁴⁸ 22 ноября 1566 г. у леди Фрэнсис родился сын, которого назвали Генри, а через несколько недель Фрэнсис вернулась на службу, поручив ребенка заботам кормилицы.

В месяцы траура после смерти Кэт Эшли произошло еще одно волнующее событие. В ноябре 1565 г. Анна Рассел, шестнадцатилетняя дочь графа Бедфорда, ставшая фрейлиной вскоре после вступления Елизаветы на престол, вышла замуж за Эмброуза Дадли, графа Уорика, брата королевского фаворита. Жених был на двадцать лет старше невесты. Венчание состоялось в королевской часовне в Уайтхолле. Свадьбу отмечали при дворе очень пышно: она символизировала объединение двух ведущих протестантских придворных семей. Анна, теперь графиня Уорик, была повышена до камер-фрейлины и впоследствии оставалась в «ближнем кругу» королевы; вскоре Елизавета стала относиться к ней как к близкой подруге и поверенной. Ее племянница, Анна Клиффорд, позже заявит, что ее тетка «была более любима и пользовалась большей милостью королевы, чем любая другая женщина в стране, и не меньшей милостью при дворе и во всех владениях королевы».⁴⁴⁹

29 июля 1565 г. двор переехал в Виндзор. Елизавета обычно проводила в Виндзорском замке лишь в летние месяцы: в старом замке было особенно холодно и сыро, и казалось, что его невозможно прогреть. Под окнами королевских покоев пристроили каменную террасу, где она могла «дышать воздухом» перед ужином или быстро прогуливаться по утрам, «чтобы разогнать кровь».⁴⁵⁰ В большом парке Виндзора Елизавета отдавалась своей страсти: верховой езде и охоте. Она щеголяла своим умением обращаться с лошадьми во время погони. Как писал Гусман де Сильва, «она скакала так быстро, что обгоняла всех, и фрейлины и придворные, которые были с ней, оказывались посрамлены. Для них то была скорее работа,

⁴⁴⁶ Сначала она должна была поехать в Дувр, чтобы встретить принцессу Сесилию Шведскую. TNA SP 12/37, № 28, l. 58–59v.

⁴⁴⁷ Folger Library, Talbot MS X.d. 428 (16).

⁴⁴⁸ Ibid.

⁴⁴⁹ G. C. Williamson, *Lady Anne Clifford, Countess of Dorset, Pembroke and Montgomery, 1590–1676: Her Life, Letters and Work* (Wakefield, 1967), 37.

⁴⁵⁰ Tighe and Davis, *Annals of Windsor*, 639. В 1577 г. стену нарастили, «дабы не позволять гуляющим в саду декана видеть прогулку королевы». *Annals of Windsor*, I, 641.

а не удовольствие».⁴⁵¹ Иногда Елизавета и ее дамы стреляли дичь со специально сооруженных трибун к северо-востоку от замка.

В конце августа Цветкович и де Сильва приехали в Виндзор, дабы испросить у королевы официального согласия на свой отъезд. Елизавета оговорила условия свадьбы, и Цветкович должен был доложить обо всем в Вене.⁴⁵² Учитывая, что послы приехали во дворец поздно вечером, а уехать должны были на следующий день, им отвели одну комнату на двоих. Узнав об этом, Елизавета испытала потрясение. Она считала, что, не дав каждому из них отдельной комнаты, придворные проявили неуважение. «Мои придворные будут знать, как с вами следует обращаться, – объявила королева и, повернувшись к послам, добавила: – Вы поселитесь в моих покоях; я дам вам свой ключ».⁴⁵³ Заверив ее, что они не обиделись, послы отправились к себе.

На следующее утро Дадли повел послов на прогулку по Виндзорскому парку. Возвращаясь во дворец по берегу реки, они проходили мимо здания, в котором размещались внутренние покои королевы. Под окнами королевской опочивальни шут Роберта Дадли, который шел с ними, закричал так громко, что королева подошла к окну в одной ночной рубашке. Полтора часа спустя, одевшись и накрившись, она спустилась приветствовать послов и, несомненно, отчитать Дадли и его шута.⁴⁵⁴ В другой раз, позже, Гилберт Талбот, сын графа Шрусбери, бродил по арене для турниров в Гринвиче в восемь утра и заметил, как Елизавета выглядывает из окна: «Я устремил на нее взгляд; мне показалось, что она очень стыдится, ибо она была не одета, стояла в одной ночной сорочке. Поэтому, заметив меня после обеда, когда она пошла на прогулку, она больно щелкнула меня по лбу и рассказала лорд-камергеру... как я смотрел на нее утром и как ей стало стыдно».⁴⁵⁵

Вскоре после переезда в Виндзор Елизавета узнала, что 29 июля Мария Стюарт тайно обвенчалась с Генри Дарнли. Свадьба состоялась в Холирудском дворце в Эдинбурге.⁴⁵⁶ После того как два католика – претендента на английский престол стали мужем и женой, Елизавете показалось, что трон под ней зашатался.⁴⁵⁷ Как сухо заметил Томас Рандолф, посланник Елизаветы, они «отправились в постель не для того, чтобы сообщить миру, что [не похоть] заставила их пожениться, но только необходимость для страны, дабы не оставить ее без наследника».⁴⁵⁸

Отношения Марии и Елизаветы испортились вконец. «Вся их сестринская близость прошла; ее сменили ревность, подозрения и ненависть».⁴⁵⁹ Английское правительство сочло брак Марии Стюарт и Дарнли угрозой для монархии. Елизавета отказалась признавать в Дарнли мужа Марии и короля Шотландии. Мария, в свою очередь, начала открыто демонстрировать свой католицизм в Эдинбурге, придавая надежды католикам и в Шотландии, и в Англии.⁴⁶⁰ За два года до того папа издал резолюцию, в которой верным католикам разрешалось убить королеву Елизавету. Прощение и «вечная рента» на небесах будут дарованы «любому, кто совершит нападение на королеву, или любому повару, пивовару, пекарю,

⁴⁵¹ *CSP Span*, 1558–1567, 466.

⁴⁵² Von Klarwill, *Queen Elizabeth*, 218, 255; J. H. Pollen, 'Papal Negotiations with Mary Queen of Scots during her reign in Scotland 1561–1567', *Scottish Historical Society*, 37 (1901), 469. См.: Wright (comp.), *Queen Elizabeth and her Times*, I, 207.

⁴⁵³ *CSP Span*, 1558–1567, 465.

⁴⁵⁴ *Ibid.*

⁴⁵⁵ Edmund Lodge, *Illustrations of British history, biography and manners, in the reign of Henry VIII, Edward VI, Mary, Elizabeth and James I*, in 3 vol. (London, 1838), II, 98.

⁴⁵⁶ TNA SP 52/19, l. 180r.

⁴⁵⁷ *CSP Span*, 1558–1567, 492; Mortimer Levine, *The Elizabethan Succession Question*, 165.

⁴⁵⁸ TNA SP 52/1, № 26.

⁴⁵⁹ 'Carte's History of England, books xviii – xx, 1558–1612', BLO Carte MS 188, 385.

⁴⁶⁰ TNA SP 52/10, l. 150v.

виноторговцу, врачу, зеленщику, хирургу или человеку другого рода занятий, который убереет ее».⁴⁶¹ Брак Марии увеличил страх таких покушений.⁴⁶²

⁴⁶¹ Frank A. Mumby, *Elizabeth and Mary Stuart* (London, 1914), 264, № 2; Wright (comp.), *Queen Elizabeth and her Times*, I, 126.

⁴⁶² *CSP Foreign*, 1563, 384–387; BL Cotton MS Caligula B X, l. 299–308.

Глава 17

«Злая мнительность души»

Находясь в Виндзоре, Елизавета узнала еще об одном неприятном для нее браке. Одна из сестер Грей, девятнадцатилетняя Мэри – самая низкорослая женщина при дворе, которую де Сильва называл «уродливой горбуньей», – тайно вышла замуж за Томаса Киза, старшего королевского привратника ростом 6 футов. Киз охранял дворец; от него ожидалась безукоризненная верность. Он был вдовцом вдвое старше своей невесты.⁴⁶³ Они поженились в девять вечера 16 июля 1565 г., когда Елизавета покинула двор, чтобы присутствовать на свадьбе Генри Ноллиса в Дарем-Хаус. В покоях Киза в Уайтхолле при свечах собрались одиннадцать друзей и родственников. Жених и невеста произнесли брачные обеты; Киз подарил своей крошечной невесте крошечное обручальное кольцо. Свадьбу отметили вином «и свадебным пиром», после чего Томаса и Мэри оставили одних и они легли в постель. Когда на следующее утро Елизавета вернулась во дворец, новобрачные разошлись каждый по своим покоям. Королева так ничего и не узнала.

Месяц спустя, когда Елизавета еще не оправилась от известия о том, что Мария Стюарт вышла за Дарнли, просочилась весть о свадьбе Мэри Грей. «Что за неудачное и чудовищное совпадение! – писал другу Сесил. – Старший привратник, самый высокий джентльмен при дворе, тайно женился на леди Мэри Грей, последней из придворных... оскорбление очень велико».⁴⁶⁴ Елизавета пришла в ярость.⁴⁶⁵ Леди Мэри посадили под арест в Виндзоре, а Киза держали в одиночном заключении в печально известной лондонской тюрьме Флит. Его огромная фигура с трудом умещалась в тесной камерке.⁴⁶⁶

* * *

Атмосфера при дворе, накалившаяся из-за браков Мэри Грей и Марии Стюарт, не говоря уже о горе Елизаветы после смерти Кэт Эшли, повлияла и на отношения королевы и Дадли. Как писал Сесил сэру Томасу Смиту, «ее королевское величество испытывает некую неприязнь к милорду Лестеру, из-за чего он очень недоволен. Она жалеет о напрасно потерянном времени, как и все ее верные подданные».⁴⁶⁷ В августе Елизавета начала флиртовать с сэром Томасом Хениджем, симпатичным придворным. Как сообщал де Сильва, королева «начала улыбаться одному камергеру по фамилии Хенидж, что привлекло много внимания».⁴⁶⁸ Несмотря на то что Хенидж был женат, Дадли считал его серьезным соперником и ревниво следил за его возвышением. Когда Дадли напрямую упрекнул королеву, «она, очевидно, была весьма раздражена разговором». Сесил считал, что флирт Елизаветы с Хениджем был «необоснованным вздором», и королева «играла намеренно, преследуя собственные цели».⁴⁶⁹ Дадли ушел к себе «в глубокой меланхолии» и пробыл в своих покоях четыре дня, «демонстрируя своим отчаянием, что он больше не может жить».⁴⁷⁰

⁴⁶³ Ellis (comp.), *Original Letters*, II, 299.

⁴⁶⁴ Ibid.

⁴⁶⁵ *CSP Span*, 1558–1567, 468.

⁴⁶⁶ *CSP Dom* 1547–1580, 277.

⁴⁶⁷ Wright (comp.), *Queen Elizabeth and her Times*, I, 206–207.

⁴⁶⁸ *CSP Span*, 1558–1567, 454.

⁴⁶⁹ Ibid., 505.

⁴⁷⁰ Ibid., 470.

Дадли отомстил, расточая внимание Леттис Ноллис, двадцатичетырехлетней дочери Кэтрин Ноллис, давней спутницы и кузины Елизаветы. Хотя Леттис назначили камер-фрейлиной после вступления Елизаветы на престол, в декабре 1560 г. Леттис вышла замуж за Уолтера Деверо и удалилась от двора. В течение следующих нескольких лет она родила пятерых детей, однако время от времени появлялась при дворе. Именно во время ее приезда в Виндзор летом 1565 г., когда она была на поздних сроках беременности своим сыном Робертом, Дадли начал ухаживать за ней. Когда Елизавета узнала о флирте Дадли, она «сильно вспылила» и, по словам испанского посла, «упрекала» Дадли «в том, что произошло... в весьма язвительных выражениях». Сесил записал в дневнике, что «ее королевское величество, похоже, очень обижена на графа Лестера и потому сделала неясную приписку в книге в Виндзоре».⁴⁷¹ Книга сохранилась. Надпись, сделанная Елизаветой, гласит:

⁴⁷¹ CP 140/1; см.: Murdin, *Burghley's State Papers* (London, 1759), 760.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.